

Одда

а значит, надо учиться. Учить нас было некому, мы просто подначивали друг друга, тянулись друг за другом и так стали первыми триальщиками в нашем городе, потом пришло второе поколение, и, как показывает время, подрастающее поколение сильно прогрессирует, ребята уже на голову нас выше. Так происходит не только в триале,

я разговаривал с брейкерами, у них то же самое — есть старая школа, есть новая.

Как и в любой другой спортивной дисциплине, в триале есть свои обязательные элементы, один

ТРИАЛ СПОРТ
скидка **25%** только до **15 ИЮНЯ**
на туристическое снаряжение

• ул. Малышева, д. 53, ТЦ "Антей", 4-й этаж
☎ (343) 269-87-22, 379-57-44
• ул. Крауля, д. 63 ☎ (343) 242-06-80

Предъявителю дисконтной карты

Купил сам, передай товарищу!

www.ekipirovka.ru

ВСЕ, ДЛЯ АКТИВНОГО ОТДЫХА
(343) 261-74-26, 261-38-24, 257-01-77, 266-26-27

из них—стойка на заднем колесе, в основном в ней проходят препятствия. По правилам соревнований препятствия нельзя задевать ни ногами, ни педалями, ни звездой. Техника у всех триальщиков одна и та же, потому что задача одна — прыгнуть дальше, прыгнуть лучше, но есть города, где ребята сильнее, это Заречный, это Ревда,

в Челябинске есть свои сильные люди, в Перми, в Екатеринбурге. В Тюмени мало народ триалит. В прошлом году к нам гость приехал из Самары, так он тут всем жара задал, такого стиля задал. Никто его не знает, просто парень к бабушке с велосипедом приехал погостить — вот такой самородок. А учатся все по одному и тому же,

многое берем из интернета. Очень интересное видео бывает, всех поразило недавнее видео, где парень отскакивает от дерева и делает сальто. А чтобы проехать по шлагбауму, по кривой, дребезжащей трубе, нужно иметь невероятный дар. Что тут скажешь, это всех восхищает. Сразу видно, что после очередного яркого видео все во-

ЦЕНТР
ОБРАЗОВАНИЯ
www.genius.ur.ru

ШКОЛА

АВТОВОЖДЕНИЯ
СУДОВОЖДЕНИЯ

тел.320-55-70
WWW.GENIUS.UR.RU

КУРСЫ

ЯЗЫКОВЫЕ
КОМПЬЮТЕРНЫЕ

г.Екатеринбург, ул.Победы, д.16, тел. 320-55-75

круг начинают тренироваться в выполнении таких же трюков. В триале всегда есть к чему стремиться, но как вид спорта он еще не очень развит в плане спонсорства, хотя соревнования очень зрелищные.

В городе по экстриму на велосипедах нет никаких секций. Люди сами подходят к нам: кто-то увидел на улице, на соревнованиях, в журналах, кому-то друзья посоветовали. Дальше встают вопросы цены велосипеда и времени. Как и в любой деятельности, здесь у каждого свой темп развития, во многом зависящий от физиологических особенностей. Человека со способностями видно сразу, ему просто нужно немного помочь, подсказывать. Он так прогрессирует, что легко может из ученика стать учителем. А другой будет топтаться на месте, хотя будет тратить столько же времени. Рано или поздно каждый вырабатывает свой стиль, т.е. плавность, грамотность, легкость прохождения элементов. Если человек трассу проходит тяжело, напряженно, то это неинтересно смотрится, а когда человек

ее проходит легко, красиво, элегантно, на него обращают внимание, его запоминают. Триал не требует особых условий, в городе очень много подходящих парапетов, бортиков, поребриков. Кто-то может называть то, чем мы занимаемся на улицах, вандализмом, но я считаю, что граффитки наносят городу гораздо больший вред, чем катание на велосипеде, здесь же идет взаимодействие резины с камнем, а не железа. Конечно, для триальщиков было бы удобно иметь свое помещение, чтобы

была крыша над головой, потому что погода на Урале неустойчивая даже летом, но помещения пока у нас нет.

Кроме триала в городе развиты такие виды экстрима на велосипедах, как flat lend, для которого все, что нужно — это идеально гладкая поверхность, и больше ничего. Здесь главная задача — совместить трюки и тем выполнить связку, чтобы один элемент

плавно переходил в другой. Также нельзя касаться ногой земли. Есть еще очень красивый и очень зрелищный экстремальный вид спорта dirt jumping, т.е. прыжки на земле. Очень динамичный и очень опасный вид спорта, где задача райдера разогнаться, прыгнуть в воздух и сделать какой-нибудь трюк, а еще лучше 2–3 трюка, те же сальто, супермены или канканы. Есть еще стриттовая дисциплина, т.е. уличная, люди просто экстремально катаются по улицам, но это уже не спорт. У стриттеров также есть свой стиль, свои споты, но у них нет спортивного режима, обязательных элементов и специальных площадок. А еще у них нет команды, а умение работать в команде очень важно для спортсменов. Есть люди, которые классно катаются, но с ними нет слаженности. Мы с ребятами нашей командой выступаем, устраиваем шоу, и пока больше таких команд у нас в городе нет.

Для каждого райдера велосипед — это прежде всего свобода, поэтому и стиль одежды у нас свободный, и музыку все мы слушаем совершенно разную, кто-то вообще ничего не слушает. Конечно, у нас есть свои приколы, но их не понять остальным. Мы часть уличной

культуры, поэтому, как и роллеры и скейтеры, одеваемся поярче, отдышаем поактивнее, мне кажется, это так скучно постоянно находиться в городе, следить за состоянием дорог. А в остальном мы такие же люди, как все. Вот только автомобилисты нас не уважают, давят. Еще дождь мешает, бывает, с утра выезжаешь — солнце светит, домой возвращаешься — ливень. А зимой главное одеться соответственно, мы же двигаемся, это то же самое, что бегать зимой, а на остановке люди стоят в мороз, транспорт по полчаса ждут, тоже мерзнут, только я-то в это время к дому приближаюсь. Я каждую зиму катаюсь и еще ни разу не заболел, организм не застаивается, все время в тонусе, бывает, просыпаешься уже только на велике по дороге на работу. Меня очень радует, что с каждым годом все больше велосипедистов выходят на дороги. Все радостные, довольные ездят, никто в пробках не стоит, не тратит зря время. Я заходил тут в фитнес-центр, где мне сказали, что у них появилось экстремальное катание на велостанке, я спросил, как это, и мне рассказали, представляете, что это у них экран установлен перед тренажером, т.е. когда вы с трудом крутите педали, перед вами горный пейзаж

появляется. Вот это экстремальное катание!

Я помню, как ехал я однажды из Тюмени домой, после ночного рейса меня в 6 утра посадили на поезд из Баку, так там ребята кавказской национальности просто выкидывали меня с велосипедом из тамбура. И такое часто бывает, а вел, он же дорого стоит, где-то половину стоимости «Оки», ты его так же холишь и лелеешь, как автомобиль. И не объяснишь ни одному охраннику, что тебе на пять минут, что велики угоняют, что пристегивать к дереву его бессмысленно — кусочками перекусывают. Редко можно прийти к компромиссу. Сделали бы велопарковки понадежнее, потому что кража — это очень неприятно, а случаются они часто. У меня друг этой зимой продал машину, купил велосипед и все необходимое для него, начал новую жизнь, курить бросил, счастливый такой ездил, а на днях у него от спортивного магазина велосипед угнали... сходил за новыми педалями. Так что если кто-то решит заняться экстремальным велоспортом, не надо стесняться, подходите к нам, мы так же, как и роллеры и скейтеры, встречаемся по вечерам возле Театра драмы.

УРАЛЬСКИЙ следопыт uralstalker.ru

июнь 2009

Лидер
Уральского
Турбизнеса

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Человек в экстремале	Велосипед — это свобода..... 2 пол. обл.
Д. МИНИН	
Дети в походе	Откуда берутся кадры 6
А. ЕЛИЗАРОВ	
Пермская туристическая гильдия	Культурно-историческая психология Руси 8
Е. ПАХОМОВА	
Маршруты Серебряного кольца	За уральской платиной..... 10
Н. ЧУДИНОВА	
Заповедные земли Урала	Записки факторщика..... 16
Б. ПОПОВ	
Путешествие	Сплав по Народе 22
У. МАРКОСЯН	
Маршруты Зауралья	Старица 27
А. МУРЗИН	На берегах Тавды —
С. НОВОПАШИН	на границе Урала и Сибири 28
Человек в экстремале	Когда звезды были большими 36
А. ЗАЛЕСКИЙ	
В объективе — Урал	Пропащая яма..... 41
Л. ВОЛКОВ	

АЭЛИТА

Координаты чудес	Река 43
М. ГОРБАТЮК	
Законы Вселенной	Праведник..... 48
Н. СРЕДИН	
Повод для улыбки	Там где коптят угря..... 63
А. ВЛАСЕНКО	

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска	Писательницы России 61
Ю. ГОРБУНОВ	
Далекое — близкое	Мототуристы на ЯВЕ..... 66
А. ВОЛКОВ	
Далекое — близкое	Как Менделеев не ко двору пришелся 69
И. ГЛАДКОВА	
Краеведческая копилка	Кожевенник Чуватов 72
Л. ЕЛТЫШЕВА	
Тропой поиска	Туринская бумага 74
Ю. КЛЮШНИКОВ	Картинка с выставки..... 77
В. МОИСЕЕВ	
Камни Урала	Родонит — именитый уральский минерал... 78
В. АВДОНИН	
Человек и природа	Костер на лугу..... 3 пол. обл.
М. ФОНОТОВ,	
В. САДЫРИН	

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.
 Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов,
 Б.А. Долинго, Е. Пахомова
 Худ. редактор, верстка — А.А. Жильцова.
 Набор — В.М. Кадочникова.
 Корректор — Т. В. Сергеевко.
 Фото 1 полосы обложки — М.Ю. Фирсов

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
 Редакция, издатель — СОО «Трудовой коллектив
 редакции журнала «Уральский следопыт».

Редационный совет —
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
 Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —
 • Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников
 России;
 • Семен Спектор, заслуженный врач России.
 • Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
 Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
 Почтовый адрес редакции, издателя:
 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
 тел. (343) 295-61-27, (343) 295-61-28
 E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной
 службы по надзору за соблюдением законодательства в
 сфере массовых коммуникаций и охране культурного на-
 следия по УрФО
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано
 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным пра-
 вом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются
 отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30
 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
 подписана автором. Обязательно прилагать информацию
 об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале,
 на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В
 первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные
 электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответ-
 ственность за предоставление материалов и иллюстраций,
 обремененных правами третьих лиц.
 Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При от-
 правлении электронных сообщений обязательно заполнять
 поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия ООО «Ураль-
 ский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт»
 обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского
 следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
 правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
 «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:
 - Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
 подписной индекс 31646

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспе-
 чать», индекс 73413
 - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 - Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-
 ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего за-
 рубежья

- Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»
 • ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
 • ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
 • ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
 • ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43
 • ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
 • ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
 • пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
 • ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
 • ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

Александр ЕЛИЗАРОВ,
фото предоставлено автором

Откуда берутся кадры?

Этот вопрос мучает многих руководителей и не только туристической отрасли. В последнее время интерес к спортивному туризму и экстремальному отдыху на Урале возрастает в геометрической прогрессии. Конечно, мировой экономический кризис не оставит без внимания и данный сегмент рынка, но это всего лишь временное явление, а в будущем все руководители предвидят становление на прежний лад своего предприятия.

Данная тема стала актуальной совсем недавно — где взять подготовленных, опытных и квалифицированных инструкторов. Некоторые фирмы создают свои собственные курсы по подготовке к лицензированию и повышению квалификации своего штата инструкторов, такие курсы рассчитаны на работу только в данной организации, так как имеют небольшую протяжен-

ность с наличием минимальной теоретической базы. Собственные сертификаты и удостоверения не будут востребованы в другой фирме, так как рассчитаны под цели и задачи только определенной ор-

ганизации, а также они не всегда имеют достаточную юридическую силу.

Существуют типовые курсы по подготовке инструкторских кадров, которые регламентированы

Туристско-спортивным Союзом России. Эта 4-уровневая система обучения, включающая в себя теоретические и практические части. В нашем городе система подготовки инструкторов по спортивному туризму, или ее второе название школа туристской подготовки, должна быть оформлена в Зональной маршрутной квалификационной комиссии при Екатеринбургском городском клубе туристов, они же выдают удостоверения и дипломы слушателям курсов.

Учебный процесс состоит из двух основных частей: лекционно-семинарской и практической.

На первом этапе в течение 3-х месяцев (март, апрель, май) 1–2 раза в неделю слушатели посещают лекционные и семинарские занятия, которые проводят специально приглашенные мастера спорта и мастера спорта международного класса по туризму и альпинизму.

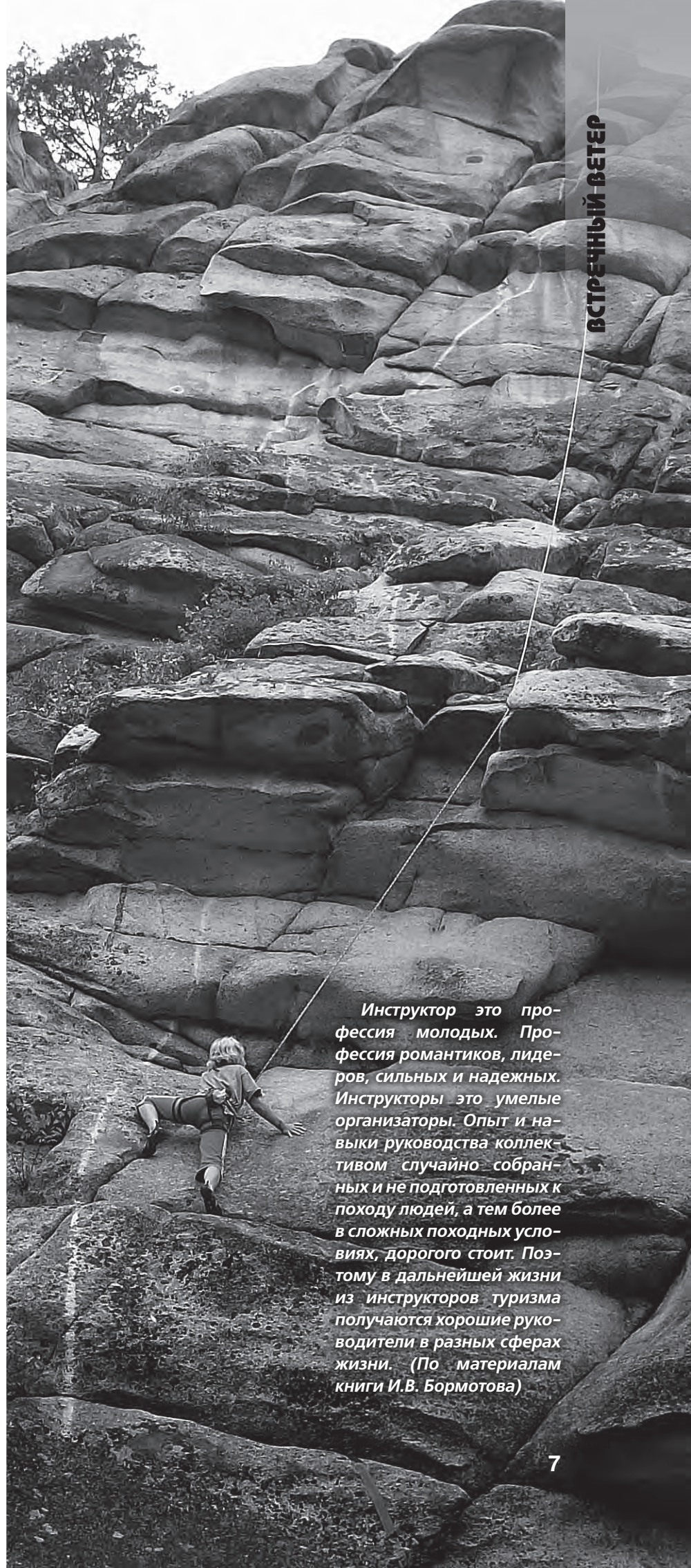
Далее слушатели в зависимости от выбранной специализации участвуют в итоговом категорийном (спортивном) учебном тренировочном походе. На выбор в разных видах туризма: водном, горном, пешем и вело (при желании можно получить квалификацию в нескольких видах туризма).

По окончании курсов слушатели сдают итоговый зачет и получают удостоверение (установленного Туристско-спортивным союзом России образца) и диплом.

Аттестуемые категории кадров:

1. Юный инструктор.
2. Инструктор детского юношеского туризма.
3. Организатор спортивного туризма (при наличии опыта руководства).
4. Инструктор спортивного туризма.
5. Гид-проводник.

По окончании курсов выпускники школы имеют возможность показать свои навыки и знания на практике. Поработать в летний период в детских оздоровительных лагерях, которые созданы на базе бывших пионерских лагерей «Салют» и «Красная горка». В этих лагерях для детей разработана интересная программа активного отдыха. Занятия скалолазанием, спелеологией, водные и велопоголки.

Инструктор это профессия молодых. Профессия романтиков, лидеров, сильных и надежных. Инструкторы это умелые организаторы. Опыт и навыки руководства коллективом случайно собранных и не подготовленных к походу людей, а тем более в сложных походных условиях, дорогого стоит. Поэтому в дальнейшей жизни из инструкторов туризма получают хорошие руководители в разных сферах жизни. (По материалам книги И.В. Бормотова)

Культурно-историческая психология Руси

В тайны глубинного значения кукольного мастерства на Руси нас посвятила Ольга Николаевна Попова — доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала Российского государственного университета туризма и сервиса в г. Пермь.

Как и многие творческие люди, Ольга Николаевна — человек увлеченный, касается ли это научно-исследовательской работы или ее иных увлечений. Сегодня помимо работы преподавателя она руководит творческой сувенирной мастерской «Пелагея» и возглавляет Фонд содействия развитию кукольных промыслов при ПРОО «Дом дружбы».

Кукольная мастерская была открыта в 2007 году при филиале Российского государственного университета туризма и сервиса в г. Пермь. Творческая деятельность объединила преподавателей, студентов, мастеров и любителей кукольного промысла по созданию сувенирных кукол, отражающих образ территории Пермского края. Мир кукол Ольги Поповой удивителен, ярк и разнообразен. В мастерской можно увидеть современные текстильные куклы, игровую продукцию

(куклы-погремушки), а также сувенирные фарфоровые куклы в национальных костюмах. Изюминкой коллекции является «Прикамский хоровод» (куклы в костюмах народов Прикамья), созданный на основе идеи Ольги Николаевны в 2007 году. В дальнейшем идея «Прикамского хоровода» была преобразована совместно с ПРОО «Дом дружбы» в коллекцию кукол «Пермский хоровод», которая включает 250 кукол в национальных костюмах и насчитывает 125 национальностей, проживающих в Пермском крае. Коллекция уникальна и не имеет аналогов в мире. Кроме того, Ольгой Николаевной была создана коллекция «Пятнадцать сестер (15 республик)» (2008 г.), собрана и изготовлена коллекция народных кукол «Куклы из бабушкиного сундука» (2009 г.). В последней коллекции не один десяток кукол, созданных по уникальным технологиям, дошедших до нас из глубины веков. Ольга Николаевна бережно сохраняет и трансформирует это знание, преобразует его в педагогические технологии. Сегодня народная кукла все больше и больше входит в нашу жизнь, заполняя воспитательное и образовательное пространство: востре-

бованы безликие куклы-обереги, игровые тряпичные куклы, огромный интерес к сакральным функциям этих кукол. Известно, что собрание народных кукол разнообразно и включает: игровые куклы (в т.ч. девка-баба, орловская мамка), свадебные, целительские (в т.ч. кубышка-травница), куклы материнства (в т.ч. толстушка-костромушка), куклы для младенцев (в т.ч. нянюшка), обрядовые домашние, обрядовые календарные (в т.ч. купавка), вежевые, обереги, утешницы, полезные, подарочные.

*Орловская мамка представляет собой традиционную игровую куклу, выполненную из разноцветных кусков ткани, кожаных кусочков, льняной кудели, которая предназначалась для игры маленькими девочками и способствовала воспитанию в них будущих матерей. Бытовала в Орловской губернии.

*Кукла девка-баба является также игровой куклой. Однако эта кукла с сюрпризом: с одного конца она выглядит девкой, в ярком, праздничном наряде, с длинной косой, а с другого конца преобразуется в замужнюю бабу или старуху. В основе куклы — палочка, заменяющая традиционный столбик. Иногда у бабы

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ — член Пермской туристической гильдии

23 апреля во время проведения в г. Пермь XII Межрегиональной выставки «Туризм и Отдых в России — 2009» Уральский следопыт был принят в члены Пермской туристической гильдии. Пермская туристическая гильдия объединяет более 40 организаций, прямо или косвенно связанных со сферой туризма, включая образовательные учреждения. Начиная с этого номера, мы будем публиковать материалы о самых интересных событиях из жизни наших партнеров.

в руках ребенок, что подчеркивает ее образ. В такой кукле не было ничего лишнего и случайного.

*Купавка представляла собой куклу одного дня. Кукла олицетворяла собой начало купаний. Ее сплавляли по воде, и тесемки, привязанные к ее рукам, забирали с собой людские болезни и невзгоды – такое значение придавалось очистительной силе воды. Это кукла праздников Аграфены, Купальницы и Ивана Купалы. Бытовала в Тульской губернии.

*Кубышка-травница – это узелковая кукла, которая связывалась из шести узлов, набитых разными сухими и душистыми травами. Эта кукла изготовлялась и дарилась для оздоровления. По народным поверьям, она могла вернуть здоровье и хорошее настроение человеку.

**Толстушка-костромушка* – основа женской сути, толстенькая симпатичная куколочка олицетворяла материнство и помогала сохранить беременность и выносить ребенка. В длинную кудельную косу куколочки ничего нельзя было вплести, косичка заплеталась до тоненького конца.

*Нянюшка. Маленькая теплая куколочка с четко выраженной грудью несла в себе образ заботливой нянюшки. С такой куколочкой маленький ребенок шел гулять, крепко зажав ее в своей ручке. Окружающий мир с этой куколочкой был ему не страшен.

**Кукла «Маремьяна»*. Детская игровая куколочка в традиционном костюме: рубахе, сарафане-дубасе, фартуке. Авторская реплика Ольги Николаевны, разработана на основе народной куклы.

**Сонница-бессонница*. Является узелковой куколочкой. Она изготовлялась из носового платка. Кукла условна, что позволяло ей выполнять обрядовую роль, охраняя ребенка от темных сил. Узелки у русских людей исстари считались защитой от колдовства. Такую куколочку часто клали в люльку с ребенком, приговаривая: Сонница-бессонница, не играй с моим дятком, а играй с этой куколочкой...

**Кукла «Дочка»*. Простая в исполнении тряпичная куколочка, об-

Орловская мамка

Девка-Баба

Кубышка-травница

Купавка

«Маремьяна»

ращает нас к старинным артельным традициям. Технологию куклы передали Ольге Николаевне в г.Закамске Пермской области в 1996 г.

Кукла одета в традиционную одежду, волосы куклы оформлены из чулка.

Нина ЧУДИНОВА,
фото предоставлено автором

За уральской платиной, или Сокровища горы Соловьевой

Новый туристический маршрут природного парка «Река Чусовая»

В этом году исполняется 190 лет открытия платины в России. Напомним: в 1819 году в золотоносных россыпях близ Верх-Нейвинска были обнаружены первые крупинки белого металла, химический анализ которых показал, что это платина, иридий и осмий. В 1823 году император Александр I распорядился обследовать уральские недра для поиска нового загадочного металла, который уже высоко ценился в Европе. В 1824 году в Гороблагодатском горном округе на реке Орулиха обнаружена первая настоящая платиновая россыпь, названная Царево-Александровской. С конца XIX века самые богатые в мире россыпи разрабатывались на реке Тура и ее притоке – реке Ис. Всего за период с 1824 по 2003 годы на Урале было добыто около 500 тонн этого металла.

С 1825 года и до середины 1870-х годов главным районом по добыче платины не только в России, но и в мире был Нижнетагильский горный округ.

Предлагаемый экскурсионный маршрут «За уральской платиной» проходит по местам добычи этого драгоценного металла, нареченного испанцами пренебрежительным словом «серебришко» (platina – уменьшит. от plata – серебро. Примесь серебристых крупинок неизвестного металла к золоту подрывала доверие к ценности испанских золотых монет, поэтому их отделяли и выбрасывали в море).

Как-то, остановившись в один из субботних дней декабря у при-

дорожного магазина с завлекающим названием «Ради Вас», что стоит на окраине поселка Черноисточинск в 20 километрах от Нижнего Тагила, мне показалось, что половина тагильчан за каких-то два года превратилась в заядлых горнолыжников: на крыше каждой второй машины вперед ее «летели» лыжи. На Белую спешат, благо выдался чудесный солнечный день.

А знают ли они, что в XIX веке в эти же края стремились попасть все путешественники, приезжавшие в Нижнетагильск? Знают ли

сколько человеческого труда вложено для того, чтобы их добыть?

Только Белая для тех путешественников была лишь ориентиром. А стремились они в район горы Соловьевой. Соловьева гора – это цуг горных вершин, который тянется на север от Белой: сама Соловьева (544 м), за ней Дунитовая, Синицына, Высоцкого, и замыкает его г. Зотиха (483 м).

Весь этот массив сложен магматической горной породой – дунитом, в которой в результате сложных геологических процессов в отдельных участках сконцентри-

Золотодобытчики

современные любители зимнего отдыха, чем знаменит на весь мир этот край, какие несметные богатства создала здесь природа и

ровались в виде жил, прожилков, желваков скопления драгоценного металла – платины вместе с хромитом (только об этом гео-

Поселок Уралец, ср. Мартьяновский прудок, вид с г. Белой

логи узнали гораздо позже). При разрушении этого массива за последующие геологические эпохи (ученые посчитали, что он стал ниже на 200 метров), на склонах его, в логах, в долинах рек, берущих здесь начало, накопились богатейшие платиновые россыпи.

Путешествие по местам добычи платины лучше начать от истоков речки Мартьян — самой богатой платиновыми россыпями. Она берет начало в красивой седловине между Соловьевой и Голой горами, в болоте, с которым теперь сливается специально созданный в период дражных работ Верхний прудок — теперь место отдыха и рыбалки любителей путешествий.

Если от Верхнего прудка пройти по грунтовой дороге чуть дальше, к горе Голой, то окажемся на берегу другой речки — Чауж, которая берет начало непосредственно с вершины Соловьевой горы и течет «по противоположному скату» Уральского хребта, омывая цепь

Соловьевых гор с востока и через 16 км впадая в Черноисточинский пруд. От ее природного русла не осталось и следа. Добыча платины, начиная с верховий на Косогорском (с 1831 г.), Павловском (1840 г.), Григорьевском (1870 г.) приисках, велась и «широким разрезом» — поперек долины реки, и в глубоких шахтах из увальных россыпей, и, наконец, драгами. Сейчас река похожа на систему перетекающих друг в друга прудков, самый большой и красивый из них остался на месте Павловского прииска.

Там, где Чауж прижимается к горе Голой, в начале 2000 годов вела добычные работы фирма «Платур». Не случайно вернулись сюда после стольких лет перерыва современные старатели. Еще три года назад жив был замечательный уральский геолог Василий Иванович Кузнецов, который в 1942 году в этом месте открыл залежи так называемых «чаужинских конгломератов» — сце-

ментированных мелких кусочков выветрелого дунита с большим содержанием крупинки платины. При их разработке из глубокой шахты старательской артелью во главе с висимчанином Гаврилом Ефимовичем за четыре года было добыто 480 кг чистой платины и самородок весом 3 кг 800 граммов. Найти сейчас образец такого конгломерата — большая удача.

Но вернемся на Мартьян. От дамбы в виде неприметного ручейка теряется она в высокой траве среди мелкоколесья где-то вдоль шоссе, которая быстро спускается к поселку Уралец. Кажется, что дорога идет среди болота — кругом поросшие травой отвалы песка, похожие на кочки, а хвойный лес редкий, чахлый. Ничего удивительного — дорога проложена по долинам сменяющих друг друга широких и узких логов, начинающихся на Соловьевой горе. Сейчас и не разберешь, где какой, но они следуют один за другим в сторону Белой горы и

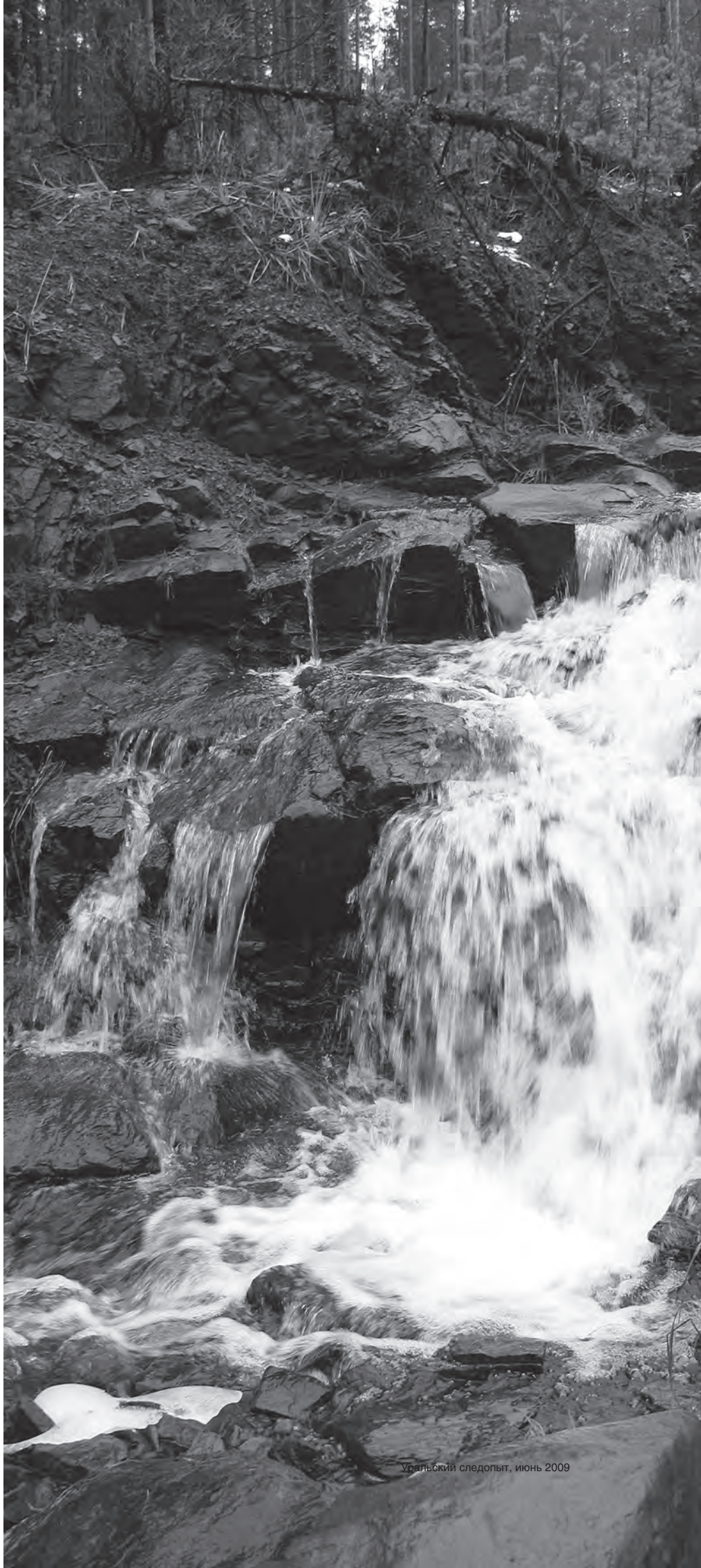
впадают в Мартьян: Белогорский (в него впадает Швецовский), Пупков (впадает Крутенький), Сухой (впадает Каменный). По их названиям именовались и действовавшие прииски.

Дорога как-то неожиданно врывается в красивейшую горную долину. В центре ее видна гладь пруда, ограниченного дамбой. Это Средний прудок на реке Мартьян. По левому берегу реки от Белой горы на юг тянется цепь горных вершин Главного Уральского хребта под общим названием «Веселые горы». По обеим сторонам пруда, у подножия гор раскинулся ныне «широкой картиной» поселок Уралец, но правобережная часть селится кучно, между горами Соловьевой и Малой Шульпихой.

Обживать эти места стали с начала действия прииска «Сухой» в 1828 году, намыв за первые 7 лет его работы более 156 пудов платины (около 2,5 тонн) и 200 самородков. Сейчас этот лог оказался в самом центре поселка, по склонам его на Соловьеву гору поднимаются строения частных домиков и современных многоэтажек.

В 1836 году в конце этого лога при впадении его в Мартьян начал разрабатываться самый знаменитый прииск – Авроринский. Свое название он получил в честь Авроры Карловны Шернваль-Демидовой, жены Павла Николаевича Демидова, бракосочетание которых состоялось осенью того же года. Наверное, не очень радостное впечатление произвел на заводовладелец сей свадебный подарок, когда она летом 1849 года посетила эти места по дороге на Чусовую. Вот как описывает его Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Платина», вышедшем в 1890 году: «...Авроринский прииск разлегался унылой, серой полосой – ни деревца, ни травки, ни кустика. Мартьян совсем как-то затерялся среди беспорядочно-нагроможденных перемылок, отвалов и свалок...».

Да, размах работ впечатляет. «Если бы собрать все работы вместе, то есть затраченную на них силу, то, право, можно было

бы сдвинуть Белую гору...» – так охарактеризовал этот труд один из старателей при разговоре с Маминим-Сибиряком. Только на одном Авроринском прииске в течение промыслового сезона промывали на специальных устройствах – вашгердах, бутарах, мутильных машинах, американках и т.д. до 4 миллионов пудов породы, получая десятки пудов чистой платины. Причем, самые богатые россыпи сначала отрабатывали «господскими работами» – на господ Демидовых, которыми руководила непосредственно заводская контора. Следом, что осталось, разрабатывали старатели, объединявшиеся обычно в семейные артели. Получая плату за золотник сданного металла, старатели выбирали места, где побогаче металла, а в начале XX века при общем истощении песков старые отвалы перемывались по несколько раз. Первые вольные старатели в округе появились только после отмены крепостного права в 1860-х годах.

С 1907 года долина реки разрабатывалась драгами вплоть до закрытия всех работ в 1953 году. Об этом напоминают нам многочисленные дражные отвалы, гряды пустой породы, зарастающие все больше лесом.

Авроринский прииск прославился не только самой богатой россыпью, но и находкой в 1843 году самого крупного в мире платинового самородка весом в 9622 грамма (18x13x12 см), не сохранившегося, к сожалению, до наших дней.

Чтобы закончить рассказ о мартьяновских россыпях, укажем, что разрабатывались они на 10 приисках. За Авроринским ниже по течению действовали: Шулъпихинский, ныне поселок Первомайский, Иосифовские I и II, а при впадении Мартьяна в реку Шайтанку в советское время действовал очень крупный прииск «Метелев лог», до которого была проложена узкоколейка.

Продолжим нашу экскурсию. По улице Уральца, что идет по

склону Сухого лога, поднимаемся в его верховья, и через 30 минут перед нами открывается широкая долина знаменитого Александровского лога, а с верховий Соловьевой горы спускается к его подножию лог Сырков – настоящая кладовая платиновых самородков. Поздние работы сравнивали все границы первых приисков, но разработка сначала Мартьяновского I в 1827 году, через три года Сыркова и Царево-Александровского (1838 г.) дали ошеломляющие результаты. В первые же годы здесь было найдено 3384 самородка весом от 4 до 3000 граммов. Известие о таком богатстве всколыхнуло весь округ. Людей охватила настоящая платиновая лихорадка. Не этим ли объясняется, что за каких-то 12 лет на Соловьевой было открыто 20 платиновых приисков? Правда, честь открытия большинства приисков приписывается служащим Н.-Тагильских заводов «через командировку от Конторы», которая ведала всем промысловым делом округа, например Ивану Белову, а «по особому усердию отыскателя» – большая редкость, ведь за такие открытия полагались вознаграждения.

Сейчас мы можем объяснить такое скопление и происхождение самородков. Ни в одном месте на Земле, где встречается платина, не найдено и десятой части платиновых самородков горы Соловьевой. Весь район детальнейшим образом изучен геологами, которые выявили несколько сотен мест, где платина залегает в глубину массива вместе с хромитовым железняком узкими столбами или изолированными гнездами. Их называют месторождениями коренной платины. Первое в мире месторождение коренной платины открыто было именно на Соловьевой горе профессором А. Иностранцевым в 1892 году, почти через 70 лет с начала разработки россыпью. Стоит заметить, что это открытие мирового значения гораздо раньше маститых светил науки сделали местные старатели, ведь профессор обнаружил вкра-

пления платины в дуните в куске, оторванном от скалы динамитом, в месте работы старателя Серебрякова. Теперь этот участок так и называется – Серебряковский лог. Разработка коренных месторождений началась во многих местах. По всей горе сохранились многочисленные следы горных выработок – шахт, штолен. В Сырковом и Александровском логах таких мест обнаружено больше всего. Россыпи залегали на склонах горы на породе сразу под слоем почвы. Поэтому их стали называть «поддерники» – понятие, введенное в старательское дело также благодаря богатствам Соловьевой.

Из Сыркова лога спустимся в Александровский лог к старому и действующему дунитовым карьерам, пройдем метров 500 вверх по укатанной старой рудничной дороге и окажемся на пологой вершинке северо-восточного склона горы Большая Шульпиха. С Соловьевой горой ее разделяет долина горной речки Рублевик – верховья реки Висим.

Заброшенное каменное строение стоит на самой макушке этой возвышенности, а вокруг все усыпано мелкой щебенкой, на которой почти ничего не растет. Все свидетельствует о масштабных горных разработках.

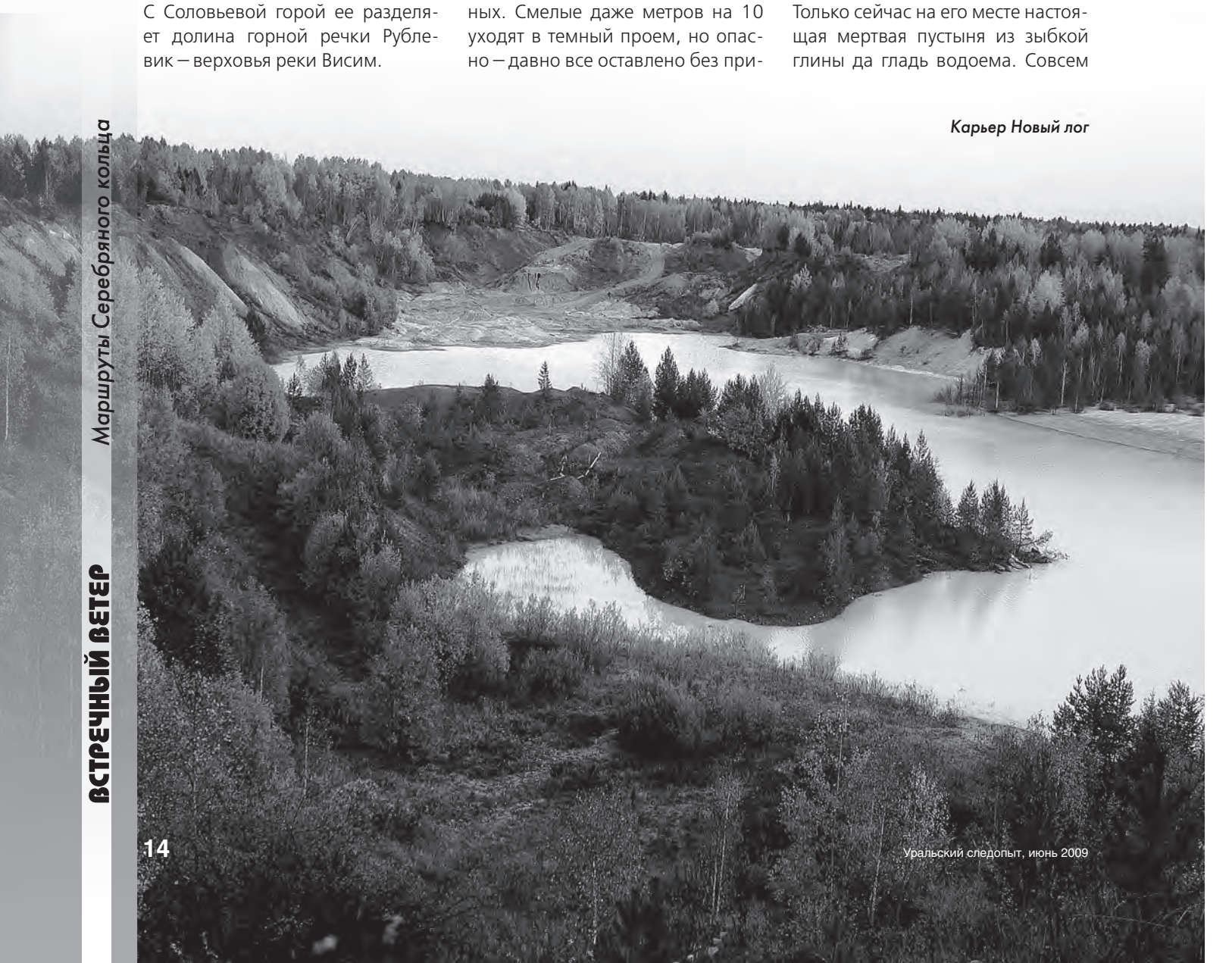
Присмотревшись, находим дорогу, спускающуюся по склону. Чуть в стороне виден неглубокий карьер с крутыми скалистыми бортами, выступы которого отливают на солнце гладкими блестящими гранями черного, зеленовато-черного цвета. В крепкой породе прокладывались горные выработки, что даже через полсотни лет не обрушились их борта. Только пологие места спуска засыпаны старой хвоей лиственниц да пожухлой травой. На дне карьера зияют черными дырами места бывших горизонтальных выработок, уходящих в глубь горы в разных направлениях. Ледяным холодом встречают эти проемы любопытных. Смелые даже метров на 10 уходят в темный проем, но опасно – давно все оставлено без при-

смотра. По всему склону встречаются заброшенные места горных работ.

Спускаемся вниз к небольшой горной речке Рублевик и видим, как трое мужиков набирают в мешки береговые отложения. Как они пояснили, они – рабочие кооператива «Кедр», руководит которой висимчанин Огибенин Владимир Викторович, генеральный директор ООО «Магистраль». Пробу они берут для промышленного испытания на содержание платины. На наш вопрос: «Неужели платина еще есть, ведь вся долина реки пройдена не на один раз?», получили дружный ответ: «Хоть снова открывай прииск, много еще осталось». Так, понятно, разведку проводят для будущих работ.

Кооператив «Кедр» уже с начала 1990-х годов ведет разработку Соловьева лога, который спускается в долину Рублевика справа. Только сейчас на его месте настоящая мертвая пустыня из зыбкой глины да гладь водоема. Совсем

Карьер Новый лог

недавно мощные водяные струи пушек-мониторов вонзались в землю и размывали все вплоть до основания горы. Этот поток из глины, песка и крупинки платины направлялся на современные грохота для отделения платины. Что же, неплохой урожай взяли старатели — около 50 кг драгоценного металла сдали они государству, в том числе больше 100 самородков весом от нескольких до 620 грамм. Муляжи некоторых из них были любезно подарены В.В. Огибениным и геологом В.И. Кузнецовым Нижнетагильскому музею, и теперь они находятся в экспозиции отдела природы музея-заповедника.

От этого лога по дороге, что идет вдоль русла реки Рублевик и огибают гору Кожурину, подходим к месту, где была открыта первая в округе платиновая россыпь: «21 августа 1825 года по речке Сухой Висим и называемому Рублеву логу, впадающих в реку Утку, в 8 верстах от Висимо-Шайтанского завода» при разведке на золото. Прииск был назван Суховисимским.

У самой деревни Захаровка дорога пересекает бывшую узкоколейку, о которой напоминают сохранившиеся на ее месте шпалы. Деревня как-то теряется среди огромного желтого поля цветущих лютиков. Когда она получила свое имя, трудно сказать. На первой топографической карте Н.-Тагильского округа, выполненной французскими топографами Бержье и Аллори в 1845 году, на ее месте указано селение «Платинной», имелся в виду, наверное, Павло-Анатолийский прииск, названный в честь заводладельцев.

Село раскинулось между двумя речками, Захаровкой и Подмосковной. Последняя раньше называлась «Студеный ключ», на ней также работал прииск.

Интересное описание Захаровки оставил Д.Н. Мамин-Сибиряк: «Сама по себе Захаровка ничтожная деревушка, в которой на моей памяти было всего дворов десяток. Сейчас много изменилось:

фото: А. Серебrenникова

В старой штольне

Захаровка расцвела вдвойне — и от промыслов, и от кабака. Захаровка — ближайший пункт, в котором есть кабак. В праздники здесь стон стоном. Летом число рабочих достигает трех тысяч. Принадлежит этот кабак нашему уральскому магнату Поклевскому-Козелл. Такой и оставалась она долгие годы.

В советское время на реке Висим у Захаровки работали драги, а прииск назывался «Красноармеец». На месте дражных выработок раскинулся красивый водоем — исключительное место для отдыха.

От Захаровки по грунтовой дороге можно вернуться назад, в Уралец. Расстояние между ними всего 6 км. Для тех, кто любит более длинные прогулки, мы предлагаем продолжить путь по берегу водоема по лесной тропинке, которая выведет к истоку реки Висим из этого пруда. От водоема реку отделяет длинная насыпная дамба. Отработав свое, река становится быстрой, горной, кажется даже — игривой, а в километре от нового истока имеет небольшой шумный водопад.

После водопада дамба, наконец, уходит от реки и выводит путешественников к еще одному карьере, который называется

«Новый лог». Огромный карьер тянется метров на 500, глубиной 30 — 35, в котором платину добывали даже из карстовых воронок в толщах известняков, куда она попадала при разрушении горы Словьевой в мезозойское время 150 — 200 миллионов лет назад, как бы мы сказали — в эпоху динозавров. А позже эти россыпи были перекрыты песками, глинами. В них попадались участки песчаника с кремнистым цементом. Эти образования называются «точильники», потому что местные жители использовали их как наждак.

Вот мы и вышли на дорогу, по которой от карьера до Висима — рукой подать. Именно в Висиме следует закончить наше путешествие. По образному выражению Д.Н. Мамин-Сибиряка: «Быть на платиновых тагильских промыслах и не съездить в Висим, это все равно, что быть в Риме и не видеть папы». Пройдитесь по улицам поселка, послушайте историю Висима в новом музее быта и ремесел, посетите мемориальный музей уральского писателя — и Вы получите полную картину платинного дела в нашем крае, оставившего глубокий след в истории Урала».

Борис ПОПОВ,
фото автора

Записки факторщика

Черный призрак

Освоив ближайшие окрестности поселка, мне, естественно, захотелось проникнуть за ближайшие холмы, попасть на более дальние озера и съездить в горы. Горы, несмотря на видимую близость, были в 20 километрах. Нужен был какой-либо транспорт. Конечно, можно было съездить в горы с кем-нибудь из оленеводов, ежедневно приезжающих из предгорий и тундры на оленьих упряжках, но было неудобно обременять занятых людей своими прихотями. В горы можно было попасть по реке на лодке, двигаясь вверх или вниз по течению. Этот путь был довольно длинный, однако полученный мною из Салехарда лодочный мотор, подошедший к моей лодке, делал его вполне возможным. Однако я хотел приобрести наземный транспорт. И тут я обратил свое внимание на замеченную мною еще по приезду черную лошадь, свободно пасущуюся неподалеку от поселка. Как оказалось, эта лошадь, называемая Воронок, была довольно еще сильным меринком, оставленным для нужд торгового пункта от ликвидированного в поселке животноводческого отделения совхоза. Осталась даже старая конюшня, с выбитыми окнами и дверями, по колесо забитая навозом. Мои предшественники – факторщики, не имея реальной потребности в лошади и не желая иметь лишних хлопот по содержанию животного, предоставили ей полную свободу и перестали кормить. Поэтому Воронок был вынужден добывать себе пропитание в тундре, научившись зимой добывать из-под снега сухую траву и мох не

Встреча с местным населением

хуже оленя. Зимой конь обрастал длинной курчавой черной шерстью, к весне сильно худел, но за лето отъедался на сочных кормах и к осени округлялся и лоснился гладким волосом. Другим источником существования животного стало изощренное воровство. Он с дьявольской пронизательностью выслеживал подвыпивших оленеводов, которые, закупив в магазине продукты и хлеб и увязав их на нартах, заходили к кому-нибудь из поселковых или в чайную, чтобы по традиции тяпнуть на дорожку. Тогда Воронок, издали отследившую ситуацию, появлялся у нарта и учинял разбой. Он разрывал или сдирал брезент, укутывающий поклажу, и поедая все, что хотел. Он был тонкий гастроном и помимо естественных для него хлеба, макарон, круп, печенья ел сахар и различные консервы. Его зубы не знали пощады, я сам видел банки сгущенного молока, которые он раздавливал зубами и высасывал их содержимое. Он обожал консервированные томаты и огурчики

и легко добывал их, снимая жестяные крышки со стеклянных банок. Конечно, для него это был праздник плоти после многодневных голодовок. Особенно эффективно он действовал зимой, во время полярной ночи, когда, ориентируясь по запаху, он появлялся из снежного бурана как черный карающий призрак, мстящий людям за их предательство и эгоизм. Не раз я наблюдал, как обнаружившие разбой оленеводы бежали за ним с ножами и кожаными тынзянами в руках. Но это скорее был акт отчаяния, потому что догнать разбойника в открытой тундре, конечно, было невозможно. И хотя некоторые ненцы, имевшие ружья, могли вполне реально отомстить ему легким выстрелом, природная гуманность и чувство справедливости тундровиков не позволяли радикально рассчитаться с обездоленным животным. Это только совершенствовало воровские повадки коня, он все больше дичал и становился недоверчивее. Так он и жил последние пять лет.

¹ Продолжение. Начало в № 5, 2009

У меня был опыт общения с лошадьми. Работая на охотхозяйстве, мы держали много скота, в том числе и лошадей, на которых выполняли все хозяйственные работы и объезжали лесные угодья. Поэтому, конечно, я не мог пройти мимо такой явной бесхозяйственности, как бездельничающая лошадь. Я решил вовлечь Воронка в хозяйственный оборот. Но для этого его надо было поймать. Он был очень недоверчивый, и сколько я ни подкармливал его, желая приблизится, он не подпускал к себе близко. Поймать его помог знаменитый северный гнус, о котором сказано немало. Достаточно сказать, что он стал причиной сезонных миграций оленей, потому что в период пикового вылета кровососов, при определенных условиях, он способен насмерть заесть любое животное. Вот и Воронок сильно страдал от гнуса. Даже зимой, в жестокие бураны и морозы, он не заходил в конюшню и коротал длинные полярные ночи, стоя с подветренной стороны последнего склада, глубоко понурившись. Но летом конюшня для него оказалась единственным убежищем от гнуса. Может, от того, что от нее несло крепко — аж до слезы — настоящим запахом навоза, но, несмотря на отсутствие окон и дверей, в ней не было гнуса, хотя вокруг стоял звон от кровососов. Заметив, что Воронок иногда прокрадывается в

Дом факторщика Попова

конюшню, я сколотил загородку из досок и приготовил узду, найденную в чулане. И вот, когда однажды он зашел в конюшню, я бросился к ней и загородил ему выход. Потом загородкой я стал теснить его в угол, ограничивая свободу движений. Такое посягательство на свою свободу Воронок воспринял с яростью и пытался кусаться и лягаться. Но его ярость ограничивали толстый слой навоза на полу, низкий, по самый хребет потолок и загородка, которой я все больше теснил его к одной из стен, пока не прижал вплотную. Закрепив загородку распорками, я стал успокаивать коня, глядя его и говоря ему ласковые слова. Бедный Воронок

хрипел, дико вращал глазами и дрожал крупной дрожью, но сделать ничего не мог. Потом я стал надевать на него узду, что тоже было не простым делом. Но вот узда, с привязанной на длинную веревку автомобильной покрывшей, надев, и я выпустил коня. Вырвавшись на свободу, он сполна воспроизвел все кульбиты ковбойского родео и ломанул в тундру. Но тяжелая покрывка быстро умотала его, и, покрывшись хлопьями пены, он успокоился. Дело было сделано.

Позже я отремонтировал старую одноосную телегу и упряжь и, не без труда, запряг коня. Седла для верховой езды не было, и мне пришлось делать его самому по памяти из имеющейся на складе толстой кожи. Объезжать Воронка для верховой езды я начал с использованием тяжелого мягкого мешка, который я сначала взгромождал ему на спину, постепенно приучая к тяжести на спине. Объездка требовала ласки, подкормки и терпения. И вот я верхом на коне первый раз проскакал по поселку. Это был очередной триумф, сильно добавивший мне авторитета у местного населения. Хотя объездка мерина и не такая большая доблесть, как объездка молодого жеребца, но я не стал объяснять им эти тонкости.

Помимо авторитета, объездка коня имела большое практическое значение. Теперь на телеге я мог

Остановка в пути

Советы деда

увозить лодку на дальние озера и облавливать их. Я стал заключать договора на заготовку рыбы с ненцами, проживающими в окрестностях поселка, и на лошади завозил им бочки и соль, а потом забирал соленую рыбу. В поселке я возил на Воронке дрова, воду и муку для пекарни и товары — со складов в магазин. В некоторых случаях он стал незаменим, например, зимой, когда во время сильных морозов для этих работ было затруднительно использовать приобретенный мною позже вездеход «Буран». У Воронка в любой мороз была пятиминутная готовность. Ровно столько времени надо было для его запряжки в телегу или сани. Мери на я поставил на довольствие, стал косить ему сено, привез из города комбикорм. Мне доставляло истинное удовольствие холить его, да и он стал привыкать к ласке. Постепенно мы с ним подружились. Уже через несколько лет, после того как я уехал из Лаборовой, я увидел во сне плачущего Воронка. Несколько дней я ходил под впечатлением этого сна, на меня нахлынули воспоминания о севере, я не вытерпел и позвонил Анне Павловне Нерка-

ги в Салехард. На удачу она оказалась дома, приехав на несколько дней из Лаборовой. Поговорив о том, о сем, она сказала мне, что несколько дней назад умер Воронок, после моего отъезда вновь одичавший и брошенный. Я уверен, что сон о нем не простое совпадение, и думаю, что умирающий трудяга вспомнил обо мне в свой последний час, и я телепатически уловил прощальную печаль друга.

Но это было потом, а тогда я предпринял попытку съездить на телеге с Воронком в горы. Дороги как таковой не было. Ехать по кочковатой тундре было одно мучение. Километра через три пришлось пересекать реку Щучья. Выбрав, как мне показалось, достаточно мелкий брод, я направил в реку Воронка. Но из-за прозрачности воды я ошибся в глубине брода, которая была не меньше метра. Сильное течение перевернуло незагруженную телегу, и я вывалился в воду, держась обеими руками за вожжи. Воронок, сбиваемый течением, в панике бросился из воды и выволок меня и телегу на берег. Отжав одежду, я продолжил движение, но скоро

понял, что по такому бездорожью это было бесперспективное дело, и решил вернуться. Для того чтобы проехать брод и не перевернуться, я нагрнул телегу тяжелыми камнями. Но напуганный Воронок ни в какую не хотел идти в воду. Тогда я заматал голову коня телогрейкой. Крича и нахлестывая ослепленного коня, я разогнал его по берегу и направил по прямой в воду. Ошарашенный Воронок влетел в реку, проскочил ее до середины и встал как вкопанный. Никакие понукания и нахлестывания не возымели действия, и мне пришлось слазить в бурный холодный поток, перебираясь по упряжи к голове испуганного животного, и снимать с нее телогрейку. Потом, нещадно дергая Воронка за узду, я буквально вытащил его с телегой из воды. Так бесславно закончился мой первый поход в горы.

Так, в ежедневных хлопотах я постепенно вникал в работу и тундровую жизнь, узнавал поселковых и окрестных жителей. Конечно, привлекала самобытная жизнь ненцев. В поселке их жило 8 человек, остальные жили в чумах в окрестностях поселка. Большинство из

них, кроме самых старых, хорошо говорили по-русски, так что проблем с общением не возникало. Через постоянное общение с ними происходило понимание целесообразности их экзотического образа жизни, сформированного веками, как наиболее оптимального способа выживания в жестких условиях полярной тундры. Они полностью воплощали исповедуемый мною жизненный принцип самодостаточности. Вызывали уважение их жизнеспособность и стойкость, а также природная скромность и чувство юмора. С некоторыми из них я подружился. Мне было близко и понятно их бережное отношение к природе и отсутствие тщеславной мотивации к успеху, к богатству, к лидерству, т.е. того, что сейчас упорно культивируется в нашем «цивилизованном» обществе. Мне нравились их созерцательность и одухотворенное восприятие природы. Будучи природными охотниками и рыбаками, они все-таки уступали в промысле русским профессиональным охотникам. Это происходило потому, что при определенном уровне добычи у ненцев исподволь вступал в действие врожденный тормоз разумной достаточности и они теряли к промыслу интерес. Они жили на этой земле веками, это была их среда обитания, и даже на подсознательном уровне они оберегали ее от истощения. Русские же временщики усердно работали на деньги, безжалостно огребая все в пределах досягаемости. Я говорю сейчас об общих, типических чертах национального характера, как я их понял. Но я нисколько не идеализирую этих людей, т.к. в полной мере соприкоснулся и с их отрицательными сторонами. В первую очередь речь идет о склонности к пьянству. Конечно, нас, русских, трудно этим удивить, и в пресловутой склонности к пьянству северных народов я не увидел ничего необычного. Мне вполне был понятен тундровик, который, после одного-двух месяцев одиночества и отсутствия алкоголя, попадал на фабрику, встречался со своими друзьями и отрывался «по пол-

ной». Я и сам раньше, приезжая в город после промысла, «гудел» два-три дня. Я считаю это необходимым и даже в некоторой степени полезным мероприятием, нейтрализующим комплексы обыденного сознания и монотонного трезвого образа жизни и реализующим стремление к общению, к празднику, к расширению восприятия и сознания. Как не вспомнить шукшинского героя Егора Прокудина с его жадной праздники. Каким еще способом в ограниченных условиях тундровой фактории можно этого достичь и чем отличается поведение большинства «цивилизованных» горожан, допустим, на нашем «дне города» от поведения празднующего оленевода? Ответ очевиден. Естественно, вопрос в

сразу свою норму, разогревшийся туземец шел трясти «купца», проверяя его на слабину в надежде добыть сверхнормативной «огненной воды». Поэтому не счесть было уловок, на которые пускались алчущие, начиная от подобострастного и лыстивого упрасивания до скандалов, изощренных провокаций и угроз. Противостоять приходилось всегда в одиночку, но надо было проявлять твердость, чтобы водки хватило всем. Как бы я объяснил начальству перерасход водки, а тем более другим своим ненцам, которым ее не хватило? Не раз мне приходилось за шиворот вытаскивать распоясавшихся алкашей, награждая их попутными тумачами, но надо сказать, что ни разу никто из ненцев в ответ не поднял на меня

Работники совхоза «Байдарацкий»

мере. И тут ответ, что чем меньше алкоголя, тем лучше, не очевиден. Мне пришлось начинать работу на фактории в период одиозной «борьбы за трезвый образ жизни» и действия антиалкогольного указа, который чрезвычайно заострил проблему пьянства, но не решил ее. Действовала норма выдачи водки по две бутылки на человека в месяц и по ящику водки на свадьбы, похороны и тому подобное. Исходя из этих норм, был рассчитан приблизительный годовой запас водки, который доставлялся на фабрику на машинах по зимнику. Но что такое две бутылки водки на гуляющего мужика? Тем более, что «запретный плод сладок». Выпив

руку. В этом я усматриваю то, что в глубине души они понимали справедливость моих действий. Кроме того, к их чести надо сказать, что им совсем не свойственна агрессивная наглость наших «отморозков», и их природный нравственный закон не позволял им насильно добиваться чужого. Но склад без охраны с годовым запасом водки мог быть весьма соблазнительным объектом для авантюристов и маргиналов Салехарда, Лабитнанги и Воркуты. Проходившая в восьми километрах от поселка автодорога делала его вполне достижимым, поэтому приходилось быть бдительным, и гладкоствольный автомат был всегда наготове. Слава Богу, ружье не

потребовалось, но «сухой закон» чрезвычайно осложнял жизнь.

Через некоторое время после приезда на Лаборовую познакомился я и с писательницей Анной Павловной Неркаги, которая жила в чуме в прилаборовой тундре и изредка приезжала в поселок к родственникам и в магазин.

Однажды я заметил незнакомую молодую ненку, в задумчивости сидевшую на траве на краю обрыва и созерцавшую озерные дали. Кто-то из ненцев сказал мне: «Это наша писательница» Позже она пришла в магазин торговать, и я смог близко разглядеть ее. Сразу обращали на себя внимание ее слегка раскосые, черные глаза, как-то тревожно-вопрошающе взирающие на вас. Худощавое смуглое лицо сугубо национального облика с пропорциональными чертами было довольно привлекательным. Фигура стройная и гибкая. На вид ей было около тридцати лет, что соответствовало действительности. Одета она была в национальный наряд, состоявший из темной приталенной блузки, широкой зеленой сарафанной юбки и цветного платка, высоко повязанного на голове. Мы познакомились. Она поддержала разговор, отвечая на вопросы и задавая свои, очевидно заинтересованная новой личностью «купца». Ее речь была весьма образна и остроумна. Она охотно отвечала на шутки смехом, но не покидало ощущение, что она чем-то постоянно опечалена.

Потом я увидел ее, когда она настроилась у крыльца почты варить уху из налима, которым ее угостил кто-то из рыбаков. Из окна своего дома я наблюдал, как она сноровисто почистила рыбу, нарезала ее кусками, положила в котелок, который поставила на самодельный очажок, сложенный из двух кирпичей, между которыми она запалила костерок. В огонь она экономно подкладывала сухие прутики, формируя небольшой, чуть больше пламени конфорки газовой плиты, жаркий язычок пламени. В ее действиях прослеживалась рациональность опытного тундровика, привыкшего беречь

П.Г. Кайтандер с семьей

дрова, и сразу мне напомнило героя куваевского романа «Территория». Мы с женой пригласили Анну Павловну к себе в гости на чай. Она пришла, и мы долго разговаривали с ней в этот вечер. Она была интересным рассказчиком, глубоко разбиравшимся в тонкостях жизни своего народа. Впоследствии в каждый свой приезд в поселок она приходила к нам на посиделки, став для нас незаменимым собеседником и другом. От нее мы узнали о проблемах северных народов, и в первую очередь ямальских ненцев. Основной проблемой жизни коренных жителей Ямала, в те времена, стала ломка векового образа жизни ненцев и подрыв основ частного оленеводства, этого основного фактора формирования и существования самобытных северных народов. Это происходило как из-за активного и широкого освоения нефтегазовых месторождений Севера, так и из-за создания крупных оленеводческих совхозов. В первом случае из пастбищного оборота выводились огромные территории, на которых располагались объекты нефтегазового комплекса. Создание же оленеводческих совхозов, ориентированных на эффективное оленеводство с несколькими огромными, до пяти тысяч голов, стадами оленей, обслуживаемых небольшим, в несколько десятков человек, штатом

пастухов, также лишало пастбищ частное оленеводство, благодаря которому жили тысячи человек. Подразумевалось, что основным путем социальной эволюции северных народностей должны стать их концентрация и «окультуривание» в поселках и работа в общественном производстве. Однако это входило в противоречие с вековым укладом жизни, национальным мировоззрением и культурой людей. Люди, лишенные возможности заниматься исконными промыслами и органически отторгающие преимущества общественного производства и бытия, оттирались на обочину жизни и деградировали. Это создавало основу для безысходного пьянства, реально угрожающего самому существованию нации. Этому способствовала государственная система образования и социального обеспечения, при которой дети со школьного возраста изымались из семьи и зимой воспитывались в интернатах, утрачивая навыки самобытного тундрового хозяйствования и национальной морали. Это воспитывало социальных иждивенцев, оторванных от родных корней и лишенных устойчивых навыков жизни в чуждой среде. Такие люди пополняли ряды люмпенизированных «бичей», заполнявших собой окраины национальных поселков, утративших человеческий облик и живущих случайными за-

работками. Надо сказать, что в те времена еще достаточно широко существовало частное оленеводство. И конечно, были богатые и бедные ненцы. Средней нормой поголовья стада оленей, обеспечивающей более или менее безбедное существование в тундре средней семьи, считалось от 50 до 100 оленей. Но некоторые крупные родовые стада доходили до 1,5 тыс. голов, и надо было видеть, с каким достоинством держались хозяева этих стад. Как правило, это были высокие и спокойные люди. Одежды они были всегда в добротную красочную национальную одежду, упряжь их оленей была также искусно разукрашена. Они не унижали себя выклянчиванием лишней бутылочки, не заискивали перед «купцом», предпочитая заключать договора поставки оленьего мяса, за что, кроме денежного аванса, полагалась и водка. Они вызывали искренне уважение, т.к. являлись патриархами, хранителями национальных традиций. Но они были редки, и их становилось все меньше.

Анна Неркаги непонаслышке знала жизнь тундровиков. Родом она была из лаборовской тундры из семьи оленевода. Детство ее, как и любого ненецкого ребенка, прошло между интернатом и родной семьей. После окончания средней школы она уехала в Тюмень, поступила в индустриальный институт, где и начала писать. После издания ее повестей пришла известность. Конечно, ей можно было сделать карьеру национального самородка, пописывающего на темы северной экзотики в комфорте городской квартиры. Но ее душа отвергла соблазны чуждого общества, она бросила город и приехала в родную тундру. Здесь она вышла замуж за оленевода и поселилась в чуме. Ее незаурядная личность концентрировала на себе внимание как своих тундровиков, так и окружного руководства. Часто ее навещали корреспонденты и известные люди, к ее слову прислушивались, приглашали на различные собрания, и поневоле она становилась общественным деятелем.

Как у всякого общественного деятеля, у нее появились оппоненты и противники. В частности, она резко противостояла совхозному руководству и газовикам. Она пессимистично оценивала перспективы общественного развития своего народа и считала, что вторжение цивилизации, ломка традиционного уклада жизни, национальной культуры и нравственности ведет к деградации людей. Анна Неркаги тонкой душой истинного поэта остро чувствовала драму своих соплеменников, сопереживала им и активно отстаивала их интересы, как она их понимала. Тем более ее ранили недоброжелатели из их числа, которые ревниво относились к ее известности и злословили за ее спиной. Уже тогда у нее формировались фабула и образы персонажей фантастического социального романа «Молчащий», в котором нашли выражение ее невеселые размышления о судьбах своего народа.

Вот такие заботы печалили светлый лик Аннушки, как ласково называли ее поселковые. Вот такие проблемы были чрезвычайно остры в конце прошлого века в ямальской тундре.

Как только я приехал в Лаборовую, сразу твердо решил изучать ненецкий язык, хотя бы в объеме, необходимом для торговли со старыми ненцами, которые плохо знали русский язык. Я считал это совершенно необходимым, как знак уважения к тем людям, к которым приехал жить и работать. Лучшей учительницы, чем Анна Павловна, трудно было и представить. Я составил вопросник самых распространенных слов и предложений, которые она перевела на ненецкий язык в русской транскрипции. Кроме этого она преподала мне произношение характерных звуков речи. Скоро я уже щеголял, лихо ведя счет по-ненецки: «гапой, сидя, няхар, тет»и т.д., т.е. один, два, три, четыре, или вопрошая: «Мяал ханяна га?», что дословно значит: «Где твой чум стоит?» и имеет смысл: «Где ты живешь?» или «Откуда приехал?». Людям это нравилось. Знание языка расши-

ряло понимание ненецкой истории, объясняло географические местные названия. Например, самые распространенные ненецкие фамилии Салиндер и Лапандер соответственно происходили от слов «сале» – мыс (берег) и «лапта» – земля (тундра). В первом случае они обозначали рода, которые жили на побережьях, на мысах и занимались преимущественно морским промыслом и рыбалкой, а во втором – рода, которые жили на земле, в тундре и занимались оленеводством. Экзотичный Пыррирко превращался в обычного Щукина, Сядай – в Кочкина и т.д. Река Щучья значительно лучше звучала по-ненецки как Пырьяха. А как хорошо звучит самый распространенный вопрос: «Сярка тара?» (Водка есть?), в первом слове которого легко улавливается русское – чарка. Сразу предстает исторический образ хитроумного русского купца, предлагающий туземцам чарку за встречу и знакомство, в расчете на легкую наживу. Или слово «хабарта», обозначающее лося. Чувствуется мощь и несокрушимость.

Меня увлекало языкознание, узнавание новых смысловых образов. Вспоминается один случай, когда несколько лет спустя факторию посетила одна лингвистическая экспедиция. Походив по фактории и порасспросив встреченных ненцев, научные сотрудники пришли ко мне пить чай и посетовали, что не смогли узнать, как будет звучать по-ненецки медведь. Невозмутимо я ответил, что это просто и звучит как «ямядута», т.е. «живущий в земле». Их поразила моя осведомленность. Интересно, что североамериканские индейцы называли медведя словом, обозначавшим «липкий рот», что указывало на его пристрастие к меду. Конечно, мой словарный запас был ограничен потребностями обыденного общения, и я ни в коем случае не претендую на полное знание ненецкого языка, но многие характерные ненецкие словечки до сих пор у меня вылетают.

(Продолжение следует)

Усик **МАРКОСЯН**,
фото автора

Сплав по Народе

Первый хариус

В начале лета позвонил мне Саша Налимов:

— Привет, Усик. Как у тебя дела? Собираемся летом к тебе в Саранпауль прилететь. Хотим сплавиться по реке Щекурья на катамаранах. Ты как на это смотришь?

— Да нормально, хорошая идея, Саша. Я с вами, если в команду свою возьмете. Но только по Щекурье маршрут хоть

и интересный, но короткий. Лучше сплавляться по реке Народа.

— Ну ладно, ты там не теряйся, я еще позвоню.

Хорошо, если они прилетят, и я с ними отдохну. Я по реке Народа не то что сплавляться — даже близко в тех краях не был. Поэтому решил расспросить бывалых местных людей. У нас в поселке есть знатоки Приполярного Урала — Вакуев Иван Николаевич, Филиппов Андрей Дорофеевич и другие. Они посоветовали сплав-

ляться по реке Народе ниже порогов — не так опасно и за порогами всегда половодье.

Я начал составлять план сплава. Изучил места сплава по реке. Понял, что если начать двигаться ниже порогов, как профи сказали, тогда можно и по Щекурье сплавляться. Но, зная какой прилетит контингент, я решил, что стоит рискнуть и начать спуск выше порогов. Хорошо, что я недавно купил катамаран, подготовил карту местности, уточнил все пороги и

Усик Амаякович Маркосян. 48 лет. Предприниматель из поселка Саранпауль, ХМАО.

ямы, посмотрел прогноз погоды и выяснил много другой информации, поэтому к сплаву я был готов и чувствовал, что все будет хорошо. Осталось дожидаться звонка Налимова. Хорошо, что он держал со мной связь и звонил каждую неделю.

— Саша, не знаю, кто с тобой прилетит, поэтому расскажу все тебе. В наших реках, особенно в верховьях, вода прозрачная. Поэтому можно подводную охоту на хариуса организовать. Конечно, у нас не Красное море, рыбы не так много, зато здесь хариус водится. Передай своим — у кого гидрокоستم есть, пусть с собой берут, не пожалеют. И еще, Саша, я здесь давно живу, потому знаю — погода улучшится в первых числах августа, так что планирую.

Через неделю очередной звонок:

— Усик, прилетаем первого августа. Приземлимся не в аэропорту, а возле поселка — так дешевле будет. Дозаправимся, тебя заберем и полетим на Народу. Приготовь карту — покажешь летчикам место высадки. Нас будет одиннадцать человек, ты — двенадцатый. У нас два катамарана и две

лодки. Сплавляться планируем пять дней. У нас все идет по плану. Как там погода?.. Ну и хорошо!

Первого августа погода, наконец, наладилась. После почти десяти дней тумана и дождя солнце приступило к своим обязанностям. К прилету вертолета погода установилась, как по заказу. Только далеко в горах виднелись остатки невеселых туч. Перед вылетом из Нягани Налимов сообщил:

— Усик, за Саранпаулем, где приземлиться можно, сделай дымовой сигнал, чтобы сверху видно было.

— Хорошо, Саша.

Через два часа вертолет, без разведочного круга, сразу падает возле моего дымка. Летчик просит объяснить, куда лететь. Я на карте показываю место посадки. Через секунду он говорит:

— Хорошо, полетели.

Я удивился — как летчик так моментально сориентировался? Мелькнула мысль, что далеко он нас не увезет и выбросит на первой попавшейся площадке со словами: «Извините, дальше не могу, погода плохая». Я не раз летал на вертолетах, когда буровиком работал, и часто сталкивался

с пилотами. Этот как-то легко, не изучив место посадки и ни разу не взглянув на карту, полетел. Я, как проводник, голову из кабины не убирал, надеясь хоть чем-нибудь помочь при ориентировке на местности. Через двадцать минут вертолет уже летел близ горных вершин, разгоняя винтами остатки облаков, которые уже сами торопились рассеяться. Страшно, когда летчика не знаешь и подсознательно ему не доверяешь, тем более, когда летишь в горах, да еще и в облаках. А когда перелетали через хребет и, кроме облаков, ничего не было видно, вдруг — неожиданный удар и вертолет резко взлетел вверх, подбрасываемый встречным ветром. В голове только черные мысли: завещание не написал, долететь бы хоть куда-нибудь, хоть назад в поселок. Наконец, облака исчезли совсем, и внизу стала видна долина какой-то реки. Попробуй тут угадай, где мы находимся. Вертолет минуты четыре уверенно летел между хребтами и опять, без ознакомительного круга, с высоты, прицелясь на точку посадки, тормозя винтами, крыльями и ногами пассажиров, упал посре-

ди карликовых берез. Ощущение такое, словно летчик спешит быстрее спрятать свой вертолет от душманских выстрелов. Вертолет затрясло так, что все съеденное в полете несколько минут назад запросилось наружу. Посадка на точку в долине реки Народа между горами Малый Чендер и Большой Чендер произвелась так уверенно, будто летчик летал сюда рейсовыми маршрутами по два раза на дню.

— Прилетели, выгружайтесь, — скомандовал пилот.

Выгружаемся, а я думаю — сказать про этого летчика: профессионал — мало, так точно посадить нас мог только хороший инструктор, сам готовящий профессионалов. Потом мне сказали, что этот пилот-частник, купивший вертолет, и в самом деле профессионал. В свое время он воевал в Афгане и получил медаль Героя. Мы стояли точно на месте посадки, показанном летчику на карте, высадка была проведена без единой погрешности.

Вертолет покинул долину реки Народа, оставив нам всю красоту этого края. Звук вертолета медленно отдалялся, вызывая в нас чувство одиночества, как в таежной глуши. А под ногами нарастал гул комаров, добавляя ощущение незащитности. Комары, спрятавшиеся в карликовых березах от шума вертолета, медленно вылетали из-за кустов, удивленные увиденным: мол, как много еды и крови привезла нам эта шумная грозная птица. Да, комары, у вас счастливый день. Много туристов — кусай, сколько хочешь. Кровожадные твари, смотрите, не лопните от жадности. А то ваш счастливый день станет последним.

— Ура, ура! — Ракета, взвившаяся в воздух, как предупредительный выстрел, сигнализирует: мы уже здесь и вся эта красота в течение пяти дней будет принадлежать нам.

— Давайте познакомимся, — представляются: Андрей, Паша, Александр, Андрей, Женя, Максим, Женя, — и мы уже знакомы.

— Я не вундеркинд, всех сразу не запомню, только со временем.

Вещи к реке перетаскивали больше часа. Замечаю, что груза слишком много. Река Народа встречает нас веселым журчанием. Вода изумительно чистая. Вчера еще дожди были — а сегодня уже кристально чистая. Чем хорошо в верховьях рек Приполярного Урала — в любом месте можно посидеть, костер разжечь, лагерь поставить. Сухо, чисто, камни гладкие, и мало комаров.

Первый день прилета мы решили посвятить акклиматизации. Чай, кофе, обед и ужин, знакомство друг с другом. Если скажу, что водку не пили — совру. А как же без этого? На природе, у подножия горы Народа, в кругу друзей грех не выпить за дружбу и красоту природы.

А красота здесь какая! Присядешь на камни возле реки — вода журчит, птицы поют, ветерок дует освежающий... Красивый вид радует глаз, приятен телу, успокаивает душу... словами не объяснить.

Спалось очень плохо — комары, поздний ночлег, много чая и водки, журчание реки, да еще храп соседей по палатке сделали свое черное дело. Утром лицо было опухшим, а глаза усталыми. Красота природы уже не замечалась. Надо что-то делать. Если так каждый день пойдет, то это уже не отдых будет, а мучение. От комаров, понятное дело, нужно закрыться и побрызгаться репеллентом, чая и водки пить меньше, палатку поставить подальше от реки, а вот с храпом как бороться? Спасения нет. С годами после многократного страдания и наблюдения нашел выход. Открою секрет, оказывается, есть спасение — надо спать ложиться раньше всех, пускай тогда соседи мучаются, как спастись от твоего храпа. А пока опыта нету — хоть сколько Пашу толкай, бесполезно, он во всех позах хорошо храпит.

Утро началось с двенадцати часов. День прошел бы незаметно, если бы вода в реке не мелела прямо на глазах. Вчерашняя река Народа сегодня напоми-

нала ручей. Вспоминаю слова бывалых людей, что в это время года с верховьев спуститься нереально. Воды в реке нет. Ничего, как-нибудь перетащим лодки. Но когда я увидел, сколько груза навалено на катамаранах и лодках, то понял, что из туристов мы превратимся в бурлаков на Волге. Пять километров мы на катамаранах, а точнее, катамараны и лодки на нас прошли за полдня. Устав как убитые, расположились напротив оленеводческого стойбища. Оленеводы — люди природы — не

зря здесь обосновались, раз они тут — значит, в этих местах природа делится с ними своими богатствами. Палатки мы поставили в пяти метрах от ямы на противоположную сторону берега. Огромная яма, длиной 150 метров, глубиной метр-полтора. С первого взгляда видно, что в яме зарегистрированы и проживают много хариусов. Многие легли спать сразу, как обосновались. Кто-то от усталости, а кто-то в предвкушении завтрашнего чуда рыбалки. Женя Шаталов завел электростан-

цию для освещения, подключил мини-плеер с теликом. Под хохот артистов только что появившейся команды «Камеди Клуб» было весело. Правда новый формат юмора не всем понятен, в том числе и мне. Нам много не надо, чуть-чуть, и хи-хи.

На второй день утро началось после обеда. Рыбаки давно начали полоскать свои крючки и блесны в яме. Андрей из города Садко профессионально шлепал своим нахлыстом по яме. «И куда днем столько рыбы?» — пере-

живал я, еле открывая глаза. Но, увы. В обед к сваренной картошке добавили разогретую тушенку. Свежий малосолёный хариус не украсил наш стол. Местные бывалые ранее мне говорили, что в этой яме, у стойбища, рыба всегда стоит. Куда она могла деться? Для достоверности достаю бинокль из рюкзака и с крутого берега реки изучаю яму. Видно каждый галечник в яме, а рыбы не видать. Но, чтобы поднять настроение остальным, артистично кричу:

— Мужики, я рыбу видел!

Рыбаки быстро побежали к воде со своими удочками и спиннингами. Подводные охотники, торопясь, начали надевать гидрокостюмы. Я тоже поддался ажиотажу, достал свой костюм. Пока разбирался, с чего начинать одевать, мужики были уже готовы. Признаюсь, опыта подводной рыбалки у меня нет. Вся надежда — научиться у новых друзей. То костюм маленький, то он холодный. Вспоминаю: не зря они в костюм теплую воду лили из чайника и добавляли шампунь. Максим с реки кричит:

— Мужики, рыба здесь кишит.

Ушам не верю. Там же ничего не было! Я своими глазами в бинокль смотрел. Наверняка у нас еще один артист в группе есть. «Будут нас двоих бить — веселее будет», — подумал я. А он не шутил. Побежал на берег за подво-

дным ружьем. Народ паниковал. Андрей из Кургана спускается сверху кувырком, не дожидаясь глубины, ложится на дно и, упиравшись руками в камни, толкает себя быстрее к яме. Фикрат и Николай прямо с крутого берега прыгают в воду. Паша, со своим тяжелым весом и настойчивостью, преодолевает течение реки вниз и, отталкиваясь от камней, передвигается к месту событий. А я вообще ничего. Совсем растерялся — там сейчас мир поделят, а мне ничего не достанется. То костюм наоборот надену, то в брюках много воздуха, не могу спустить, то этот (как он называется!) гарпун не найду. Да ладно, пусть делят. Сижу на склоне ямы и ругаю себя: «Дурак, надо было заранее хорошо научиться». От недельного курса два года назад в одном дайверском клубе Екатеринбурга осталось в памяти

то, что костюм для подводного плавания там купил, а ружье в этом году перед поездкой. И вот сейчас смотрю, как другие охотятся (слава Богу, пока только купаются). И долго будут купаться. Там же не было рыбы — начинаю радоваться.

Не успел глоток сделать, как вижу через пластмассовые стенки бутылки, что на гарпуне у Макса, ничего не понимая от неожиданности, трепещется хариус.

Это был первый хариус, добытый когда-либо при помощи подводного ружья на реке Народа, весом около двух килограммов. Охотники и рыбаки мгновенно побросали свои дела и молча наблюдали за Максом. Тишину нарушил Николай Трусов:

— Макс, ты герой!

(Продолжение цикла читайте в следующих номерах).

Алексей МУРЗИН,
фото Виталия Ташева

Старица

Лет пятнадцать назад, когда в луга запросто переезжали на любом транспорте по мостам и плотинам, лучшим местом для рыбалки и охоты считали мы с отцом эту Старицу. Ее так и зовут Старица (с ударением на «и»). Исеть-матушка не так давно покинула это русло, и оно еще только начало копить ил и зарастать всякой водяной травой. Чистой воды предостаточно, а глубина кое-где больше двух метров.

Вода по осени всегда прозрачна. Так что в тихую погоду, если неподвижно сидеть в лодке, можно заметить стайки красноглазых плотвичек и, поглубже, карасиков на фоне бурой утонувшей листвы, прикрывшей черное илистое дно, и необыкновенно-зеленых зарослей элодеи или рдестов. Рядом в сотне шагов извилистое, затянутое телорезом озеро Графье – тоже, в общем-то, старица, только древнее...

Едем с сетями и ружьем. Таловых дров кругом полно. Вдоль воды в кустарниковых полосах – и шиповник, и боярка, и смородина на заварку. Травы давно скошены, отава подрастает ровным пушистым ковром.

Станом расположились по традиции под древним кустом

краснотала в низине: «чтобы уток не шибко пугать». Разобрали режьевые сети и растащили их: одни в Графье, другие – в Старицу. Браконьерством такой осенний лов отец не считал: «Рыба, которую не изловил, зимой от замора погибнет, вот и успевай – лови». А поймать осенью можно и жирного чебака, и щуку, и окуня, зашедших с весенней полой водой, и, конечно, вездесущих карася и линя. Улов не заставил себя ждать – уже растрясая поставленные сети, выбрали больше десятка темнобоких карасей. А с красно-огненным закатом скрылись под кустом на берегу поджидать уток...

Косатые налетели как-то вдруг, будто падая на голову. Со свистом разрезая сильными крыльями воздух, проносятся в каких-нибудь пяти метрах от нас. Я, стрелявший до того только по банкам, вскидываю ружье и, не успев приложить его к плечу, жму на спусковой крючок. Отскочившее от взрыва пороха ружье обдирает пальцы правой руки и ударяет в плечо с такой силой, что я чуть не падаю в вязкую прибрежную грязь. Но что это?! На воде неподвижно лежит моя первая утка! Отец говорит что-то,

довольно улыбаясь, правда, разобрать не могу, в ушах звенит.

А потом, как стемнело, костер с ухой, чаем и печенками, да ночлег в шалаше-«балагане», прилаженном к пологому боку колхозного зарода...

Ездили мы на Старицу каждую осень по нескольку раз, и лучшего места просто не было. Но плотины стало все труднее восстанавливать после буйства весенних вод, дороги в лугах начали затягиваться молодым тальником и разной дурбенью вроде лопуха и крапивы, плотинки-гати размыло. Не стало пути в Старицу.

Этой осенью, обливаясь потом, еле добрался туда по спутанной некошенной траве, по осоту в мой рост, по неизвестно откуда взявшемуся плющу, окутавшему все кусты подобно лианам. И не узнал. К воде прошел с невероятным трудом. Нет уж того уюта, одичала Старица. А утку, ежели упадет на берег, без собаки и искать не стоит – трава спрячет, да и стогов-зародов – охотничьего приюта – уж который год нету. Так и живет Старица и не тоскует, похоже, по нам непутевым. А мы как будто у себя украли. Обеднели, а винить некого.

Сергей Новопашин,
фото: В.Н. Ермолаев, И.А. Новопашин, С.А. Новопашин

На берегах Тавды — на границе Урала и Сибири

«И погребоща вверх по Тавде...»

Не секрет, что состояние туризма в стране является сегодня индикатором качества жизни населения. В свою очередь, качество жизни сопоставимо с уровнем развития государства, региона, района. Учитывая, что 73% населения России проживает в городах, а из них пятая часть в мегаполисах, становится понятным стремление городского жителя сменить (хоть на время отпуска) бетонно-асфальтовые «джунгли» и стул в офисе на естественный ландшафт, на запах хвои и плеск рыбы в реке. Всё больший интерес у туристов вызывают нетронутые уголки природы, сохранившиеся, в отличие от Европы, в России — на Урале, в Сибири и других регионах. При чем, сегодня актуален не только

турист-рыбак или охотник, но «турист познающий», турист с экологическим сознанием, знанием истории, турист-исследователь...

Северо-восток Свердловской области, входящий сегодня в Восточный и частично в Северный управленческие округа — это обширный регион, занимающий особое место как географически — в границах УрФО, так и исторически — в истории России. Именно здесь возникли первые русские поселения Зауралья, и более того — первые два уезда: Лозьвинский и Пелымский. По территории Притавдинья — Таборинской и Кошущкой волостей в XVI веке проходил — по Лозьве и Тавде — первый «официальный» водный путь, начинавшийся в Чердыни Пермского края. Именно по Тавде *«направлялась колонизация Зауралья, под-*

держивались сношения Московской Руси с первыми сибирскими городами и острогами — Тюменью, Тобольском, Пелымом — и шло военное снаряжение и припасы для русских войск», — как гласит «Советская энциклопедия» 1933 года (т. 1, с. 660).

Знаковым является и то, что именно на берегах Тавды в конце XVII века зародилось первое в Сибири пашенное земледелие, и дело не только в русских переселенцах, собственно и сделавших Зауралье житницей России в свое время, — еще до прихода казаков Ермака кошуцкие вогулы выращивали рожь и полбу.

В целом, история всего Притавдинья насыщена событиями и связана с деятельностью как известных ученых, государственных мужей, так и с именами вогульских и остякских князей, татарских

Тавда, река в Свердловской и Тюменской областях <...>, левый приток Тобола (бассейн Оби). Образуется при слиянии рр. Лозьва и Сосьва, берущих начало на восточном склоне Северного Урала.

Длина 719 км, площадь бассейна 88 100 кв. км. Течёт в широкой долине по Западно-Сибирской равнине. Очень извилиста. Питание смешанное, с преобладанием снегового. Годовой размах колебаний уровня около 6 м <...>.

Главный приток — Пелым (левый). В верховьях Тавды (река) — нерестилище нельмы. Сплавная. Судходна. На реке — г. Тавда (из БСЭ).

мурз и ханов... Не говоря уже о легендарном Ермаке, благодаря тавдинскому рейду которого стилизованное изображение казачьего струга попало на герб Тавдинского городского округа.

Стали берега Тавды и земли её поймы второй родиной и для тысяч переселенцев, среди которых: поляки, белорусы, немцы, крымские греки и русские из китайского Харбина.

Требуется нового подхода и память о трагедиях тавдинских политзаключенных ВостУралЛага — по примеру пермяков актуально создание историко-мемориального комплекса «ТавдЛаг».

Каждый же, кто соприкасается с перевозданной суровой красотой Тавдинского поречья, остается зачарованным ею. Поэтому неудивительно, что при дотационном экономическом режиме притавдинских территорий туристский интерес к ней ничуть не ослабевает, но лишь усиливается, не находя правда, пока адекватного отношения со стороны местных администраций.

Тем не менее природные, да и исторические ресурсы Притавдинья «по-тихому» осваиваются. Охотники, рыболовы, сборщики ягод, грибов и кедровой шишки неплохо ориентируются в этих краях... Но это лишь стихийные

Вогулы (манси) Тобольской губернии, 1914 г.

поездки, как из родной Свердловской, так и из Тюменской областей, а также ХМАО, с которыми непосредственно граничат Тавдинский, Таборинский и Гаринский районы. Организованные экскурсии сегодня существуют лишь за счет тюменских соседей и ограничены посещением тавдинского Музея леса, уникального в своем роде, да изредка — села Герасимовки, известной некогда на весь Советский Союз историей о Павлике Морозове... А еще в 1970-е водолечебница с йодсодержащей минеральной водой и турбаза «Юность» на озере Карабашево (старицы реки Тавды)

были объектами федерального значения.

Череп мамонта, обнаруженный на берегу Тавды у д. Васьково. Тавдинский музей древесной и деревообрабатывающей промышленности.

Немного древней истории

О древней истории территории свидетельствуют археологические памятники, из которых известно более 130 только в Тавдинском районе, и открытых в Таборинском районе — 12. По сведениям Сверд-

ловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры эти места древних поселений почти не изучены, за исключением Янычковского городища на территории современного Тавдинского городского округа. Однако это не мешает исследовать берега Тавды стихийным археологам в теплый сезон... Благо — река большая (самая протяженная в области — 719 км!), древних городищ — сотни, местное население — на убывании, места — дикие...

Впервые тему древних городищ в бассейне Тавды обозначил еще в 1880-е годы тюменский историк И.Я. Словцов, который и осмотрел некоторые древности Кошукской волости на Тавде, в том числе городище у деревни Янычково.

В 1979–1982 гг. Свердловский государственный историко-краеведческий музей проводил систематическое обследование Янычковского городища. Раскопками уникального памятника истории и археологии республиканского значения все четыре сезона руководила С.Н. Панина. В 1992–1993 гг. работы на городище были возобновлены, областным музеем был создан проект музейного комплекса «Поселение и городище Янычково». Камеральная обработка материалов экспедиций 1979–1980 гг. позволила С. Н. Паниной определить, что это самое раннее поселение в этих местах, возникшее в эпоху ранней бронзы (нач. II тыс. до н. э.).

В июне 1990 г. состоялась археолого-краеведческая экспедиция по маршруту Тавда–Пелым с участием В.М. Каноркина, А.И. Лоза и В.Н. Ермолаева, в результате которой было открыто семь новых памятников. О Валерии Ермолаеве следует сказать особо. Его — известного краеведа и поэта, издателя и искусствоведа, члена Московской организации Союза писателей, посвятившего себя исследованию Зауралья, по праву можно назвать «певцом Тавдинского края».

«И погребовша вверх по Тавде...» рисунок С.У. Ремезова

С конца XVI века — после присоединения Сибири к Российской империи, земли тавдинских вогулов вошли в состав Пелымского воеводства, затем Тобольского, а с учреждением губерний в 1708 году — в Кошукскую волость Туринского уезда Сибирской губернии. В 1796 г. её переименовали в Тобольскую, а в августе 1919 г. — в Тюменскую.

В ноябре 1923 г. был образован район с центром в посёлке

Верхняя Тавда в составе Ирбитского округа Уральской области, при разделении которой в январе 1934 г. Верхне-Тавдинский район отнесён к Обь-Иртышской области, вскоре переименованной в Омскую. В октябре 1938 года Тавдинский район отошёл к Свердловской области.

21 июля 1937 года Указом ВЦИК РСФСР лесной рабочий посёлок Тавда получил статус города.

Череп мамонта, обнаруженный на берегу Тавды у д. Васьково. Тавдинский музей лесной и деревообрабатывающей промышленности

Все обнаруженные в двух граничащих между собой районах археологические объекты датируются от эпохи неолита (III – нач. II тысяч. до н.э.) до начала русской колонизации Сибири (XVI в.). Предметы быта, найденные в Таборинском районе – близ озера Епанчино и озера Кривое, говорят о том, что принадлежали они людям эпохи энеолита (примерно IV – I вв. до н.э.). Так что земля Притавдинья хранит еще много тайн, разгадать которые, возмож-

но, придется молодому поколению историков и археологов.

Тавдинское благочиние и паломнический туризм

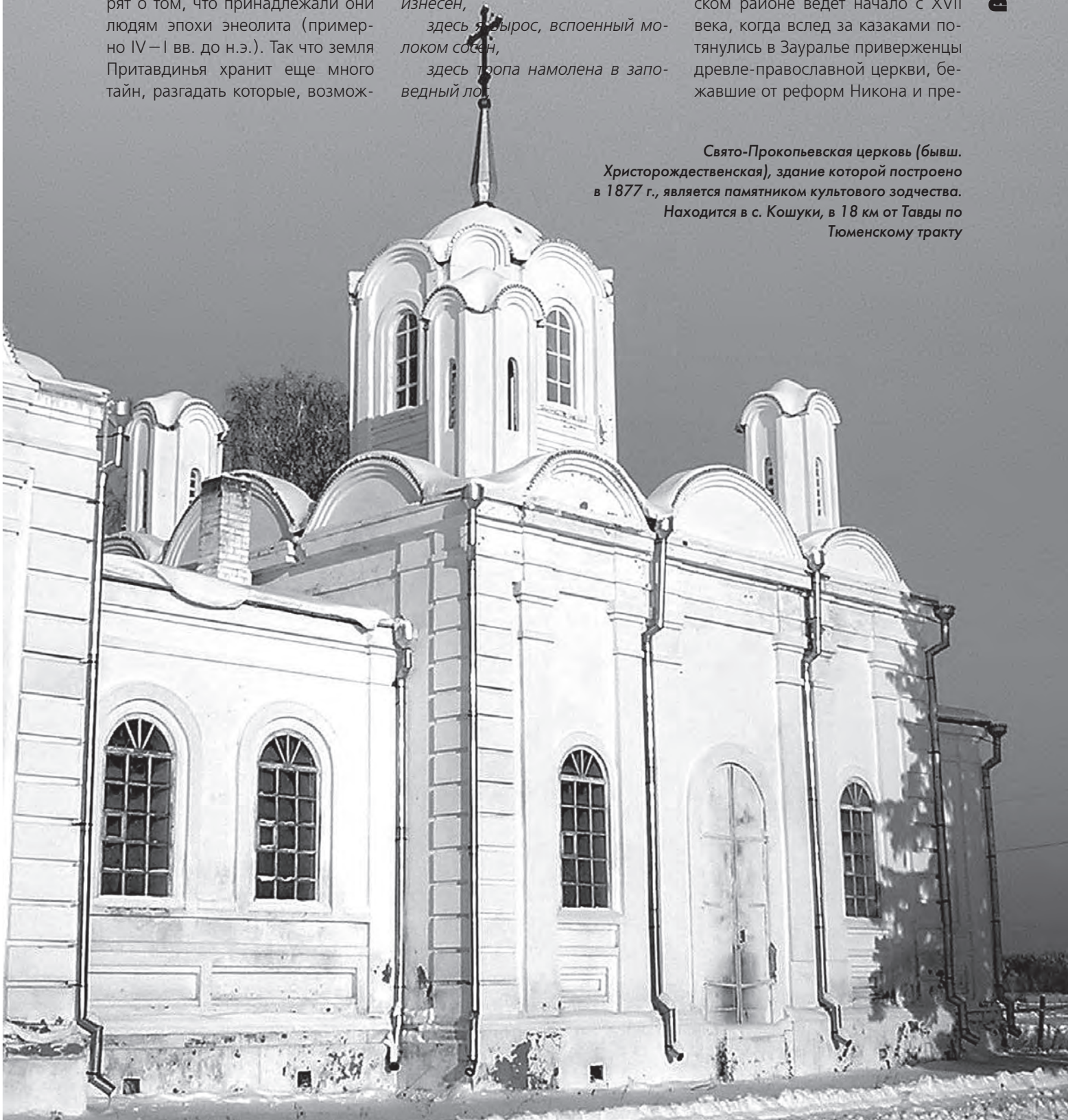
*«Весь моя укромная, закуток Руси,
здесь любовью маминой я произнесен,
здесь я вырос, вспоенный молоком сосен,
здесь тропа намолена в заповедный лог»*

здесь судьба моя уйти в боровой песок» – так написал о своей малой родине тавдинец Валерий Ермолаев.

«Заповедный лог», Святой Лог. Место паломничества православных верующих, символ духовной преемственности, святое место...

История православия в Тавдинском районе ведет начало с XVII века, когда вслед за казаками потянулись в Зауралье приверженцы древле-православной церкви, бежавшие от реформ Никона и пре-

Свято-Прокопьевская церковь (бывш. Христорождественская), здание которой построено в 1877 г., является памятником культового зодчества. Находится в с. Кошуки, в 18 км от Тавды по Тюменскому тракту

Деревянный храм во имя Исповедника Иакова в поселке Фабрика (XIX в.)

следования властей. Уже в конце XVII – начале XVIII вв. в Тавдинском поречье создается один из центров старообрядцев, вышедших с Поморья. Тайга и болота приютили поморцев, создавших здесь Спасскую Кошутскую (Кошутскую) пустынь, упоминаемую в целом ряде старообрядческих сочинений XVIII – XIX вв. В этой пустыни состоялось две «гари»: одна – примерно в 1688 г.,

другая – в 1715 г., о чем и упоминается в старообрядческом Синодике и уральском старообрядческом сочинении «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири». Известно, что в Кошутской пустыни пребывали братья Семеновы – Гаврила и Иван, правда, определить сегодня точное положение этого места достаточно трудно, – можно с известной долей уверенности предпо-

Деревянный храм во имя Андрея Первозванного в с. Таборы

жить, что эта пустынь находилась вблизи села Кошутского на реке Тавде (ныне с. Кошуки).

Возрождение (в 1990-х годах) православной традиции в Тавдинском крае связано, в первую очередь, с активной деятельностью протоиерея Владимира Панова, настоятеля Прихода во имя Святого праведника Прокопия в селе Кошуки. Его усилиями была восстановлена бывшая Христорождественская церковь – ныне Свято-Прокопьевская.

История же Святого Лога сегодня стала легендой. Находится он вблизи деревни Вагановой в нескольких километрах от другой исчезнувшей старинной деревни Сайтково. По преданию, жил здесь в 1920-х годах в аскезе и молитве «божий человек». А спустя десятилетия стал в этих местах слышаться звон колоколов – в день поминовения Николая Чудотворца. Это подвигло в 1980-х годах самодеятельного художника и скульптора Александра Мартюшева установить здесь каменный барельеф с ликом Св. Николая Мирликийского.

Сегодня Святой Лог внесен в маршруты уральских паломников.

Среди православных храмов Тавды и окрестных сел заслуженным вниманием пользуется деревянный храм Иакова Исповедника в поселке Фабрика, построенный в конце XIX в., и современный храм во имя Андрея Первозванного в с. Таборы – центре Таборинского муниципального района.

В поселке Фабрика близ Тавды работает загородный православный лагерь труда и отдыха для молодежи городского округа, – итог совместной деятельности прихода во имя Святителя Николая и городского управления народного образования. Действует в Тавде и молитвенный дом во имя Святителя Николая Чудотворца, открытый в 1995 г., и сестричество, созданное по инициативе О. Сергия Циммера.

Река, созданная для туризма

В 2004 г. в области стартовала экспедиция «Губерния – 66»,

инициатором которой явился известный путешественник, многократный чемпион СССР и России по спортивному туризму Николай Рундквист. В составе команды находился мастер спорта СССР по туризму, участник чемпионатов СССР, руководитель многих сложных экспедиций на северо-восток страны Леонид Стариковский, писатель — лауреат премии Марка Алданова 2007 года («Новый журнал», Нью-Йорк), с которым свела меня судьба в Праге...

Группа из шести человек преодолела 3600-километровый маршрут по границам Свердлов-

ской области: 2 тысячи км в южном направлении — на велосипедах, 1200 км на северо-восток, сплавляясь по рекам Пелым и Тавда, и 400 км — пешком.

Правый берег Тавды нередко венчают крутые песчаные обрывы — «яры».

Цель, поставленная участниками экспедиции — разрушить стереотипное представление о Среднем Урале как о промышленном, экологически неблагополучном регионе. Что спортсмены и осуществили, пополнив информационный банк данных о туристских ресурсах

периферийных районов Свердловской области, собрав фото- и видеоматериалы о достопримечательностях этих уголков Среднего Урала.

По мнению Н.А.Рундквиста, «Свердловская область будто специально создана для экспедиционного маршрута, и остается лишь удивляться, что столь очевидная идея путешествия до сих пор была не реализована». В итоге путешественники посетили четыре крайние географические точки области, установив там памятные знаки, а также самое крупное озеро бассейна Тавды и Среднего

Урала — Пелымский туман. Сплавившись от поселка Пелым до города Тавда, в окрестных болотах — в самой западной точке области — Николай Рундквист установил памятный знак.

По туристским тропам таежного Зауралья

Поколение 1970-х помнит популярную среди туристов кни-

гу «Маршруты Среднего Урала» Е.Масленикова и П.Истомина. Активных молодых людей не пугала перспектива зимней «прогулки» «По таежному Зауралью». Именно так назывался маршрут, охватывающий крайние восточные районы Свердловской области — Тавдинский, Туринский и Тугулымский, и заканчивающийся в областном центре соседней области — Тюмени.

Примечательно, что начинался он в Тавде, куда туристы из «центра» могли добраться лишь по железной дороге «Свердловск—Тавда» или по воздуху — с аэропорта Уктус (перенесен в Арамилы) в Свердловске.

Маршрут, протяженность которого составляла 235 км (!), начинался со знакомства с природой и индустриальной культурой Тавды как центра лесной, деревообраба-

Холзан

Центр по мониторингу
и реабилитации хищных птиц

Показательная охота на фазана

Организация экскурсий

Соколиное шоу

село Кашино, Сысертский район, Свердловской области
телефоны +79122417602, +79028717917

E-mail: falconfreesky@gmail.com

www.holzan.falconer.ru

тывающей и лесохимической промышленности.

Зимний вариант маршрута продолжительностью 10–12 дней выглядел следующим образом.

Тавда – с. Герасимовка – оз. Карачино – Тюменский госзаказник – Бахметский лесной массив в Тугулымском районе – Тюмень. Протяженность маршрута 235 км, продолжительность 10 – 12 дней.

Существовал ранее и водный тур: Тавда – Тобольск (по рекам Тавда и Тобол), в настоящее время ограниченный локальными вылазками рыбаков, охотников и отдыхающих – на частных судах.

Туризму быть?

В настоящее время Министерство физкультуры, спорта и туризма Свердловской области и УрГУ разработали (в 2008 г.) проект системы туркластеров области, срок реализации которого определен 2015 г. Однако районы Восточного и Северного управленческих округов лишь частично встроены в эту систему. Конкретно: Тавдинский ГО, наряду с Туринским и Камышловским ГО, отнесены в туркластерном делении к «Восточной лечебно-рекреационной зоне «Урал-целитель». Безусловно, целебная «Вода Тавдинская» и ана-

логичные источники в Таборинском районе могут стать центром притяжения туристского интереса. Но пока не стали...

Кроме того, ресурсная емкость Притавдинья явно искусственно сужается, забиваясь в рамки рекреации, основа которой – термальные водоисточники, реконструкция и достройка курортной сети, развитие сельского туризма. Игнорируются исторические и иные ресурсы, при том что паломнический и познавательный туризм пусть небольшой по потоку, но существует, не говоря уже о сотнях рыбаков и охотников.

Речной флот Тавды еще жив и ждет туристов

**Сопутствующие товары
для охотников, рыболовов,
туристов, военных,
охранников**

адрес: ул. Малышева, дом 6
телефон: (343) 203-19-85
электронная почта: splavekb@sky.ru

Осенняя охота на утку в пойме Тавды

Возможно, мышление создателей туркластерной программы зациклено рамками области (по задаче), тогда как логично и правомерно рассматривать развитие туркластеров или зон пограничных районов в рамках всего УрФО!

Понятно, что современное состояние туротрасли, речного флота, общие показатели экономического и социального уровня радикально отличаются от советских времен, тем не менее, сбрасывать со счетов ресурсы и возможности для развития внутреннего и въездного туризма в Притавдинье не следует. Не следует хотя бы по причине того, что к планируемому в областном проекте 2015 году население дотационных и депрессионных ГО и районов просто вымрет или мигрирует.

Тем более важно предложить и запустить альтернативные экономические проекты на этих территориях. Альтернативные – имеются в виду проекты не только промышленного развития, но и туристские,

подобно разработанной уже программе по развитию сельского туризма в области, и сопутствующих ему обслуживающих отраслей.

Пока же... Северные и восточные районы Зауралья осваиваются туроператорами локально, нерегулярно, а нередко – в частном порядке. Причина такого дисбаланса объяснима: для городов и районов Восточного округа Свердловской области не свойственно наличие полноценно разработанных турмаршрутов и инфраструктуры, обеспечивающей их функционирование.

Притом что мест отдыха, охотничьих угодий, исторических памятников и уникальных объектов культуры – всего, что представляет несомненный интерес для туристов и гостей областей УрФО, предостаточно. Природные достопримечательности и ландшафтные особенности Зауралья уже являются собой самодостаточные объекты и ресурсы, будь то сосновые боры,

кедрачи, водоемы с чистой водой или промысловая дичь. Археологические и исторические памятники и достопримечательности ведут отсчет от бронзового века (3 – 3,5 тыс. лет), отражая все эпохи и перипетии в истории освоения и заселения края. В данной связи как Правительство Свердловской области, так и местные администрации должны быть заинтересованы в создании условий для того, чтобы туризм стал одной из основных статей доходов.

Автор, родившийся в городе Тавда, в настоящее время писатель-публицист и главный редактор издательства «Раритет» (г. Екатеринбург) предлагает свои очерки о возможностях развития туризма в Притавдинье.

Александр Залесский,
фото автора

Когда звезды были большими

Экспедиция. В детстве это слово вызывало у меня странные ассоциации: толпа больших бородатых мужчин, пробирающихся среди ледяных глыб; сверкающие на солнце горные вершины, внезапно взлетающие над бескрайней тайгой; дальние края, где среди никем не виданных растений бродят неведомые звери...

С тех пор пролетели годы, я стал взрослым, у меня появились свои дети, но и теперь, побывав во многих экспедициях, я не смогу с ходу сказать — что же это такое. Слишком многое вмещает в себя это слово. Но вот снова знакомая учительница просит прийти на классный час — рассказать школьникам о нашем летнем путешествии, и я задумываюсь, как же им объяснить, что такое туристская экспедиция.

Экспедиция — это бесконечная череда магазинов, по которым мы носимся с рюкзаками и списками, закупая ящиками тушенку

и сгущенку, десятками килограммов — крупы и овощи, коробками — печенье, курагу и шоколад. Экспедиция — это ночные бдения у духовки, в которой сушатся сухари, морковь и зелень. Экспедиция — это безумная суэта последних дней перед отъездом, когда выясняется, что нет чего-то совершенно необходимого, но это «что-то» путем героических усилий всей команды все-таки удастся достать, когда при виде своего собственного огромного и совершенно неподъемного рюкзака вновь начинаешь перебирать список снаряжения, пытаешься найти хоть что-нибудь лишнее, без чего можно будет обойтись в лесу. Экспедиция, наконец, это яростный спор с проводницей, к ужасу которой мы заносим в плацкартный вагон свои рюкзаки, транспортные мешки, коробки и сумки и снова выскакиваем на залитый электрическим светом перрон, чтобы попрощаться с друзьями, остаю-

щимися здесь — под темно-синим городским небом с едва различимыми бледными звездочками.

Но вот остались позади город и железная дорога. Теперь наша экспедиция — это ползущий по разбитой грунтовке старый «Урал», кузов которого битком забит нашим снаряжением, а мы сами сидим на рюкзаках и цепляемся за борта. Дорога идет сквозь тайгу, то круто поднимаясь вверх, то словно пикируя вниз. Машина опасно кренится, объезжая огромный холм, и, наконец, останавливается на большой поляне. Потом мы до позднего вечера таскаем грузы по нами же пробитой в густом подлеске тропе, ставим палатки и оборудуем лагерь, пилим и колем дрова и делаем множество другой необходимой работы, после чего в полной темноте собираемся у костра. В мисках дымится горячий ужин, яркие красные искры улетают в невероятно далекое совершенно черное небо, откуда смотрят на нас

большушие белые звезды. Торжественным тоном командир произносит: «Итак, экспедиция началась! Поздравляю!»

Вообще-то экспедиция началась еще 2 года назад, когда здесь, в этой богом забытой глуши, местный охотник показал спелеологам пещеру. Она оказалась весьма глубокой, и пройти ее с двух попыток ребята не сумели. Теперь сюда приехала очень сильная команда. У нас большой запас самого разнообразного снаряжения — веревок, карабинов, скальных и шлямбурных крючьев, молотков и прочего имущества, но главное — все участники отлично подготовлены и полны решимости. Каждое утро под землю уходят группы. Возвращаются они лишь глубокой ночью. Но, отдохнув и отоспавшись, ребята снова спускаются вниз. По 14–16 часов непрерывно они борются с промозглым холодом и непроглядным мраком, отыскивая дальнейший путь. То проползая в узкие щели, то карабкаясь по скользким камням, они уходят все дальше и дальше. Путь преграждает огромная пропасть, но и это не помеха: в стены забиваются крючья, и вот уже один за другим по тонкой, раскачивающейся в пустоте веревке спелеологи спускаются вниз. Уставшие, измазанные жидкой глиной, они возвращаются в лагерь. Яркие фонари выхватывают из ночной тьмы могучие стволы и притаившиеся под ними зеленые кустики, освещают тропу, ведущую к черному провалу. Словно удивляясь человеческой дерзости, перемигиваются на небе звезды — крупные и яркие, какие можно увидеть только в лесу. Дежурные, заметив мелькнувший вдалеке свет, подбрасывают в костер мелких сучьев, чтобы быстрее согреть воду для умывания и остывший ужин.

К концу первой недели один из множества узких извилистых ходов вывел нас в обширный зал с небольшим озерком у дальней стены. Единственным продолжением казалось большое круглое отверстие под самым потолком зала. Но до этого отверстия надо было подняться больше, чем на 10 метров!

Идеально ровная вертикальная стена покрыта толстым слоем кальцитовых корок, по которой стекают струйки воды. В 5 метрах над полом стена наклоняется внутрь, создавая подобие купола, потом снова выпрямляется и становится отвесной. В этом отвесе рядом с плоским потолком зияет черная дыра. Попастись в нее — задача не из легких. Придется немало потрудиться, но для начала мы решили забросить в зал штурмовую лагерь.

Налегке от нашего костра до Озерного зала можно добежать за полтора часа. Группа с кучей тяжелых транспортных мешков, куда были упакованы веревки, подземная палатка, продукты, подземная

кухня и штурмовое снаряжение, движется гораздо медленнее. Но все же через 3 часа после выхода из базы поверхности подземный лагерь установлен. В зале ярко горят свечи, тихонько шипит старенький примус. Под стеной аккуратно сложено штурмовое снаряжение. На большом плоском камне устроен стол, рядом аккуратно сложены продукты, в сторонке стоят емкости с бензином. Освещенная изнутри палатка кажется каким-то фантастическим строением. Как-то враз мрачное подземелье приняло вполне обжитой вид. Но вот начался штурм.

Подойдя к стене, Паша поднял руку и сильным ударом скального

молотка сбил маленький кусочек кальцитовый коры. Еще несколько таких же ударов, и вот из-под желтого края показался серый известняк. Расчистив небольшую площадку, Паша аккуратными точными ударами начал забивать шлямбурный крюк. Через 20 минут он нацепил на свежезабитый крюк маленький овальный карабин, в который встегнул коротенькую — в 4 ступеньки — тросовую лесенку. Встав на лесенку, Паша пристегнулся к этому же крюку и забил над головой следующий. Отстегнув страховку и перебравшись на новую лесенку, которую он повесил на этом крюке, Паша снял лесенку с первого крюка и прицепил ее себе на пояс, потом внимательно осмотрел стену. Взяв в руки короткий скальный крюк, он несколькими ударами загнал его в крохотную трещинку, покачал рукой и, взяв идущую снизу страховочную веревку, решительно встегнул ее в карабин рядом с лесенкой. Чуть выше скального крюка он просунул в трещину маленький металлический эксцентрик и, держась за него, подтянулся. Встав ногой на скальный крюк, забрал лесенку, пристегнул страховочную веревку к эксцентрику и полез вверх, цепляясь за крохотные выступы. Вскоре он остановился и, орудуя одной рукой, вставил в трещину «френд» — саморасклинивающийся кулачок. Пристегнувшись к этой весьма ненадежной опоре, Паша снова начал забивать шлямбур.

Снизу стоял, держа страховочную веревку, Пашкин верный друг и напарник Леха. «Ну что там?» — спросил он, глядя вверх, туда, откуда раздавалось звяканье скального молотка. «Гладко, — донеслось сверху, — ни малейшей щелочки. Будем на шлямбурах подниматься!» Леха, услышав такой приговор, выругался: штурм явно обещал затянуться. Под землей и так достаточно сыро и холодно, но в движении этого не замечаешь, зато теперь, неподвижно стоя под стеной и держа в руках страховочную веревку, Леха начал замерзать. Время шло незаметно. Под землей нет смены дня и ночи, нет

восхода и заката, а часы у него забрала вторая двойка, ушедшая осматривать дальние закутки зала. Поэтому, когда Паша сообщил, наконец, что устал, и предложил поменяться, Леха уже изрядно замерз. Впрочем, поднявшись по оставленной напарником веревке к станции — двум забитым в стену шлямбурам — он слегка согрелся, а потом даже вспотел, пока забивал первый свой крюк. В этом месте кора была особенно толстой, и он изрядно повозился, пока очистил от нее площадку. Дальше стало еще труднее: теперь стена наклонилась, словно опрокидываясь в зал, и бить крючья с лесенки пришлось из очень неудобной позы и чрезвычайно близко друг к другу. Чем дальше уходил Леха, тем круче становился этот отрицательный уклон. Вскоре он уже не смог встать на лесенку и просто повис на очередном крюке. Из этого виса он забил рядом еще один крюк и, закрепив на образовавшейся станции веревку, спустился вниз.

После обеда Паша и Леха пошли осматривать найденный второй двойкой узкий лаз. Он начинался между камней недалеко от хода, ведущего из зала наверх. А вторая двойка отправилась штурмовать стену.

Когда они снова собрались за столом, выяснилось, что до отверстия в стене все еще очень далеко — ребята так и не смогли выйти на вертикальный участок, зато найденный ими лаз оказался весьма перспективным: он уходил вниз, и хоть и был чрезвычайно узок, зато в нем дул ветер, а это однозначно свидетельствует о находящейся дальше крупной полости. Единственная проблема была в том, что даже изрядному стройному Паше приходилось ползти «на выдохе», а Леха вообще остановился на полпути и не смог продвинуться дальше.

После еды — то ли ужина, то ли завтрака, состоявшегося в 3-м часу ночи — пошли в палатку. Тонкие коврики, расстеленные на каменном полу пещеры, и брошенные на них спальные мешки казались до предела уставшим людям верхом уюта.

Условным утром (наверху в это время был день, и все участники занимались тщательным обследованием и топографической съемкой окрестностей) ребята проснулись, позавтракали и возобновили штурм. За пару часов Паша сумел выйти на вертикальный участок стены, но здесь его ждал сюрприз: натечная кора тут оказалась гораздо толще, чем внизу. Теперь на каждый крюк уходило более получаса. Забив 3 крюка, он поменялся с Лехой, который еще через 3 часа подошел под самый край отверстия, где и сделал очередную станцию.

В это же время вторая двойка пыталась расширить найденный накануне узкий проход. Валера с Максом по очереди залезали туда и, лежа на левом боку, что есть силы лупили молотком по торчавшему из стены выступу. Им удалось сбить пару наиболее крупных камней, после чего они просочились дальше и поползли вниз по узкому извилистому крутонаклонному ходу. Под потолком ход становился чуть шире, и потому они вжимались спинами в потолок, руками и ногами распираясь между стенок. Внезапно ход кончился — впереди была пустота. Макс, который полз первым, едва не рухнул в эту пропасть, но все же сумел удержаться на самом краю. Валера схватил его за ноги и помог развернуться. Макс ужом проскользнул снизу и так же помог развернуться Валере. Они поползли назад, но идти вверх оказалось труднее, чем вниз. Внезапно навалилась усталость. Мешал болтавшийся сбоку скальный молоток. Цеплялись за комбинезон мелкие щетки растущих на потолке крошечных сталактитов и торчащие из стен мелкие острые камушки-кораллолиты.

Когда Валера с Максом вышли обратно в зал, обед был уже готов. Паша с Лехой успели сварить суп с тушенкой и какао, нарезали сало и поделили шоколад. Увидев подходивших ребят, вымазанных в глине, Паша тут же поставил на примус котелок:

— Сейчас вам водички согрею для умывания. Что у вас там?

— Вышли к большому колодцу. К очень большому! — Макс улыбнулся и развел руки в стороны: — Вот такенный колодец!

— Молодцы!!! А мы под самую дыру подлезли! Думаю, еще немного, и будем там! — Паша махнул рукой в сторону стены.

Поздно вечером все четверо сидели в низком широком гроте с десятком расходящихся из него ходов. В 12 метрах под ними в зале горели свечи.

— Да уж. Серьезный лабиринт, — пробормотал себе под нос Макс.

— Да мы, кажется, и половины всех этих ходов не посмотрели. Тут не один день разбираться надо, — улыбнулся ему в ответ Леха. Вот кто завтра нас сменит, тот и будет возиться. Да и в нижнем ходу работы ему хватит.

Ребята заулыбались и по одному стали спускаться вниз. Наскоро поужинав, они пошли на поверхность. Из пещеры вышли уже под утро. Было еще темно, лагерь спал. Огромная луна сияла, освещая поляну, костровище и россыпь палаток. Радостно горели в небе огромные звезды, словно приветствуя первопроходцев и сверкающий ковш Большой Медведицы, медленно поворачиваясь, черпал ночную прохладу.

На следующий день в подземный лагерь отправились сразу 8 человек. Штурм продолжался.

Штурм продолжался еще полторы недели, пока не удалось достигнуть дна пещеры. Она оказалась не столько глубокой, сколько сложной в техническом отношении. Зато верхний ход, как назвали дыру, к которой так долго поднимались Паша и Леха, привел сквозь запутанный лабиринт к невероятно красивому гроту. С потолка здесь свисали каменным дождем длинные тонкие молочно-белые сталактиты. Вдоль стен возвышались гигантские колонны, а сами стены были украшены причудливыми каменными цветами — гелектитами. В потолке грота нашли широкую щель, через которую удалось пробраться в длинный зал, косо поднимавшийся вверх — почти под

самую поверхность земли. По видимому, это был древний, давно обвалившийся и засыпанный землей вход в пещеру.

Экспедиция как-то враз подошла к концу. Нет, работы еще было очень и очень много: нужно было сделать топографическую съемку и нарисовать карту пещеры, снять и вынести на поверхность имущество подземного лагеря и веревки. Нужно было отстирать от глины все снаряжение, которое побывало под землей. Но самое главное и важное было уже позади.

И вот наступил последний вечер. Ярко горел костер. Мы уже съели праздничный ужин, и теперь дежурные подали чай, а к нему — торт из печенья со сгущенкой. Звенела гитара, и добрая музыка Визбора заполняла наши сердца. Мы еще были в лесу, еще не добрались до дома, но вновь спрашивали друг друга, кто куда поедет, у кого какие планы. Мы уже не просто мечтали о новых экспедициях — уже планировали их. Да-да, мы говорили не о доме, а о походах.

Наутро за нами пришла машина, и мы снова грузились в «Урал» и потом долго-долго ехали назад, к забытому Богом поселку, где в ярко-синем небе растрепанным ватным клочком висело одинокое облако, а из-за сочной зелени, скрывающей крохотное здание станции, выглядывала длинная вереница ржавых вагонов, придававшая пейзажу совершенно ирреальный вид.

Мы вернулись домой и сбрили отросшие за месяц бороды. Мы напечатали фотографии и показали их всем друзьям и знакомым. Мы рассказали о своих открытиях коллегам-спелеологам. Казалось бы, все. Но почему-то мне снова и снова хочется вернуться туда — в те прекрасные, хоть и трудные, дни, когда мы рвались в земные глубины, когда забивали прочные крючья в неподатливые каменные стены. В те дни, когда нас, выходящих из пещеры, встречал теплым воздухом летний лес, и на небе горели огромные звезды — почему-то мне все время вспоминается, какими они были большими.

Леонид ВОЛКОВ
фото предоставлено автором

Пропашая яма

Одна из крупнейших и самая сложная пещера Урала. Находится в Башкирии, на левом берегу реки Белая, чуть выше по течению от знаменитой Каповой пещеры, в 5 километрах к юго-западу от деревни Киекбаево. Вход — двойная дыра диаметром 1 метр в верхней части берегового склона, в лесу, за которой следует вертикальный 80-метровый колодец. За 15 метров до дна он разветвляется, поэтому надо закачнуться в очко,

так как основной ствол глухой, а со дна второго начинается многомерный лабиринт длиной более 4 км. Здесь имеются такие места, в которых на одну точку можно выйти с четырех направлений, на разных уровнях. Периодически встречаются колодцы по 8–15 метров, приходится перемещаться по навешенной веревке то вниз, то вверх, поэтому ходишь все время в обвязке. Пещера примечательна своими разнообраз-

АльпИндустрия
ул. Первомайская 77, 378-33-47

ными натечными образованиями, а также большим количеством глины. Здесь имеются большие перспективы с точки зрения нахождения новых ходов и залов.

Буквально в 100 метрах, на этой же речной террасе, находится пещера Медвежий мешок, представляющая собой ледяной мешок. Подземная наледь, при своей небольшой массе, значительно изменяется в зависимости от годовых и сезонных колебаний, поэтому постоянно меняется и облик полости. На глубине 90 метров пещеры соединяются узким ходом, который иногда частично затекает льдом, поэтому можно войти в одну пещеру, а выйти через другую, если позволяет его состояние.

Первая топо съемка пещеры осуществлена спелеологами города Свердловск в 1971 году, в дальнейшем она дополнялась спелеологами Магнитогорска и Уфы.

Для полной уверенности

ЮГОРИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ

www.ugsk.ru

Маргарита ГОРБАТЮК, Екатеринбург

Река

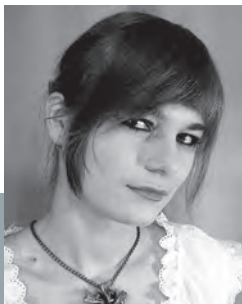
Я вечно твой,
Всегда с тобой,
Все для тебя,
Ты — это я.

Муз. группа *Отто Dix*, «Отражение»

Течение реки было размеренным. Заключенная между высокими ребристыми скалами, поросшими густым темным ельником, она несла свои воды с востока на запад и обрывалась лишь там, где скрывается колесница огнекудрого Хорса¹. Берега, покрытые непролазным буреломом, застыли в тревожном безмолвии, а небо над рекой заволокли тяжелые, низко нависшие тучи, насквозь пропитанные дождем. Лес молчал, грозно устремляя ввысь клинообразные вершины деревьев. В воздухе сгустился напряженный томительный сумрак, но это не заботило одинокого безликого странника, равномерно ударявшего веслами по речному зеркалу. Его неопределенного цвета лодка медленно скользила по воде, казавшейся зеленоватой от отражающегося в ней мрачного лесного массива. Странник глядел прямо перед собой, почти не реагируя на окружающий мир, а над его головой кружила огромная серая птица с черной каймой на крыльях, и тень ее постоянно преследовала лодку. Но безмолвному полупрозрачному гребцу, уверенно двигавшему веслами, было все равно. Он не знал ни прошлого, ни будущего, а просто плыл вслед за течением времени по этой не нанесенной ни на одну карту речушке, которая и называется человеческой жизнью...

...В глазах рябило от безостановочной переливчатой игры голубых и зеленых лазеров. Толпа похожих на траурных бабочек готов жалась к низенькой сцене, где надрывался надсадным скримом певец с черно-белым гримом на лице. В тени скрывалась целая рота охранников, холодно озирававшихся по сторонам. Дым, мертвенные вспышки света, электронная музыка, от которой сладко вскипает кровь, латексные наряды. Полночный готический сэйшн в выкинутом на самую окраину Города клубе был в полном разгаре.

¹ Хорс — бог Солнца и солнечного диска.

Горбатюк Маргарита Викторовна родилась в 1992 году. Учится в 11 классе МОУ гимназия № 13 г. Екатеринбурга. Данный рассказ — первая крупная публикация.

Сирин полулежал в кожаном кресле на неосвещенном конце зала. От безбашенной амплитуды звуковых волн у него гудело в голове. Выступавшую группу он знал плохо, обряженную в винил и бархат толпу тоже. Хотелось провести сегодняшний день так, как никогда раньше, но это почему-то не получилось. Холодный осенний дождь безжалостно расправлялся даже с самой тусклой искрой счастья в душе смертного. Октябрь установил свои законы, по которым долги часами обязан был накапывать липкий дождик, перемешанный с лохмотьями похожего на спустившееся с небес облако тумана. Когда-то радовавшая глаз листва лежала теперь под ногами перегнившим бурым месивом, а болезненное солнце, изредка разрывавшее желтовато-серый эшелон туч, робко сияло тусклым светом сорокаваттной настольной лампы. Идентичные серые рассветы, напоминавшие больше ранний вечер, не приносили радости, только смятение и бесконечную усталость. Называется, пейте больше витаминов...

Никому не нужный, никем не замечаемый, Сирин, схватив свое пальто, вышел на улицу, провожаемый равнодушным взглядом застывших у входа секьюрити. Сырая хмурая беззвездная ночь всосала его в себя, синтезировав с дождем, струйки которого, как слезы, тихонько лизали щеки, и в темноте не было ни единой живой души, лишь припаркованные к обочине дороги автомобили печально подмигивали ему голубыми и алыми светлячками диодов. Погруженному в болезненную дрему Городу глубоко безразлично, что по его угловатым переулкам, часто заканчивающимися тупиками, скитается чья-то одинокая тень, которой никто и никогда не выйдет навстречу. Конечно же, куда проще уничтожить одну пораженную клетку ради блага всего организма. Не лечить, а именно холодно вырезать ее, пусть даже нанеся вред прилегающим к ней.

Сирин медленно шел мимо бесконечного уродливого забора, отгораживающего химзавод от остального мира, через стальной мост над отравленной речушкой, смутно переливавшейся бензинными разводами, по чахламу парку, засаженному колоннами редких низкорослых деревьев. Породивший его Город был таким же, как всегда: в его истерзанном безобразном теле прятались обремененные своими тревогами и заботами индивидуы, которых загонял в выставшие каменные клетки страх перед незримыми ночными чудовищами, выходившими на неизменно удачную охоту, и этот тошнотворно пахнущий хозяйственным мылом дождь, и расточаемое каждой провалившейся во тьму постройкой безысходное всепроникающее тоскливое излучение... И Сирин мерил шагами эту воцарившуюся зыбкую тьму, время от времени теряя невидимую тончайшую нить, соединяющую его с реальностью, и рассеянно растирая пальцами виски, точно не давая своему разуму окончательно впасть в оцепенение.

Он некоторое время постоял в кольце голубоватого света уличного фонаря, потом торопливо отступил обратно в темноту. Ему до сих пор не удалось определить, сам ли Город разрушает сущность своих обитателей, которых интересуют лишь два новых божества со странными именами Деньги и Комфорт, или эти невзрачные люди, появившиеся на свет с серыми густками вместо души, могут сами настолько исказить, обезличить то пространство, где они существуют. Да-да, именно существуют, а не живут, не зная самого главного в этом мире и даже не стремясь узнать, в чем заключается это главное. Сирин тоже не знал ответа, но лишь потому, что поиски продолжались в течение слишком малого отрезка времени. Он, сколько помнил себя, всегда держал дистанцию с окружающим миром, потому что в его груди еще обитала душа, обмороженная и обожженная, никого не любящая и никем не любимая, уже немного атрофированная, ко всему безразличная и безропотная, но все же живая человеческая душа, пришедшая из тьмы Космоса и уходящая в нее же. Где он? Что с ним? И как можно жить дальше среди этого духовного вакуума?

Он опустился на холодный поребрик, выискивая в кармане то, что стало для него самым ценным на сегодняшний день — тончайшее бритвенное лезвие, обернутое в клочок газетной бумаги. Слыша женский шепот в шуме дождя, он с нежностью развернул его, маняще поблескивающее. Это была не победа Города, а горькая усмешка ему в лицо, попытка оборвать осень и с последними толчками изливающейся из рассеченных вен крови понять, в чем же заключается та самая искомая неизвестная во всеобщей неразрешимой задаче под названием «Поиск смысла жизни».

Он с медлительным усердием полоснул по обоим запястьям и бесстрастно наблюдал за тем, как почти незаметные белесые нити порезов заполняются рубиновой кровью и она, тонкой щекочущей струйкой стекая на асфальт, растворяется в дожде. Страх не было, одна только жалость к самому себе, потерянно-

му, никем так и не понятому, всегда одетому в черное, с намертво приросшими гвоздиками наушников, заглушающими звуки реального мира.

Одинокий и в жизни и в смерти, он нехотя прикрыл веки и привалился спиной к вымокнутому стволу облетевшего дерева, чувствуя поднимающиеся где-то в глубине пищевода волны сладковатой тошноты. Он думал о том, что совсем скоро он вырвется на свободу, раскроет за спиной свои перепончатые крылья и помчится навстречу звездам, которые с мчащимися тысячами лет лучами света посылают Земле холодный привет. Как часто Сирин перешептывался с ними по ночам, привалившись лбом к ледяному оконному стеклу... Освободившись и получив прощение, он совсем скоро будет ступать по пушистой лунной поверхности и своими глазами сможет увидеть ее обратную сторону, где, возможно, дремлют запыленные руины древних городов, красивых и просторных, всегда обращенных лицом к звездам и совсем не похожих на этот унылый многомиллионный мегаполис, бывший страстным любовником всех сущих грехов.

А кровь все бежала, нежно лаская кисти его рук, проливаясь на мокрый асфальт, смешиваясь с дождевой водой в лужах. Сирина клонило в сон, и, свернувшись клубком, он улегся на размокшую, пахнущую кислым землю, почти незаметный за переплетением света и тени. Переставшая сопротивляться жизнь медленно выливалась из перерезанных запястий, и он лишь неторопливо ожидал того момента, когда смерть сотрет в его глазах картину мира реального, и они под руку направятся в то самое мифическое чистилище, а там... Все мироздание раскроет объятия ему навстречу.

Сирину казалось, словно он погружается в глубокий тягостный сон. Окружающие предметы расплывались в его глазах, сливая воедино краски, то приближаясь, страшно нависая над ним, то неожиданно отскакивая на огромное расстояние, как будто бы он балансировал на невидимой изломанной линии, что разделяет жизнь и смерть, передавая себя во власть то одной, то другой. Постепенно эта игра сошла на нет. Он, как в трясику, проваливался внутрь самого себя. Но та самая первородная тьма вдруг разлетелась калейдоскопом разноцветных искр, постепенно сложившихся в четкую и странную картину: серый мгlistый вечер, ливень, взволнованная ветром река и густой еловый лес, обступавший крутые берега.

Холодный дождь хлестал по лицу, застилая все вокруг мутной вуалью, а между деревьев курился, перетекая на реку, седой леденящий туман, в глубине которого барахталась человеческая фигурка, из последних сил стискивавшая в руках какой-то предмет. Задохнувшись от отчаянья, он почти кубарем скатился с отвесного берега в воду и, борясь с обрушивающимися на него волнами, поплыл на помощь тонущему, совсем забыв о себе и о своем теле, что исходило кровью в осеннем омертвевшем парке. Человек тот, заметив подплывающего Сирина, пронзительно закричал что-то, но обезумевший ветер подхватил этот

крик и унес в сторону без остатка поглотившего его леса. Вокруг него носились по реке обломки деревянного челнока. С невероятным усилием воли Сирин грубо ухватил его, зачем-то нелепо сжимавшего обеими руками весло, и потащил на мелководье. Тот доверительно прижался к нему, с хрипотцой вдыхая перемешанный с дождем воздух. Плыть вдвоем стало гораздо тяжелее. Сирин кое-как дотащился до пологого берега, тяжело уронив незнакомца, испуганно взиравшего на своего спасителя сквозь прорези в мокшей тряпичной маске, на землю.

«Лодка, лодка», — он невнятно бормотал это слово, то заходясь надрывным кашлем, то затихая, почти теряя сознание. Рассудок Сирина мутился от пережитого волнения, но в этом измученном, лежащем ничком у его ног существе ему неожиданно почудилось что-то неуловимо родное, прекрасное. Он присел рядом и осторожно снял с его лица повязку. Перед ним был темноволосый парнишка с огромными фиалкового цвета глазами. Точно такой же, как Сирин. Похожие до неестественности, они жадно впивались взглядами в лица друг друга, находя все новые и новые едва заметные черточки, роднившие их: лоснящийся шрам на подбородке, прямая неисчезающая морщинка между бровей, колечко в левом ухе... Тысячи раз Сирин видел это лицо в зеркале и на фотографиях, считая, что оно принадлежит ему одному, и никогда не замечая его просветленной правильной красоты, даже не задумываясь об этом.

— Кто ты такой?

— Я твое астральное эго, — и он снова зашелся надсадным приступом булькающего кашля, у него изо рта и из носа хлынули потоки воды, а Сирин встревожено сжимал его тонкую изящную руку, почему-то с суеверным замиранием думая о том, что рука эта — дубликат его руки, в ее клетках таятся такие же спирали ДНК, как и у него самого. Тот тем временем затих, приподнялся, сел на крупную гальку, усыпавшую берег, понуро глянув на Сирина:

— Мы с тобой не должны оставаться на одном месте, нужно все время двигаться. Пойдем скорее!

Ни о чем больше не говоря, они поднялись и, поддерживая друг друга, побрели по воде. Небо швыряло им в лица пригоршни воды, а озлобленный насмешливый ветер вздымал неукротимые злобно шипящие волны, яростно подхлестывающие их сзади, заставляя ускорять шаг. Сирин едва замечал это. Рядом с ним, затравленно озираясь и почему-то до сих пор сжимая это никому не нужное весло, шел самый близкий, самый дорогой, самый преданный его друг, знавший о нем все до мелочей: куплеты любимой песни и привычку лениво покусывать кончик карандаша, немного странную первую влюбленность и слова, с которых он всегда начинал молитву на сон грядущий... Это был второй Сирин, который, с самого своего появления на свет, неумолимо направлял хрупкую ладью его жизни по судьбоносной реке, днем и ночью, зимой и летом, на плесе и на перекате удерживая взятый курс. События двух миров, где в обоих он есть главный действу-

ющий персонаж, постоянно переплетались, неуловимо влияя друг на друга и находя свое отражение в совершенно разных пространствах.

— Почему мы так спешим?

— Здесь течет река, а в твоём мире уходит время. Нам нужно поторапливаться, ведь если мы остановимся, твое сердце перестанет биться. И наворотил же ты, брат, делов... Когда погибну я, погибнешь и ты. И наоборот. Понимаешь? Чтобы ты спокойно жил там, я должен аккуратно грести здесь...

— Но почему именно ты очутился в этом мире, а я — в том?

— Спроси у Всевышнего, мне кажется, что только он может заниматься подобными делами. Может, в других параллелях бродят сотни наших с тобой фантомов, ничего не знающих друг о друге. О, проклятый дождь, — он споткнулся и полетел в воду. Ласково усмехаясь, Сирин поставил самого себя на ноги.

— Ну, давай-давай, а то твоему телу на Земле придется худо.

И они снова заторопились куда-то среди этой непроглядной дождливой мглы.

А если я не хочу возвращаться в Город? Зачем мне это? Опять изображать дитя индиго, опять только и делать, что заниматься интроспекцией¹ в нерушимом одиночестве?

— Если родился, значит, для чего-то нужен. Не обязательно знать о своем великом предназначении.

— А будет ли оно таковым?

— Тебе стоит только захотеть, а мне — усерднее поработать веслами, потому что берега станут шире, а пейзажи — живописнее. Ты должен вернуться, потому что наше плавание не окончено. До западной границы еще очень далеко, — и он лукаво сощурился, легонько ткнув его локтем в ребра. — Твоя жизнь все равно больше не будет такой, как раньше.

— А ты обещаешь?

— Да, ведь моя прежняя лодка разбилась. Придется строить что-то новое.

..Дождь смолкал, оставляя на ветвях деревьев гирлянды сверкающих капель. Среди туч появлялись голубые заплаты, взволнованная река успокаивалась, умирив свои просветлевшие воды. Два близнеца бодро шагали вдоль берега. Им не о чем было говорить, потому что все помыслы и секреты их делились на двоих. Сирин с дружеской теплотой, к которой пришивалась капелька грешного эгоизма: «Ведь это же я! Я с макушки до пяток!», взирал на своего брата. Смотреть на себя со стороны было интересно до необычайного. Всегда критичный к себе, он находил в идущем рядом все новые и новые притягательные черты, на которые никогда не обратил бы внимания в себе самом. Белоснежное крылатое счастье владело им, будто бы никогда и не было гнетущего темного

¹ **Интроспекция** — метод психологического исследования, который заключается в наблюдении собственных психических процессов без использования каких-либо инструментов или эталонов.

Города, парка и вездесущей смерти, нетерпеливо об-
хаживающей его умирающую плоть в другом измере-
нии.

— Я же не умру?

— Нет, дождь закончился, значит, опасность мино-
вала. Можем даже ненадолго присесть.

Потрепанные после отчаянного противостояния
со штормом, они разлеглись на мокрых, покрытых
зеленоватой слизью камнях, которые загромождали
берега.

— Не знаю, как быть с лодкой...

— Это точно... Может, попытаться построить плот?

— Им так сложно управлять...

— Зато надежнее!

Перекинувшись быстрыми улыбками, они замол-
чали. Над их головами застыло в лазурном небе похо-
жее на пушистого белого котенка облако. Сирина, тот,
что пришел из Города, лениво указал на него рукой:

— Смотри, вот бы искупаться в таком! Как в сугробе!

— Ты любишь снег?

— Ну да... Особенно когда просыпаешься, а все во-
круг за одну ночь становится белым...

Тот покачал головой:

— А я не очень...

— Не может быть! — Сирина приподнялся на локтях.
В глазах его чуть тлела тревога. — Значит, мы все-таки
отличаемся друг от друга?

— Это мелочи, главное в другом. Я умирать не
хочу. Как знать, может, там, впереди, ели сменяются
пальмами?

— Не думаю... Во всем виноват этот трижды клятый
Город. И эти антропоморфные клоны...

— Ты думаешь? Я постараюсь помочь тебе навсег-
да уйти из этого пространства. Обещай только, что не
будешь ничему удивляться. А пока останься со мной.
Одному здесь тоже бывает грустно.

— Мне правда будет гораздо легче существовать
там, зная, что где-то, пусть даже очень далеко, у меня
есть ты.

— Да нет же, совсем близко, у тебя в груди. Только
не устраивай мне больше таких штормов, как был...

— Вот если бы у меня и в Городе оставался кто-то
настолько родной!

Небо совсем очистилось, и вода сверкала под лу-
чами солнца, как рыба чешуя. В сочной и едва при-
мятой траве, окаймлявшей границу леса, блестели
стражики дождевых капель. Где-то посреди золоти-
стого сумрака чащи нежно перекликались невидимые
птицы. Река, лес, лучезарное небо — все пробужда-
лось, оживало, выползло на свет из укромных но-
рок и начинало задорную возню под сенью деревьев.
Дождь принес радостное обновление, а ядовитая то-
ска захлебнулась и растаяла под его упругими чисты-
ми струями.

— Глядя на тебя, мне снова хочется жить. Ты — мой
ангел-хранитель.

Тот лишь спрятал счастливую улыбку:

— Ну что, строим плот и отчаливаем? Не беспокойся,
для этого достаточно одного только нашего желания.

Они поднялись, встали друг напротив друга, спле-
тая воедино пальцы рук.

— Нужно просто очень сильно захотеть... Представь
его: несколько бревен, связанных между собой ве-
ревкой. Можешь добавить мачту с парусом, тогда по-
путный ветер станет помогать нам. Давай!

Они крепко сжали руки, ощущая покалывающее
напряжение в области мозжечка. Наконец Сирина раз-
жал веки:

— Гляди! Получилось!

Новенький плот колыхался у берега. Очищенные
от коры бревна еще хранили в себе свежий смолистый
запах. На краю его ждал своего часа отесанный шест.

— Бросай весло, чтобы оно не связывало нас с про-
шлым!

Они разом вскочили на плот, чуть не перевернув
его, и с хохотом соскользнули на мелководье, распу-
гав клевавших что-то на каменистом дне мальков.

— Так ничего не выйдет, надо по очереди!

Сирина сам оттолкнул неповоротливый плот от бе-
рега. Дальше течение само понесло его вдоль раски-
дистого зеленеющего леса. Среди елок забелели те-
перь березовые стволы. Мальчишки, полубонявшись,
лежали рядом и разговаривали:

— Так ты не хочешь возвращаться обратно в Город?

— Хочу, но только не в прежний. Представь только:
закат, приземистые каменные домики, мощенная бу-
лыжником мостовая, экипажи и крошечные автомо-
били, похожие на божьих коровок. Горожане в наряд-
ных и светлых одеждах, стайки шустрых смешливых
ребятишек. А я бы поселился в мансарде под крышей,
и каждый вечер стал зажигать множество свечей, и в
их окружении писал или читал что-нибудь. А еще у
меня был бы доверчивый лохматый песик по имени
Чебурашка.

Второй Сирина лежал, чуть прикрыв глаза:

— Я бы добавил чудный резной балкончик, увитый
плющом и богатейшую домашнюю библиотеку.

— И больше никаких заводов и железных дорог с
бесконечными грязными составами...

— Прощайся с этим. В твоём Городе Солнце нико-
гда не зайдет окончательно.

— А ты, незримый, всегда будешь рядом...

— И даже в один прекрасный вечер зайду к тебе
попить кофе. Обещаю!

В душе Сирина разливалось предчувствие близкого
счастья. Он как наяву видел озаренные теплым светом
хитро переплетенные узенькие улочки, цветущие кусты
роз перед каждым домом, аккуратные заборчики, по
которым поднимается густой вьюн... Тишина, одино-
чество и безмолвный покой в одном флаконе. Новая
жизнь манила его, звала поскорее влиться в себя.

— Видишь, у тебя все получилось. Ты победил Го-
род, и он покорен тебе. Теперь можешь идти.

На миг во взгляде Сирина отразился страх перед
разлукой:

— Так быстро! А как же ты?

— А я буду плыть вниз по реке долгие годы... Ну же,
Сирина, поторапливайся.

Тот непонимающе воззрился на него, и он, перехватив этот взгляд, ответил:

— Ныряй в реку. И ничего не бойся. Давай скорее прощаться...

Они крепко обнялись, словно желая слиться в единое целое, коим, по сути своей, они и являлись, будучи наделены одной чистой мечтательной душой, справедливо разделенной на них двоих.

— Иди, не оставляй свою плоть без присмотра. Там тебя ждет очень много сюрпризов.

Сирин покорно соскользнул с плота в воду, с нежностью приняв в себя его тело. Глубоко вдохнув, он погрузился на наполненную зябкой прохладой глубину, ожидая задеть руками речное дно, но, ничего не почувствовав, рванулся вперед, не ощущая более давления толщи воды. Распахнув глаза, он увидел окружающую его тьму, которая, однако, начала медленно наливать красками, приобретая очертания окружающих предметов. Потом пришла свинцовая тяжесть и режущая боль в обоих запястьях. Он как бы со стороны увидел себя лежащим навзничь на покрытой цветными простынями с корабликами больничной койке. Рядом на тумбочке — кружка, букетик мелких хризантем, толстая растрепанная книга с многочисленными закладками. Сквозь окно в комнату вливался солнечный свет, от которого толстая снежная шапка на подоконнике лучилась радужным семицветием. По стеклу крался ажурный ледяной узор. Приглядевшись, Сирин угадал в нем очертания белых лилий. К локтевому сгибу тянулась прозрачная змейка капельницы, по которой сбегал вниз частые слезинки лекарства. В палате было чисто и свежо. Он легко вздохнул и расслабился.

Прошло минут десять. Дверь чуть-чуть приоткрылась, и в палату скользнула темноволосая девушка с фиалковыми радужками, на вид двумя или тремя годами моложе Сирина. Столкнувшись с его встревоженным взглядом, она ласково и несколько смущенно улыбнулась:

— Хорошо, что ты очнулся. Сейчас позову доктора.

— Подожди! Ты-то кто такая?

Та изумленно вскинула подрисованные бровки:

— Твоя младшая сестренка, Жива. А ты тронулся окончательно и бесповоротно...

— Утро сейчас? — он слабой рукой указал на окно.

— На рассвете тебя, едва живого, обнаружили в парке.

— Скоро меня выпишут?

— Вот уж не знаю... Хочется домой, в мансарду?

«Потрясающе!» — Сирин откинулся на подушку и утомленно закрыл глаза. Он видел широкое речное русло с темнеющим посередке пятнышком плота, который держал курс по убежавшей вдаль граненой солнечной дорожке, и от зрелища этого ему делалось невыразимо спокойно и чуточку печально. Человек внизу торопливо помахал ему рукой и снова взялся за шест, чтобы долгие десятилетия не выпускать его из рук.

Прием материалов на конкурс учителей географии и краеведения образовательных учреждений Челябинской области «ПРИРОДА ВОКРУГ НАС» продлен до 1 сентября 2009 г.

Организатором конкурса является Министерство образования и науки Челябинской области при участии **журнала «Уральский следопыт»**.

Участниками конкурса являются учителя географии и краеведения областных государственных и муниципальных образовательных учреждений.

Победители конкурса награждаются:

- Грамотами Министерства образования и науки Челябинской области.
- Денежной премией в размере от 30 до 100 тысяч рублей.
- Образовательное учреждение получает подписку на журнал «Уральский следопыт» на один год.

Для участия в конкурсе участник обязан предоставить организатору конкурса **заявку** на участие в конкурсе. **К заявке прилагаются следующие конкурсные материалы:**

- **Конкурсная работа**, выполненная в форме веб-сайта, содержащая описание природы того района, в котором находится учебное заведение (растительный и животный мир, описание места их обитания, иллюстрации: фотографии, карты, рисунки, схемы).
- **Подписка на журнал «Уральский следопыт»** с любого месяца текущего года, но не менее чем на один год (копия подписного купона). Подписка может быть оформлена на образовательное учреждение.

Информация о проведении областного конкурса учителей географии и краеведения образовательных учреждений Челябинской области размещена на портале журнала «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

<http://www.uralstalker.su/konkurs/nature.php>

Здесь же размещены материалы поступившие на конкурс ранее.

Лучшие авторы журнала «Уральский следопыт» за 2008 год

ВАЛЕРИЙ ДЕРЯБИН

«На вогульской тропе»

УС 2008 № 6–8 «Река времени»

ЕВГЕНИЙ ЛОТОШ

«Ошибки и штампы в фантастике»
цикл статей «Аэлита»

НИКОЛАЙ ЕРОХИН

«Северные байки. Хадыта-85»

УС 2008 № 2–3 «Встречный ветер»

Праведник

— Вероятность благополучного исхода полета девяносто пять — девяносто восемь процентов.

— То есть каждый двадцатый звездолет погибает?

— Поэтому мы рекомендуем брать на борт праведника. Он может спасти корабль.

— Как?

— Как в Библии. Если в городе есть хоть один праведник...

— Вы сами в это верите?

— Хочу верить.

***

Колонизация звезд началась на Западе лет двадцать назад. Ежегодно два корабля увозили переселенцев на новые миры.

Года два назад представительства «New Worlds» открылись в Москве, Киеве и даже у нас — в Минске. Была рекламная кампания, проспекты грудями лежали во всех магазинах, забивали мусорки... Потом затихло. Наверное, мало кто захотел менять синицу на журавля.

***

Мы собрались втроем, как обычно. Я — учитель русского языка и литературы, отработавший первый год обязательного распределения; Димка, завлит драмтеатра, и Андрей — журналист первого национального телеканала, приехавший из Минска на выходные. Собрались в небольшой комнатке, прямо под крышей театра, — «резиденции» завлита. Маленькое окошко выходило на оживленную улицу, по которой время от времени с тяжелым гудением проползали троллейбусы. Изредка начинали сигналить машины, пытаясь разогнать очередную пробку.

Пили чай — Димка был «при исполнении». Разговаривали «за жизнь».

— Директор достал, зараза, — рассказывал я о своих проблемах. — Он меня ненавидит.

— Не преувеличивай, — глубокомысленно заявлял Димка, попыхивая трубкой. — Ты его просто раздражаешь.

— Да какая разница! Завуч, гад, премии постоянно обрезает...

— Человек живет так, как его устраивает, — сказал Андрей. — Если тебе что-то не нравится — меняй.

— Мне еще год по распределению... Куда я денусь?!

— Дружище, — усмехнулся Димка. — Я вижу, Энди посоветовал тебе заткнуться, только по-умному.

— Колонизация, — сказал журналист, глядя в упор.

— Дружище, — улыбнулся завлит. — Если посмотреть со всех сторон, то лучше год перетерпеть в дурацкой школе, чем навсегда отправиться к черту на рога.

Я задумался. Впереди ждала обычная и, в сущности, скучная жизнь. Нелюбимая работа, нервотрепка, вечная нехватка денег.

Что я терял? Родных и друзей. Не так мало. Хотя... Прошел год после диплома — и осталось нас трое.

— Вы со мной полетите?

— Да, — медленно кивнул Андрей.

— Ну, если ставить вопрос так, пожалуй, — Димка пыхнул. — Если жена согласится.

— Я наведу справки, — пообещал журналист. — Приезжай. В среду. На неделю, в гости. Ты давно обещал. Решим, нужны нам звезды или нет.

***

Офис был расположен не в центре, но возле станции метро. Бывшая гостиница «Орбита» лениво пыталась поскрести небо, но высоты ей явно не хватало.

Офис разместился на четвертом этаже, пятая дверь налево. На вежливый стук никто не отозвался. Захотелось уйти и не мешать людям работать. В конце концов, не решил же я, в самом деле, отправиться к звездам?

Средин Николай Евгеньевич родился в 1982 г. в Могилеве-на-Днепре (Беларусь). В 2004 г. закончил филологический факультет Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова. Фантастические рассказы публиковались в журналах «Першацвет» (Минск), «Порог» (Кировоград), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «РБЖ Азимут» (Одесса), «Полдень. XXI век», а также в сборниках «Индиго-Фант» (2007), «Цветной день» (2008), «Там, где небо сходится с землей» (2009).

В 2006 году стал лауреатом премии «Дебют» в жанре драматургия за пьесу «Звезды на песке».

Побарабанил погромче.

— Да-да? — удивленно отозвались изнутри. — Открыто!

Просторный кабинет, средних размеров стол с компьютером. Перед столом — три кресла для гостей, в углу — тумбочка с электрочайником. Над окном — кондиционер.

Кучеряво живут.

— Добрый дзень, — приветливо улыбнулся менеджер, молодой человек в стильном сером костюме.

— Здравствуйте, — кивнул я.

— Проходите, садитесь. Кофе? — предложил молодой человек. — Чай?

— Кофе.

— Вы что-то хотели? — ненавязчиво уточнил менеджер, щелкнул кнопкой, включая чайник. Не поднимаясь с места, достал из тумбочки два стакана, банку растворимого кофе и сахарницу с рафинадом.

Вот так бы я и на Земле работать не отказался.

— Я по поводу колонизации.

— Хотели бы? — радостно перебил менеджер. Подхватил чайник, наполнил стаканы кипятком. Быстро и осторожно размешал, протянул мне. Пододвинул рафинад.

— Мне бы подробностей.

— Да! Конечно! — молодой человек снова полез в тумбочку, протянул мне несколько проспектов.

Я без энтузиазма полистал знакомые буклеты.

— В двух словах, — стало понятно, что акцент у менеджера — польский. Иногда он угадывал с ударением, но чаще выделял предпоследний слог. — У Земли, и в целом Солнечной Системы, нет будущего. У нас есть возможность построить звездолеты — к сожалению, только в один конец. Поэтому мы предлагаем молодежи отправиться осваивать новые миры. Вот анкета, если хотите — заполните.

Я посмотрел на бланк. Щелкнул ручкой, принялся записывать данные.

— Когда появится Организатор, — молодой человек именно так произнес это слово: с большой буквы. — Мы с вами свяжемся.

— И сколько ждать?

— Не знаю, — менеджер развел руки. — Второй год ждем.

— А какие требования? — спросил я, понимая, что никто меня за язык не тянет.

— Да никаких. Было б желание, с остальным поможем.

— Могу я попробовать, — возникло знакомое противное ощущение пробежки по тонкому льду. Может быть, с таким же гадким чувством Цезарь смотрел, как поджигают корабли на берегу Британии.

— Попробовать? — удивился молодой человек.

— Ну, — я смутился. Подумал — а не отказаться ли, пока еще можно? — Пока не появится кто-нибудь лучше.

— Вы серьезно? — менеджер внимательно посмотрел на меня. — Хорошо. Очень хорошо. Спасибо!

— Я не уверен, что у меня получится, — грустно было смотреть, как загорелся хороший, вроде бы, человек. Знал бы он, что мне новой идеи хватает недели на две — на месяц, потом надоедает.

— Ничего! Мы хотя бы попробуем, верно? — менеджер подмигнул. Придвинул к себе анкету. — Вы свои данные указали, я сегодня же свяжусь с Парижем, как только прилетит помощник организатора — он с вами встретится, расскажет, как и что, начнет помогать. Спасибо!

— Помощник? — я мало что понял.

— Тот, кто имеет опыт организации колонизаторов. Будет давать советы, поддерживать, направлять... В общем, чтоб вы были не один и... как это у вас говорится? Не наступили на уже известные грабли!

***

На втором этаже в лифт зашли двое в черных костюмах.

Вежливо, но настойчиво взяли меня под руки, быстро провели по коридору и втолкнули в номер недалеко от лестницы.

— А? — я испугался по-настоящему, когда «костюмы» закрыли дверь. Один крепко ухватил мой локоть и потянул в большую комнату. Второй остался в коридорчике.

«Костюм» усадил меня на жесткий стул, навис над головой.

— А разве нельзя? — промямлил я. — Офис же... разрешили...

— Можно, — кивнул «костюм». — Если осторожно — то можно все. Тебя Витя зовут, да? Слушай, Витя. Будешь нам рассказывать все подробно — будешь жить хорошо. Кто свяжется, что будет говорить. Зачем им это все. Официальную версию мы знаем, интересно, что на самом деле. Скинешь все заявления от «колонистов» — тебе, как организатору, наверняка дадут полную базу. Договорились?

— А зачем вам?

— Витя, ты что, с головой не дружишь?

— А у вас разве этой базы нет? — пискнул я.

— Хотим на их вариант посмотреть, — усмехнулся «костюм». — Пометки, замечания...

— А чего своего не внедрили? — вякнул я, пугаясь собственной храбрости.

— Неизвестно, на какой стадии откроют карты. Отправить агента к звездам мы не можем. А отказываться после того, как все завертится — значит уронить престиж Республики.

— Уронить? — я сглотнул. Так я что, теперь даже отказать не могу?! — Так я теперь...

— Мы тоже будем помогать, — подбодрил «костюм». — С распределением вопрос уже решили. Ты уволен, зарплату за три месяца заберешь в бухгалтерии. С премией. Если эти не почешутся, чтоб тебе оклад дать, мы поможем. Твоя задача — выяснить, в чем настоящая цель колонизации. И — ни шагу назад. Как в войну, слышал? Мы — твой заградотряд. Помни об этом.

***

Неделю я у Андрея не прогостил. Вечером после разговора с «костюмом» уехал домой.

«Помощник» приехал в город через два дня, в пятницу. Позвонил в десять утра, пригласил на встречу в ресторан. Не самый шикарный, «Zio rere», с живой музыкой в стиле джаз и уютными столиками. К тому же — почти в центре.

Я позвонил по номеру, оставленному «костюмом», доложил — кто, где и когда. Голос в трубке поблагодарил и посоветовал разговаривать «источник». Попросил не беспокоиться о том, чтобы запоминать факты — с этим без меня разберутся.

«Помощник», Марк, неожиданно хорошо говорил по-русски. Сделал заказ. Я быстро пролистал меню, попросил то же самое.

— С чего начнем? — бодро спросил Марк, разглядывая музыкантов и пару посетителей в другом конце зала. Какой дурак ходит в рестораны по утрам? — Техническая сторона?

— Знаю, — буркнул я. — Фотонные двигатели. Звездолеты строятся внутри астероидов диаметром семьдесят километров...

— Железно-никелевых, — подхватил Марк. — Некоторые одновременно и защищают корабль с колонистами, и служат топливом. Двигатели работают на прямой аннигиляции, без антивещества.

— За пять лет разгоняются почти до скорости света.

— Да, — согласился француз. — До звезд тридцать-сорок световых лет, для экипажа проходит что-то около десяти лет.

Официант принес кофе. В издевательски маленьких чашечках. Марк размешал сахар, отхлебнул с радостно-ожидаящим выражением на лице. Причмокнул, покачал головой, поставил чашечку на блюдечко. У меня пальцы не пролезали в ручечку чашечки. Кофе хватило на два глотка.

— Ладно, — кивнул я. — Зачем вам это надо?

— Вы не читали буклеты? — полюбопытствовал Марк.

— Я в них не верю.

— Я могу только рассказать чуть подробнее, — огорчился «помощник». — Погода на земле становится все хуже. Ресурсов все меньше. Добывается руда на Луне и Марсе, понемногу осваивается система Юпитера и Меркурий, китайцы готовят экспедицию на Сатурн... Но вы же понимаете — у Солнечной системы нет будущего. Если человечество не пойдет на звезды — будущего просто не будет. Мы задохнемся на этом шарике.

— Это лирика, — оборвал я.

— Это — трагедия, — не согласился Марк. — Кроме того, переизбыток «лишней молодежи». Молодых людей, которым, грубо говоря, не нужно беспокоиться о хлебе. О быте, другими словами. Они начинают искать себе занятие.

— С жиру беситься, — кивнул я. Тоскливо заглянул в чашечку.

— Хиппи, панки, скинхеды, антиглобалисты, готы, эмо — молодежь ищет себя. Не находит — и деградирует. Спивается. Колется. Прыгает в окна. Мы — даем цель.

— Как благородно.

— Вы тоже «лишняя молодежь», — неожиданно заявил Марк, посмотрел мне прямо в глаза. Я понял, как глупо выглядит мое ворчание. — Вы знаете теорию мелких группировок Фримена Дайсона?

Я помотал головой.

— Все мы испытываем психологическую потребность чувствовать себя отождествленными с группой, предпочтительно не слишком большой, имеющей общую цель и общего врага. Когда мы перечисляем наиболее творческие периоды человеческой истории, мы неизменно упоминаем Иерусалим восьмого века до нашей эры, Афины пятого века до нашей эры, Флоренцию четырнадцатого века нашей эры. И в каждом случае мы имеем город, размеры которого едва превосходят размеры современной деревни, — Марк говорил слишком ровно — наверное, цитировал. — Глубочайшей пользой, которую принесет космонавтика человечеству, будет возвращение людей к жизни в условиях малых группировок.

— Все это очень хорошо, — кивнул я. Решил, что пора выполнять задание «костюмов» — выяснить то, чего нет в рекламе. — Что вы с этого имеете?

— Что?

— Какую вы получаете выгоду?

— Помогаем человечеству.

— Вы меня за дурака держите? Такие деньги не выбрасывают на ветер.

— Успокойтесь, Виктор, — попросил Марк. — Кажется, у вас стереотип: западный человек всегда делает бизнес и не может позволить себе ничего такого, что не приносит прибыль.

— А разве не так?

— Это то же самое, что заявить, будто русский не может бросить пить...

— Что вы равняете?! — разозлился я. — Выгоды ищут все! И ваши, и наши!

— И пьют все, — кивнул француз.

— Это передергивание!

— Разумеется, — улыбнулся Марк. — Как и в случае с бизнесом.

— За счет чего вы существуете? Вас кто-то спонсирует?

— Мы на самообеспечении. Понимаете, все имущество колонистов переходит к нам. Несколько миллионов окупают создание звездолета и оплачивают полет тысячам бедных. Мы обеспечиваем много рабочих мест — причина, по которой нас поддерживает правительство. Поскольку основная стройка идет на орбите Марса...

— Почему?

— Дешевле пригнать готовый звездолет к Земле, заодно опробовав фотонный двигатель и все системы, чем гнать материалы за миллионы километров. Рабочие на Марсе снижают уровень напряженности

на Земле, заодно осваивается планета. Мы стараемся заинтересовать работников, чтобы «марсиане» не возвращались на Землю после окончания контракта. И еще одно, — Марк наклонился ко мне. — Где тут у вас микрофон, чтобы товарищи из КГБ услышали максимально четко?

— Что?! — я вскочил.

— Сядьте, — поморщился француз. — Всех организаторов «пасут» спецслужбы. После того, как ваш корабль улетит, мы предложим вашим правительствам сотрудничество. Сейчас изготавливается по два корабля в год — для Америки и Европы. Мы поможем организовать строительство третьего. Конечно, делать его будет Россия, но понадобятся специалисты на Марсе — и мы обещаем, что ваших сограждан станем набирать в первую очередь. На тех же условиях самообеспечения правительство получит несколько тысяч рабочих мест. Господин майор, вы все услышали?

***

Говорили долго — до вечера.

Я боялся выходить на улицу — к «костюмам», которые могли решить, что я их предал. Француз просто не желал покидать прохладное помещение ресторана — за окнами стояла июньская жара.

Приходили и уходили посетители. Играл джазовый оркестр. «Помощник» рассказывал мне обязанности организатора. Собрать команду, которая будет обрабатывать анкеты подавших заявки — из трех «братских» стран набралось уже больше пяти тысяч. Организовывать встречи. В будущем — обеспечивать корабль необходимыми припасами.

— Мы будем только помогать, — говорил Марк. — Деньгами, советами. Это — ваш полет, ваша колония. Важно, чтобы вы это осознали с самого начала. И еще одна ваша обязанность как организатора — найти праведника и уговорить его лететь.

— Что?!

— Вероятность благополучного исхода полета девяносто пять — девяносто восемь процентов.

— То есть каждый двадцатый звездолет погибает? — во рту пересохло. Про это в буклетах не было ни слова.

— Именно поэтому мы рекомендуем брать на борт праведника, — кивнул Марк. — Он может спасти корабль.

— Как?

— Как в Библии. Если в городе есть хоть один праведник...

— Вы сами в это верите?

— Я хочу верить.

***

«Помощник» рекомендовал снять квартиру, а лучше — офис.

Для начала я ограничился балконом своей квартиры и радиотелефоном. На балконе было жарко. В одном углу на полках лежало скопившееся за много

лет барахло. В другом — доживало свой век дряхлое кресло. За окнами темнел недостроенный торговый центр. Возились с ним лет пятнадцать. Кирпичные обвалившиеся стены долгостроя за хлипким деревянным забором давно стали частью пейзажа — как протоптанные тропинки напрямик через газоны.

Трубка радиотелефона разряжалась. Нагревалась. Список контактов медленно, но неизбежно подходил к концу.

Больше половины друзей и знакомых поддерживали мысль улететь к звездам. Некоторые соглашались «подойти как-нибудь, когда время будет» — заполнить анкету. Войти в команду и помочь организовать полет согласились двое. Ролевик, которого чудом удалось выловить дома, и разочарованная в науке, ВУЗе и преподавателях студентка пятого курса.

Димка обозвал «молотком», пообещал подъехать переговорить лично.

— Команда наберется, — сказал Андрей. Журналисту я позвонил по мобильному — тарифу без разницы, в каком городе собеседник. Разговоры обещали оплатить.

— Не суетись, — посоветовал Энди. — Читай анкеты сам. Не торопись. Созванивайся. Отберешь актив — дальше легче будет. Скинь мне минских — поработаю. Как чекисты?

— Забрали базу анкет, похвалили. Велели держать в курсе.

— Правильно, — одобрил журналист. — Про праведника серьезно? Будем искать. Слушай, а кто такой праведник?

— Ну, ты даешь, — удивился я. — Святой.

— Зашибись, — хмыкнул Андрей. — Объяснил. А кто такой святой? При жизни ж не канонизируют. Целитель, может?

— Может, — я засомневался. — А они все праведные?

— Те, у кого получается — наверное. А кто еще?

— Монахи какие-нибудь. Отшельники.

— И где я их найду? В Тибете? Короче, организую пока знахарей. Не подойдут — будем думать.

***

Марк помогал подбирать команду. Посоветовал сначала разобраться с земляками. Наладить работу штаба. Потом, имея опыт — расширять деятельность организации.

Француз снял себе уютную квартиру в центре города. Каждое утро я приезжал к нему — просматривали анкеты, звонили. Рассказывали, что, возможно, скоро получится организовать полет. Спрашивали, есть ли свободное время, чтобы помочь. Приглашали на собеседование.

С теми, кто приходил, разговаривал Марк. Узнавал причины, по которым хотят улететь к звездам. Выяснял, как они понимают перелет и саму колониацию.

После ухода очередного «претендента» француз подводил итог — полетит или нет. За первую неделю

ни одной подходящей кандидатуры для работы в команде не появилось.

«Костюмы» забеспокоились. Потребовали прервать общение на пару дней. Пришлось врать Марку, что заболел.

Когда «выздоровел», француз предложил сменить роли. Теперь беседовал я — он слушал, вмешивался только иногда. Помогал сделать вывод.

Команда не собиралась.

Только Андрей будоражил столицу, снимал один за другим сюжеты про «первый восточнославянский корабль колонистов». Несколько раз мы с Марком мотались в Минск — посмотреть, как движется дело, помочь с поиском активистов. Помогали в основном разговорами с перспективными людьми — Энди продолжал работать журналистом, на все времени не хватало.

Димка ходил задумчивый, просил его не трогать — пока не «дозреет». Ролевик пообещал собрать своих, поклялся, что все, как один, полетят — и пропал. Студентка неделю активно работала вместе с нами, заскучала — и уехала в Крым. На отдых. Позвонила с границы — ей, видите ли, стыдно было сказать в лицо.

— Она полетит, — сказал Марк, откидываясь на спинку дивана. Ноутбук удобно лежал на коленях. Дома француз ходил в трико и майке. — А в штабе лучше без нее. Про паренька не жалеи — детям на звездах делать нечего. Там романтики мало будет. Много грязи и пота. Вот, смотри, может, этот согласится?

Закончился июнь, начался июль — а видимых результатов не было.

— Скоро сказка сказывается, — не унывал француз. — Сейчас лето — пора отпусков. Кто хочет улететь от такой погоды? Осенью будет легче.

Я соглашался, но установил себе последний срок — четырнадцатое июля — после которого прекратить метаться.

***

Четырнадцатого была суббота.

С утра, пока не началась жара, я ушел за город — к роднику. Разлегся на холме над источником. Посмотрел на ленту Днепра, далеко на севере перечерченную мостом объездной дороги. На луга, лежащие на том берегу до горизонта. На старый дуб на склоне, разбитый молнией еще до моего рождения. Дерево почти засохло — но на некоторых ветках зеленела листва.

Я позвонил Андрею — сказать, что сворачиваемся.

— Сябра? — удивился журналист.

— Ты чего на белорусский перешел?

— Нравится, как звучит, — хмыкнул Энди. — «Друг» — тоже неплохо, но не так. Сябр, сябра — слышишь, как ково?

— Нет, — признался я. — Я в понедельник скажу Марку, что мне надоело. Ты там тоже заканчивай. В

этой стране все равно ничего не организовать. Народ инертен. Народ безмолвствует!

— Что-то случилось?

— Да нет, просто...

— Слышал, что Эдисон говорил?

— Да. «Если штука, которую вы собрали, работает не так, как вы задумывали, это еще не значит, что она вообще не работает».

— Прикольно, — усмехнулся журналист. — Я про другое. Дословно не помню, суть такая — короче, если бросишь дело, никогда не узнаешь, насколько близко ты был к успеху.

— Далек.

— Слушай, а чего только в понедельник? Марк уехал?

— Нет. Насколько я в курсе, — поправился я.

— А чего ты сейчас не с ним?

— Так суббота.

— И что?

— Выходной.

— А, — Андрей помолчал. — Так ты по выходным колонистами не занимаешься?

— Ну да.

— И по будням с девяти до шести?

— А как?

— А Марк?

— А он что, не человек?

— Марк — что говорит?

— Ничего, — я удивился.

— А, — Энди, похоже, о чем-то задумался. — Понятно. Так ты спрыгиваешь?

— Чего? — я обиделся. — Дружище! Если хочешь что-то сказать...

— Зачем? Ты перегорел.

— А ты — нет? Да бесполезно это все. С таким напором...

— Тот, кто хочет чего-то добиться — ищет средства, кто не хочет — ищет оправдания, — Андрей хмыкнул. — Про праведников теперь с Марком говорить? Отзовишься в понедельник. Давай, сябра.

Я лежал на холме. Смотрел в высокое белесое небо. Думал.

Представил, что меня ждет, если все брошу. Вспомнил, как радовались потенциальные колонисты, когда узнавали, что наконец-то появился организатор. Усмехнулся, осознав, что про себя называл их «моими людьми».

Сел. Решился.

Может быть, эту стенку невозможно проломить. Значит, придется разбить голову.

Я спустился к роднику. Впервые почувствовал, что собираюсь улететь навсегда. Что после старта уже никогда не смогу вернуться сюда — к этому источнику.

Гулял до вечера.

Прощался.

***

На следующий день поднялся, пока родители и брат еще спали. Сделал себе легкий завтрак — яич-

ницу, кофе с печеньем. Под окном шумел небольшой парк, залитый солнцем. Тихо играло радио. Идиллия, одним словом. На душе было спокойно и радостно — я точно знал, что надо делать. И мне хотелось побыстрее начать.

Когда допивал кофе, проснулась мама. Пришла на кухню, недовольно зевнула, усаживаясь напротив.

— Чего подхватился?

— Поеду работать.

— К Марку?

— Да, — я поднялся.

— Воскресенье же. Отдохнул бы.

— Надо.

— Кончай дурью маяться. Не наигрался еще? У тебя отпуск заканчивается. Лучше б на море съездил.

— Я уволился.

— Дурак! Дима работает, Андрюша работает, а этот уволился! Тебе больше всех надо?! Ты что, серьезно собрался улететь?!

— Да, — я посмотрел на маму — и вдруг понял, что она на самом деле боится, что я могу отправиться к звездам. Навсегда.

— Да кому ты там нужен, придурок?! Вас используют — и выбросят! Да даже если отправят — ты представляешь, как там?! На этих звездах ваших?! Там же вообще ничего не будет! Ни мамки, ни душа, ни печенья к кофе!

— Да, — меня захлестнуло чувство вины.

— Ты там сдохнешь! Ты себе носки сам постирать не можешь! Колонизатор, е-мое!

— Научусь...

— Да что он с тобой сделал?! Ты себя послушай! «Да», «да», как попугай! Мозги промыли?! Я до твоего Марка доберусь! Ему мало не покажется!

На кухню зашел сонный брат.

— Чего орете с утра пораньше?

— Этот к Марку опять собрался!

— Ну, пусть идет, — брат пожал плечами. — Может, его там девушка ждет...

— Он лететь собрался!

— Ну и что? — брат хмыкнул. — Никуда он не денется, хай поиграет в конкистадора. Может, повзрослеет быстрее.

Он верил в то, что говорил. Не думал, что однажды я зайду в корабль — и больше не вернусь.

Мама чувствовала — так будет.

Я должен был организовать полет. Обязан — «своим людям», поверившим, что колонизация состоится. Я сделал выбор.

Легче от этого не становилось.

***

Марк уже не спал — работал.

Француз снимал двухкомнатную квартиру возле площади Ленина. Высокие потолки, большой коридор. Направо — спальня с мягкими диванами и телевизором, с балконом для перекуров, выходящим во дворик. Налево — большая светлая кухня с холодильником, в котором всегда можно было отыскать

пиццу, мороженое и ряд соков. Прямо — кабинет, два стола с ноутбуками, удобные кресла.

Ноутбук Марка мягко светился — француз садился спиной к двери, предоставляя мне «место начальника» напротив. На мониторе я разглядел план работ на следующую неделю.

Марк провел меня на кухню, налил свежего кофе. Добыл из холодильника пломбир, сложил аккуратной горкой в вазочку. Высунув кончик языка, изящно воткнул ложечку в мороженое. Поставил передо мной.

— Ты вообще отдыхаешь? — я механически ковырнул угощение. Вкусно.

— Да, по вечерам. Ты хочешь меня куда-то пригласить?

— Извини.

— Если ты хочешь отказаться — ничего плохого в этом нет, — мягко сказал француз. — Ты уже сделал много.

— Андрей звонил?

— Мне? — удивился Марк. — С ним что-то случилось?

— Ладно, — я посмотрел на встревоженного француза. Подумал, что выгляжу, наверное, как человек в глубочайшей депрессии. — Давай работать.

— Как скажешь.

— Надо рекламные кампании для молодежи начинать.

— Давно пора.

— А чего сам не предложил? — я насупился.

— Ждал, пока «дозреешь», — француз пожал плечами. — Это — ваш полет. Что придумал?

— Устроить рок-концерт и литературный вечер. Между песнями и выступлениями будем рассказывать, что такое колонизация и почему всем дружно надо отправляться к звездам.

— Идея хорошая, — согласился Марк. — Деньгами поможем. В разумных пределах, понятно. Еще?

— Все пока что, — буркнул я, возвращаясь к мороженому.

— В городе есть ночные клубы и дискотеки. Думаю, они согласятся крутить нашу рекламу — за плату, понятно. Есть очень хорошие ролики для кинотеатров.

— Лучше уж по телевизору...

— Нет. Аудитория не та. И цены тоже, — Марк усмехнулся. — Бюджет не резиновый. А штаб?

— Наберем. Я один могу быть штабом?

— В одном городе — да.

— Налажу работу здесь, найдется зам. Оставлю его и поеду по Республике. Тут расстояния — не космические. На машине за полдня от границы до границы можно доехать.

— Шестьсот километров с запада на восток, пятьсот — с севера на юг, — улыбнулся француз. — Быстро ехать придется.

— Что еще? По ВУЗам бы пройтись с серией лекций. Только кто их будет читать...

— Будут, — Марк кивнул. — Это как раз не проблема.

— Кампанию в Интернете провести. Вопрос только — как. Ладно, подумаем. Программистов бы еще зацепить...

— Смысла нет, — Марк покачал головой. — Им и здесь хорошо. Я говорил уже: потом, когда откроем славянский сектор на Марсе — пригласим их строить звездолеты.

— Ладно. На какие суммы я могу рассчитывать?

— На разумные. Слишком не скупись.

— Я с балкона позвоню, чтоб тебе не мешать?

— Да, конечно.

Димка играл в рок-группе лет десять. Удивился, услышав предложение. Согласился помочь организовать концерт. Начали составлять смету — я пригласил завлита драмтеатра в гости к Марку, чтоб не служить испорченным телефоном.

Перелистал блокнот. Поэтессами и поэтами были почти все однокурсники. Отыскал самого активного. Пока обговаривали, как и где лучше проводить вечер, вспомнил про КВНщиков.

Пока обсуждал, как привлечь клуб веселых и находчивых, вспомнил про клуб интеллектуалов.

Созвонился с капитаном «своей» команды «Что? Где? Когда?». Выяснил телефон тренера — немного волнуясь, предложил помощь в проведении игр.

Подошел Димка, утащил меня на кухню — пить кофе и обговаривать концерт. Что хотим получить и что готовы дать.

Каждые десять минут завлит с французом убежали на балкон — курить. Я отыскал в Интернете телефонный справочник, и пока они курили, звонил в организации — родного языка-«родной мовы», молодежные, физкультурные... Оказалось, в городе есть клуб шахматистов. Директор долго смеялся, услышав предложение устроить показательное выступление на воздухе возле ратуши. Вспоминал Остапа Бендера и его сеанс одновременной игры. Согласился.

К вечеру создалось ощущение, что весь город пришел в движение.

***

С чувством удовлетворения от хорошо проделанной работы я вышел от Марка только в восемь вечера и потопал к остановке.

Человек в черном костюме выскочил из машины прямо перед носом. Молча, быстро впихнул меня на заднее сиденье, сел рядом, захлопнул дверцу. Я оказался зажат между двумя «костюмами». Автомобиль плавно тронулся.

— Что такое? — я испугался.

Никто не ответил.

— Я кричать буду.

— Не надо, — посоветовал «костюм», втолкнувший меня в машину. — Не дергайся.

Выехали за город. Свернули на объездную дорогу. Остановились перед мостом через Днепр.

— Выходи, — позвал «костюм».

Солнце клонилось к закату. Над лесом разливалось красно-золотое зарево. Длинные тени протянулись через поля. Днепр отражал закатное небо.

Я вдохнул свежий вечерний воздух, пытаюсь подавить растущую панику.

— Туда, — приказал провожатый.

Один «костюм» пошел вперед, показывая дорогу, два других сторожили сзади. Мы спустились под мост, вскарабкались к технической дорожке — узкому железному мостику под громадой «потолка» основного моста. Ненадежные перила. Вздрагивающие под ногами листы металла.

Я бегал по этой дорожке много раз, пока не достроили сам мост — очень уж хотелось побывать на другом берегу. Тогда другой берег казался таким же недостижимым, как звезды.

«Костюм» пошел по технической дорожке.

— Зачем? — выдавил я. Ноги стали ватными. Попробовал было дернуться — двое «костюмов» мгновенно заблокировали руки. Покачали головами. Затянули на дорожку, подтолкнули.

— Что вы от меня хотите? — жалобно ныл я, шагая вперед.

На середине реки «костюмы» остановились. Двое перекрыли ход вперед-назад. Третий втиснулся рядом со мной, прижал к перилам.

— Я в-высоты боюсь, — выговорил я.

— Я знаю, — кивнул «костюм». — Тебя предупреждали, что все действия надо согласовывать?

— Н-нет...

— Как нет?

— Может, он не понял? — хмыкнул второй «костюм».

— А зачем нам идиот? — спросил третий.

— А кем заменим?

— Журналистом, из Минска. Поумней будет.

— Тогда сразу кончаем?

— Г-господа! — заорал я. Деваться было некуда — только назад, через перила — и с высоты в воду. Если б хоть плавать умел. И знал, как нырять надо. Сердце стукнуло раз — и упало в пятки. В животе что-то оборвалось. Я вспотел, в голове зашумело.

— В общем так, — сказал «костюм», надвигаясь всем телом, вжимая меня спиной в жесткие перила. — Сегодня прощаем. Если повторится, попробуешь развить самостоятельность, не получив нашего одобрения, — никто даже не узнает, где тебя искать. Просто исчезнешь. Понял?

Я судорожно кивнул.

— Ты — идиот, не соображаешь, что можно делать, что нет, — продолжал «костюм». — Сегодня повезло, ты ничего серьезного не натворил своей вспышкой активности. Завтра подашь все тексты рекламы нам на утверждение. На будущее — мы будем узнавать о всех твоих планах заранее!

Я еще раз кивнул.

— Герой, — «костюм» справа щелкнул пальцами. — Ты если решишь бороться, подумай сначала про брата и родителей.

— Сволочи...

«Костюмы» переглянулись. Самый разговорчивый помотал головой. Они развернулись — и ушли.

Я остался на техническом мостике над темнеющей рекой, в десяти километрах от дома.

Мелочь, если сравнить с космосом.

***

На следующее утро Андрей отчитался о поисках праведника.

— Сябра, не складывается. Все, кто вроде бы чего-то умеет — тем за шестьдесят и больше. Двоих нашел, кому сорока нет... Нам же не старше сорока надо?

— Ага.

— Съездил, поговорил. Один — вообще гонит, никакой он не целитель. Второй отказался. Его и тут не плохо кормят. Целители отпадают. Ты говорил, монахи и отшельники могут подойти.

— Наверное.

— У меня послезавтра встреча с митрополитом. Подъезжай. Лучше вместе с Марком.

— С митрополитом?!

— А как монахов искать? По монастырям шляться? Не выгорит — пойду.

— Ну, ты даешь! А почему не с папой римским?

— Он католик. А нам надо православный. Давай, в среду на два.

Я позвонил «костюмам» — получил добро. Предупредил француза. Занялся делами. Сосредоточиться не получалось.

Марк позвал на балкон — «курить». Это было обычно. Если что-то обсуждали — чтоб не прерываться, я выходил вместе с французом.

— Здесь тоже... — Марк помахал рукой. — Слушают?

Я пожал плечами.

— Ну и черт с ним! Ты испуганный какой-то сегодня. Если б что-то так — ты б рассказал. Значит — пугнули. Запомни — если тебя тронут, мировая общественность заявит протест. Не бойся их.

Я криво улыбнулся. Какая разница утопленнику, кто и что там заявит?

— Ты их переоцениваешь, — убежденно говорил Марк. — Вас тут всех запугали.

— Мы сами запугались, — поправил я.

— Какая разница?

— Теоретически — у них не было такой цели, — пояснил я. — Мы сами придумали бяку и забились по углам. Спасибо за поддержку. Все под контролем.

***

Во вторник я пошел в церковь.

В городе действовали три православные церкви — Трех Святителей, Борисоглебская и Николаевская. Первая была центральным собором города, там вечно толпился народ, а ступеньки и подходы надежно оккупировали нищие и калеки. Священники иногда гоняли попрошайек — но успеха не добивались.

Николаевский монастырь разместился в низине, на границе города. Женский монастырь.

Хотелось поговорить с кем-нибудь без лишних глаз — поэтому я выбрал Борисоглебскую. В центре частного сектора, над рынком примостилась аккуратная небольшая церковка. Во время службы народ набивался очень плотно. Сейчас не было никого.

Я разыскал священника. Попросил несколько минут для беседы. Батюшка, лет тридцати, доброжелательно улыбнулся, предложил сесть на лавочку у стены. В храме царил полумрак. Поблескивал золотом иконостас. В темноте прятались лица святых. Перед двумя иконами теплились лампадки.

— Мне нужно найти праведника, — сказал я.

— Зачем? — удивился священник.

— Мы собираемся лететь на звезды. Кто-то должен сохранить веру — и поддержать остальных в испытаниях.

Священник огладил бороду.

— Если он будет праведником — люди охотнее поверят, — пояснил я. — Потянутся. Будут следовать примеру...

— А кто такой праведник? — поинтересовался священник.

— Тот, кого любит Бог.

— Он любит всех.

— Кого любит больше.

— Он всех любит одинаково.

— Ладно. Тот, кто радуется Богу.

— Он радуется всем.

— Ладно. Зря меня на метафоры потянуло, — я вспомнил определение из словаря. — Человек, который живет праведной жизнью и не имеет грехов.

— Кто без греха?

— Праведник.

— Таких людей нет, — покачал головой священник. — А если кто-то скажет, что не имеет грехов, значит, он тщеславен.

— У кого меньше грехов, чем у остальных.

— А как это измерить? На вес? — священник улыбнулся. — Или на количество?

— То есть праведников нет?

— Или все мы — праведники. Я хочу понять, кто тебе нужен. Я бы посоветовал поискать священника, который согласится нести свет веры к звездам.

— А если он — грешник?

— Грешник, — согласился священник. — Все мы грешники. Но он поможет не потерять веру.

— Вы не хотите меня понимать!

— Нет, — батюшка вздохнул. — Ты сам себя не понимаешь.

— Мне нужен праведник.

— Кто это?

— Вам лучше знать!

— Святой, который, будучи мирянином и живя в миру, вел святую и праведную жизнь, — сказал священник. — Есть такое определение. Но если мирянин — ты зря ищешь его в церкви. Мирянин, может быть, покажет личным примером, как надо жить. А

чтобы сохранить веру — нужен священник. У мирянина праведность может быть показная. Кроме того, таких людей часто называют сектантами. И даже если ты его найдешь, он откажется признавать себя праведником. Или он не будет праведником.

— Ладно, все понятно, — я поднялся. — Спасибо.

***

Митрополит пообещал подобрать несколько человек, которые помогут колонизаторам.

— Это не праведники, — сказал Марк. — Но тоже очень полезные люди.

— Ясно, — согласился Андрей. — Будем искать. А кто такой праведник?

— Ты поймешь, — улыбнулся француз. — Когда найдешь. С ним становишься спокойнее. Чище. Просто если постоять рядом.

— Зашибись, — кивнул журналист. — Это мне теперь надо постоять рядом со всей Республики?

— Я помогу, — пообещал я.

— Ты лучше административной стороной занимайся, — буркнул Энди. — Тебя на все не хватит. А если организатор надорвется, ничего хорошего не получится. Справлюсь.

***

В начале августа состоялся концерт.

Организовали с размахом — бесплатно и на стадионе. Придавленные масштабом, местные группы сначала робели.

Зрители настороженно ждали подвоха — бесплатный сыр был на виду, искали мышеловку. То я, то Марк, то ведущий произносили короткие речи про колонизацию. Зрители сначала не реагировали. На третьем выходе стали смеяться. На шестом — самые остроумные кричали вместе с нами рекламные девизы.

— Отлично, — улыбался Марк.

На сцену вышел Димка.

— Посвящаю песню всем, улетающим к звездам! — выкрикнул завлит. — Одному другу — он поймет! За тех, кто в космосе!

Зрители притихли. Как только пошла музыка — заорали, затанцевали перед сценой. Я смотрел из-за кулис. Обнявшись за плечи, прыгали парни и девушки. Кому-то освободили место: парень стоял, склонив голову, и махал хаером — длинными волосами — по кругу.

— Хочешь к ним? — предложил француз.

Я отказался. Наверное, постарел.

— Если тебя кличут шутком, — пел Димка.

Требуют вернуться домой,

Помни: настоящий свой дом

Ты уносишь в сердце с собой.

Если у тебя есть мечта,

Если она манит вперед,

Ты не озирайся, когда

Кто-то позади позовет!

Не гляди назад,

Береги глаза,

Не жалея о прошлом, не надо!

То, что позади,

Отпусти, прости.

Только впереди твоя правда!

— Хорошо. На заказ писал, не знаешь? — спросил Марк.

— Он на заказ не умеет! — я обиделся.

— Прости, — извинился француз.

Димка закончил петь, зашел к нам. Марк побежал в очередной раз произносить речь.

— Дружище, — Димка отвел глаза. — Я не полечу. Жена отказалась. Наотрез. А я без нее... Сам понимаешь.

— Да, — я вздохнул. — Спасибо за песню.

***

В конце августа Марк вызвал передвижную лабораторию. Сняли домик на окраине, установили оборудование. Пустили бесплатный автобус — из центра прямо к лаборатории.

В соседней комнате разместился нотариус.

Каждый, подавший анкету, приглашался на обследование. Компания оставляла за собой право отказать без объяснения причин.

Я потребовал пояснений.

— Плохая генетика. Болезни. Психологическая неустойчивость, — перечислил Марк. — Это из того, что я знаю. У нас хорошие специалисты. Сам понимаешь, компании нужно как можно больше колонистов. Но необходимо, чтобы все долетели и на месте выжили. Я попросил, чтоб помягче отсеивали. Психологи будут браковать, как всегда. Медики могут пропускать тех, кого на Западе помечают «не рекомендуется».

— Это как?

— Это если проблемные гены, — пояснил Марк. — Или болезни — не критичные, но которые могут осложнить жизнь. Если все пойдет хорошо и мы наберем больше десяти тысяч, пообещаем отправить их следующим рейсом. Пригласим на Марс — там понадобится много рабочих.

Те, кто получал допуск, могли сразу оформить все юридические моменты — подписать, что желают отправиться к звездам в здравом уме и без принуждения. Написать дарственные — если было что дарить.

Сам собой сформировался штаб.

Несколько человек принимали людей перед лабораторией. Проводили собеседование, готовили на встречу со специалистами. Утешали «отказников». Нашлись «кураторы» рекламных кампаний. За концерты отвечал Димка, согласившийся помогать, но не лететь. Вернулась с моря студентка — стала работать секретарем, оформляла анкеты, отвечала на звонки, на письма. Подобрала несколько помощниц — пришлось снять офис в центре и перебазироваться туда.

¹ Песня могилевской рок-группы «Сердце дурака».

Автор текста — Тимофей Яровиков.

Квартиру Марк сохранил — чтоб было где жить и для частных встреч.

Во второй половине сентября начали создавать центры в других областных центрах. Отбирали активных добровольцев из действующего штаба, ехали вместе с ними, запускали рекламу, проводили собеседования. Когда работа налаживалась — возвращались домой, отдыхали несколько дней — и ехали в следующий город.

— Может быть, имеет смысл переехать в Минск? — предложил Марк, когда четыре из пяти областных центров начали действовать. — Он в центре Республики, удобнее поддерживать будет, если что.

— Если хочешь — переезжай, — согласился я. — Так, наверное, будет лучше. Я со своими буду жить. До отлета. Не могу их кинуть. Матушка и так напрягается.

— Понимаю, — погрустнел француз. — Остаемся.

Была еще одна причина не уезжать из города. Я нашел одного очень хорошего помощника.

Точнее — помощницу.

И влюбился.

***

Оля работала секретарем в офисе — принимала звонки, разговаривала с журналистами, колонистами и особенно родственниками колонистов. Последние звонили часто. Как правило, ругались.

Марк осенью устроил несколько «корпоративных вечеринок», и как-то само собой вышло, что мы с Олей стали вместе.

Наверное, сначала были общие разговоры. Потом я провожал ее домой — из офиса расходились поздно...

Марк улыбался. Настоял на переводе Оли из секретарей офиса на должность моего зама, чтобы вместе могли ездить по делам колонистов.

Родители надеялись, что Оля отговорит от звезд. Андрей советовал жениться.

Мы — просто любили.

***

К Новому году не успели «закрыть» всю Республику.

Передвижная лаборатория переезжала из одного областного центра в другой. Работала неделю-две и отправлялась дальше — по кругу. Заезжала в Минск и возвращалась к нам.

Праведник не находился. Было несколько интересных вариантов, но ни один не внушал доверия. Больше походило — «он самый праведный в нашей деревне».

— Сябра, может, шут с ним? Возьмем, кого есть? — предлагал Андрей. — Или конкурс какой устроим? Кто праведнее?

— Как?!

— В казино сводим. В стриптиз-бар. У кого глаза разгорятся — тех вычеркнем. Потом еще чего придумаем.

— Не надо. Время терпит. Оставим их, как запасные варианты.

— А почему вы ищете только в Республике? — спросил Марк. — Оптина пустынь, кажется, есть. Там, наверное, праведник найдется. Или Киево-Печерская лавра.

— Но это же за пределами Беларуси.

— Да, — согласился француз. — Мы не наберем здесь десять тысяч. Население, включая детей и стариков, немного не дотягивает до десяти миллионов. Это получается — каждый тысячный должен отправиться в полет. В конечном итоге столько и улетит, даже больше. Но не первым звездолетом.

— Будем привлекать соседей?

— Конечно. «Закроем» последний областной центр — начнем работать в Киеве и Москве.

***

Новый год праздновали с семьями. Рождество — вместе с Олей.

После Старого Нового года приехал мрачный Андрей. Позвал проводить его домой, по пути серьезно поговорить.

Журналист жил в полчаса ходьбы от офиса — сначала через заснеженный парк с неработающими зимой фонтанами. Потом переулком — на площадь Ленина, к огромной городской елке перед Домом Советов. Возле елки установили несколько горок для детей — но Старый Новый год закончился, и на горках никто не катался. Только под елкой топтались парни и девушки, смеялись.

От площади оставалось подняться вверх по проспекту Мира, мимо квартиры, в которой жил Марк.

— Сябра, мне ссылку кинули, — Энди смотрел под ноги, на черную кашу, бывшую недавно снегом. Наступила очередная оттепель. Праздники закончились.

— И что там?

— Интересная информашка про колонизацию. Журналист писал, лет десять назад. К звездам на самом деле никто не улетает.

— Ну? — Андрею явно требовалась поддержка в виде наводящих вопросов.

— Короче, там такая тема. Есть несколько звездолетов — немного. Собирают молодых идиотов, стригут с них деньги, отправляют типа в космос, а через полгода после старта, когда они типа набирают половину скорости света и связь усложняется, их травят.

— Чего?

— Может, кислород перекрывают. Они и мрут. Засыпают просто — гуманно. Роботы очищают звездолеты и пригоняют на базу, за новыми придурками. А родным ежегодно скармливают записи. Колонисты делают их заранее — на двадцать лет вперед. Поздравления с днем рождения. С праздниками. Просто — «случайные» разговоры.

— Бред.

— На самом деле записывают. Я проверил. Официально — чтобы родственникам было легче. А то се-

анс связи растягивается на несколько лет. В общем-то, логично. Оба варианта логичные, мать их.

— Но зачем?!

— Ради денег. Ты знаешь, какие там суммы вращаются? И при этом «New Worlds» остается в небольшом плюсе. Прикинь, сколько они загребают, если корабли — одни и те же? Я верю, что за такие бабки могут и тысячами в расход списывать.

— Да бред же.

— Почему?

— Ну а с нами возиться — смысл? У нас богачей...

— Первый корабль — как приманка. А там потянутся молодые олигархи, которым здесь надоело все. Они сходят с ума, потому что им нечего больше хотеть. А тут предлагают — новый мир, мать его, на блюде! Ешь, не обляпайся! Один олигарх три звездолета окупит!

— Тише, — я задумался. Верить не мог. Отмахнуться от Андрея — тоже. — А доказательства?

— А нету их! Ни «за», ни «против»! Зашибись? На журналиста подали в суд, он через две недели опровержение накатал, не смог ничего доказать.

— Ну.

— Гну! Компания ничего не сумела опровергнуть. Суд решал на основе презумпции невиновности. Круто?

— Подожди, — идея была бредовая. Но если журналист верил — или, по крайней мере, сомневался, надо было ее проработать. — Почему пилоты не догадываются?

— Там нет пилотов — на такой скорости люди не справятся. Все на автоматике. Любой желающий может попросить отчет, где находится звездолет, состояние систем и так далее. Но корабль — внутри астероида. Иллюминаторов нет. Вся информация идет через мониторы. Через компьютер. А его можно запрограммировать, как угодно. Проверить данные невозможно.

— Задержка в связи?

— Элементарно! Стоит блок, который «придерживает» сигнал. Ты спросил — он поймал, выждал сколько надо, им отдал. Они ответили — блок перехватил, подержал — и отправил тебе. Как докажешь?

— А астрономы?

— А что астрономы? Они полгода наблюдают точку на небе. А потом она совмещается со звездой, к которой летит — и все! Какой дурак будет дальше следить?

— Ну, а расстояние?

— А как ты его померяешь? На глаз?

— Я у Марка спрошу.

— И что он тебе ответит, сябра?! Да, блин, мы тут грохнули полмиллиона, и вас тоже распylim...

— Ладно, — я ловил мысли, разбежавшиеся по голове. Поймал одну. — Сколько надо кораблей для такой схемы?

— Четыре. Для верности — пять. Отправили уже полсотни.

— Ладно. Я буду искать доказательства «за», ты — «против». Если ничего не найдем, я отменю по-

лет. Согласен? Только пока что — никому ничего не говори. А то брожение пойдет, разбегутся. Наверное, чекистам тоже пока не стоит.

— Сябра? — Энди остановился посреди дороги. — Вечером им позвонишь и все подробно расскажешь. Попросишь помощи и объяснишь, что орать на весь мир без аргументов — значит подставить Республику.

— Зачем?

— А кто, по-твоему, мне ссылку кинул на эту статью?

***

К весне, на базе представительств «New Worlds», открыли несколько центров в Украине и России.

Всего набралось три тысячи будущих колонистов, прошедших комиссию. Марк посоветовал начать формировать экипаж будущего корабля.

Инструктаж француз проводил в своей квартире, для двоих: меня и Оли, организатора и зама. Усадил в спальне, на удобный диван, угостил мороженым. Сам устроился в кресле напротив, разложил на коленях ноутбук и начал пояснения.

— Минимальный размер племени, чтоб не выродилось, не вымерло — пятьсот человек, — объяснял Марк. — Поэтому корабль разбит на двадцать отсеков. Если погибнет один — он изолируется, но остальные долетят. Каждый должен быть автономен, чтобы, даже если девятнадцать выйдут из строя, колонисты сумели выжить.

— Это на самом деле так опасно? — спросила Оля.

— Нет, — улыбнулся француз. — Перестраховка. Если вдруг что-то пойдет не так — помочь не получится. И вернуться они не смогут. Как топливо используют астероид — а он не такой уж большой. Скорее всего, не хватит на два разгона и торможения.

— А если там будет неподходящая планета? — ужаснулась Оля, прижимаясь ко мне, как будто я мог исправить непригодный для жизни мир.

— Вперед отправляется серия зондов, — кивнул Марк. — Они идут, грубо говоря, на пять лет вперед. Роботы пролетают систему, собирают информацию и выстреливают ее на корабль. Компьютер обрабатывает, если мир можно колонизировать — отдается команда на торможение. Если нет — летят к следующему миру. Теоретически полет может затянуться лет на сорок корабельного времени — если трижды не повезет. Понятно, что звезды отбирают очень тщательно.

— А зонды? — жалобно спросила Оля. — Их возвращают?

— Они летят почти на скорости света, — пожал плечами француз. — Сигнал не догонит. То есть, понятно, догонит — но очень не скоро. Зонды уходят в вечное путешествие.

— Жалко, — Оля шмыгнула носом.

— Возвращаемся к отсекам. Каждое племя должно иметь командира, пятерых сотников и полсотни десятников, для поддержания порядка. После вы-

садки дисциплину можно ослабить, во время перелета анархия недопустима, иерархия обязана быть жесткой. Кроме того, каждый отсек должен иметь одного-двух священников, врачей, учителей, инженеров...

— Это трудно, — я подумал вслух.

— Разумеется. Колонистам придется учиться. Много учиться. Путь к звездам усеян терниями.

***

В начале лета пришло время закупать припасы.

Месяц составляли списки, стараясь ничего не забыть. Подсматривали инвентарь уже улетевших колонистов, что-то записывали себе, что-то вычеркивали. Прислушивались к советам Марка.

Работали командой, через интернет — уже набрались командиры для всех отсеков. Помогали региональные штабы, разросшийся персонал головного офиса.

Первые пару партий грузов сопровождали мы с Олей. Марк консультировал, прислал трех командиров — в помощь и для обучения.

Инструменты привозили к электромагнитной пушке, помечали маяками и выстреливали на орбиту — в специальный «коридор» для колонистов, где накапливался груз.

***

Пока я мотался с материальным обеспечением, Андрей занимался делами духовными — уговорил отшельника из лавры лететь с нами. Прихожане звали его святым, священники выражались осторожнее, но с большим почтением.

— Сябра, какой-то он... не настоящий праведник, — высказался Энди. — Как-то он слишком напоказ праведник.

— Что значит — напоказ?

— Посты блюдет, говорит смиренно, но... Не верю я ему. Слишком он правильный.

— А люди?

— Народ в восторге.

— Ну и отлично. Что тебе еще надо?

— Безопасность. Не уверен, что такой праведник нас спасет.

— И что предлагаешь?

— Тебе письменно, в трех экземплярах?

— Лучше в четырех, чтоб сразу чекистам отнести. Энди?

— Буду искать настоящего.

— А кто такой настоящий праведник?

— Найду — узнаем!

***

К Новому году набрали десять тысяч колонистов, прошедших регистрацию.

Устроили праздник, съехались все штабы и командиры отсеков, бурно отметили. На следующий день Марк позвонил мне с утра, потребовал явиться вместе с Олей.

Когда мы приехали, француз кормил рыбок в аквариуме приемной. Офис пустовал. Было непривычно тихо. Шаги звучали слишком гулко.

— Надо продолжать вербовку, — потребовал француз. — По опыту предыдущих кораблей, откажется до половины участников. Значит, к лету надо иметь двадцать тысяч.

— А что будем делать с лишними? — хмуро спросил я. Планы на отпуск рушились. Доказательства «честной игры» пока не нашлись — мысль, что вся работа может быть проделана зря, оптимизма не добавляла. Мучила совесть — получалось, что обманывал «своих людей», колонистов, скрывая от них информацию...

— Лишних, если они появятся — отправим следующим кораблем. Нам бы хоть ваш звездолет наполнить. Чем ближе к старту — тем больше будет «отказников». Посмотри статистику.

— Людям доверять надо, — пробормотала Оля.

— Да, — согласился Марк. — Вот и доверяйте мне.

***

Сам Новый год оказался мрачным.

Последний раз отмечали на Земле, с родными. Почему-то стало остро замечаться все, что «в последний раз».

Было тяжело. Хотелось, чтобы ночь тянулась бесконечно. Казалось, как только ляжем спать — что-то закончится навсегда. Брат заснул раньше — ему первого надо было идти на дежурство. Родители «праздновали» до четырех утра. Я сидел над остатками салатов, закусок и шампанского до рассвета.

Помогала мысль, что к звездам полетим вдвоем с Олей. Немного грели пять месяцев до отлета.

Пять месяцев — это ведь полтора года дней.

Последние полтора года дней на Земле.

***

К четырнадцатому января семьсот человек отказались.

***

В начале февраля Андрей отыскал праведника. Вызвал нас в Минск. С одной стороны, дел было по горло. С другой — большинство из них решались без нашего непосредственного участия, требовался только присмотр. Марк настоял на поездке — «чтобы развеяться хоть немного».

Штаб в столице размещался в той же бывшей гостинице «Орбита», только занимал теперь не одну комнату, а все здание, многие жили «на работе», в двух шагах от офиса. Энди привел меня, Олю и Марка в свою комнату — на правах организатора он один занимал целый номер — угостил пивом и начал рассказывать.

— Я долго думал, кто такой праведник. И решил, что нужен чудак.

— Интересный вывод, — улыбнулся француз.

— Искал полгода. Бескорыстного, всегда готового помочь человека. Который не может пройти мимо, если кто-то упал. Всегда переводит бабушку через дорогу. Помогает девушке или старушке донести сумки, даже если ему не по пути.

— Чудак, — улыбнулся Марк.

— Дон Кихот, — сказала Оля.

— Скорее, идиот, — поправил я. Увидел обиду в глазах девушки, пояснил: — Который князь Мышкин, а не вообще.

— И ты думаешь, это праведник? — спросил Марк.

— Я проверял его, — усмехнулся Андрей. — Да. Он... светлый.

— У него просто комплекс неполноценности, — заявил я. — Он пытается быть нужным, совершая дурацкие добрые поступки. Обычно суетлив, очень робок и очень скромнен. Лезет во все дыры, предлагая свою помощь любому, до кого может дотянуться.

— Витя? — удивилась Оля. — Зачем ты так?

— Он сам такой, — засмеялся Энди.

— Нет, — я разозлился. — У меня не до такой степени все запущено!

— Ты сказал — светлый? — уточнил француз.

— Да. Он счастлив. Абсолютно. И делится этим счастьем. Наверное, так, — Андрей почесал кончик носа. — На него смотрят — и улыбаются. Он... Если с ним поговорить, становится легче. Лучше. Не знаю, как еще пояснить.

— Он полетит? — спросил Марк.

— Да, — Андрей опустил глаза. — Я сказал ему, что если завтра не будет десять тысяч колонистов, проект могут закрыть. И все, кто уже решился лететь, станут несчастными. Типа его одного не хватало. Он уже написал анкету и прошел комиссию.

— Это не честно, — сказала Оля.

— Мы постараемся, чтобы ему было хорошо, — буркнул я.

— Он будет счастлив, — улыбнулся Марк. — Что бы мы ни делали.

***

В конце марта все еще не было никаких доказательств. Наверное, потому что я их плохо искал — не хватало времени. Андрей перевернул Интернет, подшивки газет, отчеты ученых и рабочих — и не нашел аргументов против «New Worlds».

Делать было нечего.

Я пошел к Марку.

Француз сидел дома на проспекте Мира, в удобном халате. Смотрел телевизор и грыз попкорн.

— Я в порядке, — кивнул Марк. — Мне сейчас немного тяжело. Я отправляю вас всех — а сам остаюсь здесь. Пытаюсь не думать. Ты...

— Да?

— Если ты откажешься, будет сложно, но я пойму. Если решишь, что так для тебя будет лучше...

— Я должен лететь.

— Никто никому ничего не должен, — изрек француз старую, как хиппи, фразу. — Колонистам положе-

но быть счастливыми и улетать без сомнений. Идеально было бы — без сожалений, но это вряд ли.

— Это невозможно.

— Я знаю. Всегда, когда приобретаешь что-то новое, приходится отказываться от старого. Чем больше новое — тем тяжелее отбросить груз.

— Марк!

— У вас — новая жизнь. Приходится полностью выкинуть старую — все, что у вас есть. Знаешь, когда древние проходили обряд инициации, мальчик символически умирал — и рождался взрослый. Вы — умираете как земляне. Рождаетесь как жители звезд. Я знаю, это очень сложно.

— Что ты можешь знать? — я устало вздохнул. — Я не за этим пришел. Помогите мне.

— Конечно, — француз оживился. — Что могу сделать?

— Докажи, что вы работаете честно.

— Вы все-таки нашли эту статью, — усмехнулся Марк. — Давно?

— Не важно.

— Завтра слетаем в обсерваторию, посмотришь своими глазами.

— На что? Корабли сливаются со звездами!

— В определенный момент времени — да. Но картинка постоянно немного меняется. Параллакс — смещение видимого положения небесных тел вследствие движения Земли по орбите. Всех ты, разумеется, не увидишь. Тех, кто еще разгоняется — кораблей десять. Мало? Остальные раз в пять дней проводят коррекцию траектории, включают маршевые двигатели на полчаса. Заодно мы отслеживаем, что с ними все в порядке. Некоторые корректируют вне плана — если столкнутся с микрометеоритом и сильно отклонятся. Получится, за день еще пять-шесть звездолетов, на разных этапах полета. Хватит?

— А почему эти доказательства не привели на суде против того журналиста?

— Политика компании.

— И что, все так просто?

— А ты хотел сложностей? — засмеялся француз. — Будут. В мае, перед стартом...

***

Андрей отказался лететь в середине апреля.

— Сябра, — Энди, с застывшим лицом, сдавленным голосом «исповедовался» возле главного штаба. — Я не могу родителей бросить. У матери нервный срыв был.

— Понимаю, — согласился я. — Моим легче, у них брат остается.

— Ты сам в это веришь? Что им легче?

— Хочу верить.

— Я тоже хотел, — Андрей зло ударил кулаком в стену. — Думал, родичи свыклись, что меня нет... Мать в «дурке» лечили. Две недели. Отец поседел. Сволочь!

— Что?

— Я — сволочь! Я тебя предал! Подставил...

— Все в порядке, сябра, — я чуть усмехнулся, проговаривая любимое слово журналиста. — Справлюсь.

— Я прилечу проводить.

— Ладно, сябра.

Оказалось, что навсегда расставаться с другом ничуть не легче, чем с братом.

Наверное, тяжелее.

***

В конце апреля Марка попробовали убить.

Может быть, хотели только покалечить. Француз столкнулся в темном переулке с пятью громилами.

Оказалось, у Марка было целых два пистолета — газовый и травматический. Противник бежал с поля боя, оставив двоих в полубес-сознательном состоянии.

На следующий день с утра француз созвал общее собрание в главном штабе.

— Этого и следовало ожидать, — сказал Марк. — Люди обижаются, что мы забираем у них близких. Пытаются помешать полету любыми способами. Всем — озаботиться личной безопасностью. Ходить по трое. Иметь при себе пистолет, электрошокер, хотя бы баллончик с газом. Офисы во всех городах перенесем — снимем несколько помещений рядом. Всем переселиться туда. Без необходимости — ни шагу за дверь. Вы можете отказаться — но я прошу вас прислушаться.

— Я не могу, — сказал я. — Осталось меньше месяца — родным и так тяжело. Если я еще съеду...

В обед Марк раздал баллончики всем, кто был в офисе.

***

Через два дня вечером меня попробовали затолкнуть в автомобиль.

Напали не «костюмы» — я отбивался. Парень, пытавшийся закинуть меня в салон, саданул в печень, разбил бровь — и все-таки усадил на заднее сиденье.

Я сумел вытащить баллончик, нажал кнопку. Машина заполнилась слезоточивым газом. Пока выбирался наружу, сам наглотался дряни. Выпал на улицу, кашляя и плача. Ноги не держали.

Двое из нападавших успели выскочить раньше — подхватили меня под мышки и оттащили от автомобиля. Бросили на асфальт и принялись пинать по ребрам и голове. Я сжался в комок, закрываясь руками.

— Стой! — крикнул над ухом знакомый голос.

Сухо треснул выстрел.

— Сдаюсь! — заверещал нападавший.

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГОЛИЦЫНА Евдокия Ивановна (урожд. Измайлова; псевд. Princesse Nocturne; 1780—1850), писательница.

Замуж за кн. С.М.Голицына вышла по повелению имп. Павла I. Содерж. ночной лит. салон в СПб. в 1810-х гг., где бывали Карамзин и Жуковский, молодой Пушкин (посвятил Г. два стихотв.) и Грибоедов, Вяземский и Александр Тургенев. Грибоедов читал здесь свое «Горе от ума». Г. обладала недюжинными способностями в математике и физике. В 1835 на франц. яз. вышло ее исследование «Анализ силы». Известен портрет «принцессы Ноктурн» работы живописца Грасси. О ней: В. Осокин. Принцесса Ноктурн \ \ Лит. Россия. 1980. 8 авг.

Масанов; Черейский.

ГОЛИЦЫНА Евдокия Федоровна

(См. Болтина Е.Ф.)

ГОЛИЦЫНА кн. Екатерина Михайловна

(См. Бобрищева-Пушкина Е.М.)

ГОЛИЦЫНА Екатерина Михайловна (псевд. Кн. Ек. Г.; 1763—1823), переводчица.

Дочь ген.-поруч. М.М.Голицына. Пер. с нем. ист. анекдот англ. писателя-просветителя Р. Стиля «Наказанная наглость» — о сприведл. суде герцога бургундского над одним из своих вассалов («Покоящийся трудолюбец», 1785, ч.4). Перевод тематич. связан с двумя др. переводами, долженствующими иллюстр. мудрость государей и помещенными в разделе «Анекдоты»: «Рудольф 1» и «Король, судящий, как отец». Они выполнены Татьяной и Еленой Голицыными, сестрами Г. Новиков сопроводил публикацию примеч.: «Сии три анекдота помещены здесь в доказательство признательности издателей за сообщение им оных от таких особ, коим сии упражнения делают особое предпочтение, тем более, чем реже приходится видеть занимающимися сим знатного рода девиц».

Слов. рус. писательниц; Слов. рус. писателей XVIII в.; Масанов; Сводный каталог (здесь г. смерти 1854).

ГОЛИЦЫНА Елена Михайловна (псевд. Кн. Ел. Г.; 1776—1859), переводчица.

Сотр. «Покоющегося Трудолюбца» (1785, ч.1У). Вместе с сестрой Татьяной Голицыной (см) пер. «Рудольф 1» и «Король, судящий как отец» — «Покоящийся трудолюбец». 1785. Ч. 1У. — в разделе «Анекдоты».

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.; Сводный каталог (здесь г. смерти 1855).

ГОЛИЦЫНА Елизавета Борисовна (1790—?)

Слов. рус. писательниц.

ГОЛИЦЫНА Ирина Дмитриевна (урожд. Татищева; 1900—1983), авт. воспоминаний.

Род. в семье гр. Д.Н.Татищева, принадлежавшему к очень древнему роду, восходящему к Рюрику и к киевскому вел.кн. Владимиру Мономаху. Жила в усадьбе Степановское Тверской губ., а затем в местах службы отца: Царстве Польском, Ярославле, Петрограде и Царском Селе. Будучи в ссылке в Перми. Вышла замуж за кн. Н.Д. Голицына (1925). В 1932 г. ее семья уехала за границу и с того времени Г. жила в Англии. Ее мемуары «Воспоминания о России (1900-1932)» она писала уже в эмиграции после смерти мужа. Первоначально были изданы на англ. яз. в 1976. В переводе на рус. вышли в Москве в изд-ве Айрис-пресс в 2005 г.

ГОЛИЦЫНА Мария Григорьевна (урожд. Кушелева; 1842—?)

Слов. рус. писательниц.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 73

Подбежал «костюм». Убирая пистолет в кобуру, склонился надо мной.

— Ты в порядке? Идти можешь?

Я помотал головой.

— Отвезем... домой или в офис?

— В офис, — выдавил я.

Двое «костюмов» остались возле нападавших — ждать милицию.

Пока ехали, я немного пришел в себя.

— А почему Марка не страховали?

— Страховали, — усмехнулся «костюм». — Не успели вмешаться. Кто ж думал, что он ковбой...

***

Улетали в конце мая.

Звездолет прибыл за три недели до старта, прошел полное тестирование. Служащие компании собрали и загрузили все припасы, летавшие по орбите. Неделью почти непрерывно «стреляли» в космос продуктами — заполняли трюмы.

Космические лифты поднимали на орбиту животных. Мы хотели иметь в дороге, а потом и на планете, свежее мясо. Астероид уже вертелся волчком вокруг своей оси, обеспечивая искусственную гравитацию.

Лента рабочей области пока что лежала на внутреннем «боку» «бублика»-корабля. Когда звездолет начнет разгон — автоматика плавно переместит рабочую область на «дно» «бублика» незаметно для экипажа.

Заканчивался последний месяц на Земле.

Потом — последняя неделя.

После — последняя ночь.

***

Провожать собрались все. Родители, «костюмы», Димка с Андреем, давно забытые однокурсники и несколько соседей.

Первая партия колонистов отправилась в космос на лифте. Остальные ждали. Кто молча, кто плакал, прощаясь с родными. Некоторые смеялись — то ли бодрились, то ли правда радовались началу новой жизни.

Я смотрел на друзей и близких, стараясь запомнить навсегда. Обнимал Олю. Девушка помогала выработать правильно. Плакала.

Мы должны были подниматься с последней партией.

У нас еще оставалось целых шесть часов.

Последних шесть часов.

***

За полчаса до отправления Марк отозвал меня и Олю в сторону. Посмотрел на свои кроссовки. На толпу провожающих.

— Виктор, я прошу тебя отказаться от полета, — выдавил француз.

— Прекрати, — попросил я. — Не смешно.

— Мы оба знаем, что ты — хороший организатор. Не правитель. Твое дело — загореться, зажечь других,

сделать свою работу — и погаснуть. Ты не умеешь гореть долго.

— Допустим.

— Если ты полетишь — у колонистов будут проблемы. Ты не сможешь эффективно управлять кораблем. Командовать будет лидер, командир. Появится оппозиция — и использует тебя, с лозунгом — «без тебя полет бы не состоялся». Люди пойдут. Толпа — дура. Дальше — зависит от оппозиционного лидера. Может быть бунт.

— А если я не полечу?

— У оппозиции не окажется козыря, нарушающего равновесие. Борьба за власть будут — но в рамках правил. А так — ты станешь переходящим флагом оппозиции. После свержения очередного вождя каждый новоявленный оппозиционер станет использовать твой авторитет.

— Тогда я сам стану руководителем.

— Ты не выдержишь.

— Я помогу, — сказала Оля.

— Тогда вы просто убьете равновесие. И после того, как отойдете от дел — случится анархия. Поймите! Пока вы есть — вся борьба прячется в подполье. Как только вы уйдете — начнется грызня. Наши психологи проектировали такие ситуации. Много раз. На первых четырех кораблях организатор улетел со всеми. На третьем был мятеж, остальные скатились в диктатуру. Мы не знаем, сместили «Пиночетов» или еще нет и что там творится сейчас. Вряд ли что-то хорошее. Организаторов всегда просят остаться. Выбор — за тобой.

— Подожди. Ты — остался?

— Да. Мы нужнее здесь. Колонисты справятся сами. И новый звездолет организуют и без тебя. Но это будет сложнее и дольше. Ты — как учитель начальных классов. Отлично готовишь людей к полету. А потом — лучше отдать их следующим учителям.

— Кому?

— Жизни. Космосу. Звездам. Тебя ждут новые переклашки. У тебя есть долг перед улетевшими десятками тысячами. И еще один долг — перед теми, кого ты можешь отправить в следующие двадцать лет. Сто тысяч колонистов. Выбери.

***

Мы с Олей смотрели на старт с Земли. Колонисты пока что не включали фотонный двигатель на полную мощность, но вспыхнувшую звездочку было хорошо видно невооруженным глазом.

Я провожал их взглядом — десять тысяч друзей, потерянных навсегда.

— Марк, а ты не боишься, что однажды мы отправим в космос всех праведников? И наступит конец света?

— Нет. Ты же — остался.

Антон ВЛАСЕНКО, г. Молодечно (Беларусь)

Там, где коптят угря

Эриксон никак не мог решиться. Что же выбрать? Что же? Хотелось всего и сразу, но умом он понимал, что так добьется лишь отрывочных и сумбурных ощущений, перебивающих друг друга. Не об этом он мечтал всю неделю. Да и рассчитаться за подобное удовольствие будет ой как нелегко. До чего обидно! И ведь каждый раз одно и то же. Новый магникар покупаешь — и то меньше волнуешься. Кости с собой носить, что ли? Или лучше монетку?..

— Мистер Эриксон? Уже решили, что будете брать?

— Погоди, Сэмми. Еще минутку, и определюсь на верняка.

Он закусил губу, подвинул к себе три разноцветных баллончика, все остальные решительно смахнул за стойку. С глаз долой — из сердца вон. Как бы там ни было, все виски не выпьешь, всех женщин не полюбишь. «Но к этому нужно стремиться!» Ах, проклятый внутренний голос, и без тебя тошно. Раз выбрал, значит, выбрал.

Каждый отброшенный баллончик завис в воздухе и медленно полетел в свою гравитационную нишу за спиной бармена. Сэмми только ухмыльнулся в усы, обходя нерасторопный оранжевый цилиндр, и продолжил протирать и без того чистые рюмки.

Итак, три. Число хорошее, даже где-то мистическое, но выбор от этого не легче.

Первый цилиндр. Матовый, темно-зеленый. Мыс Горн. Едкий запах мыльного дерева, перебивающий даже специфический аромат араукарии; морозная свежесть ледника Серрано, дым со скотоводческих ферм Огненной Земли и, поверх остального, легкий бриз двух океанов, вобравший в себя тысячи запахов со всего света и растворивший их в соленых брызгах, яростными валами разбивающихся о камни Исла-Гранде.

Второй — прозрачно-голубой. Озеро Лаппаярви. Спокойный, застывший предрассветным туманом воздух над сонными водами; запах весны, березового сока и пробуждения; средоточие тишайшего

безмолвия, расплескавшегося на мили окрест; сырая земля у берегов, открывающая поры навстречу новому жизненному циклу; пробивающиеся ростки щекочущего нос остролодочника и дурманящей голу медуницы.

Третий — хрустальный с бирюзовыми переливами. Северная Гренландия. Кристально-чистый воздух, не замутненный ни одним, самым легоньким, запахом; квинтэссенция свежести — выжимай и закатывай в банки на долгую зиму; чистота испуленных бурь и меланхолических айсбергов; бескрайние поля, заросшие густой травой, камнеломками, маками и одуванчиками, напрочь лишенными аромата.

— Эй, Сэмми...

— Да, мистер Эриксон.

— Давай-ка сегодня остановимся вот на этом.

— М-м-м... Лаппаярви, Финляндия, весна 2027-го. Хороший выбор. Вот времечко было!

— И не говори. Подсоединишь меня, а то я с этой техникой никак не подружусь.

Ловким движением Сэмми закинул лазурный цилиндр в недра машины, стоявшей на барной стойке, тиснул пару клавиш не глядя и учтиво подал Эриксону дыхательную маску, подсоединенную трубкой к аппарату. Тот поудобнее устроился на сиденье, поднес маску к лицу, глубоко вдохнул и... ближайшие двадцать минут провел мыслями и чувствами на берегу холодного финского озера, вдыхая ароматы первоцветов и протапливаемой неподалеку сауны, коптящегося там же угря и красноперки.

Почувствовав, как весенние ароматы нехотя уступают место душной атмосфере кислородного бара, Эриксон пришел в себя, потянулся, словно довольный кот, скинул маску и невидящим взглядом уставился в панорамное окно сбоку. Там сплошным потоком летели гравилеты и магникары, мелькали огни, шумели бесконечные двигатели, моторы и черт знает что еще. Там не коптили угря, там не топили сауну... Где ее вообще топят? И слова-то такого, небось, в словарях не осталось.

Антон Андреевич Власенко родился в 1987 году в Минске. Учится на филологическом факультете БГУ и активно пишет фантастические рассказы. Является постоянным участником сетевых конкурсов «Царкон» (tsarkon.ru) и «Креатив» (litkreativ.ru). В качестве музыкального журналиста сотрудничает с электронным изданием NeopolisMusic (neopolis.by) и радио-шоу MassaBrutto (massabrutto.com). Мечтает создать фэнзин белорусскоязычной фантастики.

Он подозвал рукой Сэмми.

— Как ощущения, мистер Эриксон?

— Разрази меня гром, если я могу описать это словами! Но было определенно лучше августовского озера Чад на прошлой неделе. И, знаешь... как-то оно очень грустно все...

Сэмми, привычный к подобным откровениям, улыбнулся в усы, понимающе покивал и вернул кислородную маску на место.

— Может, рюмочку Коскенкорвы в качестве завершающего штришка?

— Не откажусь, спасибо. Хотя, для завершающего штриха, по-хорошему, не хватает зрительных и звуковых ощущений.

— А еще вкусовых и осязательных, раз уж на то пошло. За этим удовольствием отправляйтесь в мультисенсорные бары, — казалось, Сэмми немного обиделся. Даже усы его всем видом выражали презрение к мультисенсорным заведениям.

— Там не то, Сэмми, ты же знаешь. Подделка, иллюзия, фикция. А здесь — настоящая частица прошлого. Твое здоровье.

Он осушил рюмку клюквенной водки, поморщился. Пробирает так пробирает! Но ведь штука в том, что никакой клюквы там нет — сплошные заменители. А многие ее и не ели — клюкву эту, — и сравнивать им не с чем. Вот уж воистину «мир сдвинулся» — прямо по этому классику из школьной программы, как же его... Хемингуэй вроде.

Эриксон посмотрел на часы и засобирался. Время позднее, до дома неблизко, а еще придется расплачиваться.

— Сколько с меня, Сэмми?

— Двадцать пять пунктов, мистер Эриксон.

— Могу я расплатиться прямо сейчас?

— Погодите-ка секундочку, щас гляну, — бармен сверился с экраном вмонтированного в стойку монитора. — Так-так-так... К сожалению, в нашем квартале на данный момент никакая работа не требуется. Пятница вечер, сами понимаете... Многие покупают, многие расплачиваются. Я запишу на ваш счет.

— О'кей, Сэмми. Увидимся на следующей неделе, — все-таки хорошо было раньше, в старые добрые времена: отстегнул пачку банкнот на выходе и свободен. Не то что теперь: эта отработка в двадцать пять пунктов будет черт-те сколько висеть над душой, чтоб ее.

— До встречи, мистер Эриксон. Вызвать вам такси?

— Не стоит беспокоиться. Adios, amigo.

Выйдя из кислород-бара, Эриксон направился вниз по 23-й авеню. До дома надо было пройти четыре квартала: неспешным шагом можно дотопать минут за сорок, а робо-такси вызывать не хотелось. С живым водилой он бы, конечно, с удовольствием поболтал о жизни, но LiveTaxiService вот уже пять лет как прикрыли. Теперь все пассажироперевозки по закону осуществляются роботами. А слушать всю дорогу рекламные слоганы от пустоголовой жестянки — занятие не из приятных. Ну его!

Эриксон надел респиратор, поправил старомодную шляпу с широкими полями (купил ее в историческом баре аж за пятьдесят пунктов) и пошел мимо ярко освещенных витрин по наводненной людьми улице. Настроение было мечтательное. Чтобы не спугнуть ощущение беспричинной радости, он старался не замечать толпы потребителей, спешащих на уикенд в пригороды из центра. Потребляй и властвуй — в этом весь современный мир, так любимый стадом, так опротивевший единицам. И что с того, что нет больше никаких денег? Что-нибудь изменилось? Да, наверное... «Себя-то не обманывай, ладно?» Ну хорошо-хорошо: мало что изменилось.

У триппер-бара на втором наземном перекрестке его блуждающий взгляд зацепился за стоящих у размалеванной аэрографами стенки проституток в ярких нарядах. Они очень органично вписывались в окружающую среду — своеобразная граффити-мимикрия.

А ведь у него уже полгода не было женщины: есть о чем задуматься. Девушки же, напротив, задумываться не стали, они мигом подметили его заинтересованность и обступили Эриксона со всех сторон, демонстрируя себя в выгодном свете. Кидать замануху — кажется, так это у них называется.

А мысли его в тот момент витали далеко в прошлом. Он вспоминал старые времена, когда само слово проститутка имело отрицательную коннотацию и означало худшую из возможных для женщины профессий. Проституция была незаконным и опасным ремеслом, но присутствовала в ней, знаете ли, чарующая романтика запретного. Чего стоило хотя бы так называемое сутенерство. Или венерические заболевания. Теперь-то они остались только в воспоминаниях да в названиях развлекательных заведений. И проституция уже давно стала обычной профессией: не хуже и не лучше прочих. Кого этим сейчас удивишь?

Частенько выпускницы всяких там Гарвардов и Берклей перед тем, как устроиться на работу во всякие там Майкрософты и Три А Трэвелы, на пару месяцев становятся ночными бабочками, чтобы набраться жизненного опыта и уверенности в себе. Это уже стало хорошим тоном: каждая бизнес-леди, которая хочет что-то доказать себе и другим, проходит такую практику. Хотя у Эриксона на сей счет было собственное мнение, заключающееся в единственном слове: шлюхи (услышал как-то в лингво-баре). Он не совсем понимал его значение, но догадывался, что в приличном обществе его лучше не произносить.

Тем временем внимание Эриксона привлекла одна из облепивших его девиц. В отличие от остальных, одетых в кричащие новомодные наряды, на ней было старомодное голографическое платье, на поверхности которого проецировался пасторальный пейзаж с горными лугами и восходящим солнцем. Умилительная картина.

Девушка — хрупкая брюнетка с пышными формами — нежно вдавила кнопку у ворота, и на пару секунд платье сделалось прозрачным. Эриксон успел пробежаться взглядом сверху вниз, оценивая высокую грудь (накачанную естественным силиконом, а не вакуумным наполнителем или другой современной дрянью) и лобковые волосы, простимулированные и, по старой моде, заплетенные в две косицы по колено.

В этот момент Эриксон понял, что он покорен. Окончательно и бесповоротно. Вот она, романтика былых времен! Такую девушку он наверняка мог встретить весной 2027-го на берегу Лаппаярви собирающей хворост или букетик подснежников.

— Пойдем со мной, милый, — она определенно поняла, насколько поразила его, и это ее ничуть не удивило. Какое чувство собственного достоинства!

— К... К-как тебя зовут? — от волнения в горле пересохло.

— Кэтти. У меня тут за углом уютное гнездышко, — даже через сетку респиратора ее голос звучал божественно. Афродита!

Эриксон обомлел. Полное имя Кэтрин она сокращала до Кэтти, а не по последним веяниям — Кэй. И это имя ей шло. Так же, как и голографическое платье, и мечтательный пятничный вечер.

Она взяла его за руку и повела в свою однокомнатную квартиру на первом этаже соседнего с триппер-баром дома. Эриксон покорно шел следом. Он был слишком взволнован, чтобы обращать внимание на что-либо, кроме шедшей впереди девушки. Какой-то облупленный домишко, серые задворки, лужи, вонь — какая разница, черт возьми!

Когда дверь за ними закрылась, Эриксон обнаружил себя стоящим с открытым ртом посреди просторной комнаты. Да, это несомненно девушка его мечты. Комната и все, что ее наполняло, было до неприличия старомодным. Деревянная мебель, плазменный телевизор, голографические обои, живые цветы, пластиковые окна... Да, такой интерьер за просто мог быть в...

— ...Домике на берегу Лаппаярви весной 2027-го.

— Прости? — донесся голос Кэтти из ванной.

— Да так, ничего.

— Располагайся, я сейчас.

Он уселся на мягкий диванчик у стенки напротив окна и попытался унять дрожь в руках. Сердце выстукивало бластбиты, кровь в венах развивала первую космическую, потоотделение активностью напоминало портативный гаджет Душ-С-Тобой.

Неужели не сон? Неужели такие девушки еще не перевелись? «А ты не верил в любовь, старый циник». Даже внутреннему голосу не испортить сегодняшний вечер.

Минут через пять — Эриксон как раз успел совладать с собой — она вышла из душа. Длинные черные волосы в художественном беспорядке — влажные и отливающие страстью; тонкий халатик, не скрываю-

щий ничего такого, что она не собиралась прятать; аппетитно распаренная кожа, дьявольски соблазнительные черты лица и порочные глаза... Само совершенство!

Она мягко подошла вплотную — от нее пахло запретными плодами. Он встал, начал торопливо водить кончиками пальцев по всему ее телу, боясь потерять Сбывшееся. Она позволила. Он выдохнул с облегчением.

Она также позволила ему самозабвенно мять руками свои спелые груди, позволила прикосновением языка активировать вибродатчики в сосках, позволила целовать себя в губы, тонуть в аромате своих волос.

Но когда он развязал поясик и скинул с нее халат, она отстранилась и сделала два шага назад.

— Котенок, — простонал Эриксон, протягивая к ней руки.

— Я тебе не котенок. Мое имя — Кэтти, а не Кити. Это раз, — «Вот это характер!» — И я грязная шлюха и хочу получить свои деньги вперед. Это два.

— Никаких проблем! Я готов отработать прямо сейчас хоть сто пунктов. Да хоть и двести! Какая-нибудь работа по дому? Починка, покраска...

— Ты меня не понял, милый, — бесцеремонно перебила Кэтти. Сколько же силы в этом райском голоске. — Кстати, как тебя зовут?

— Томас Эриксон. То есть Томми, просто Томми.

— Так вот, Томми, я fuckin' old school и меня интересуют баксы. Понимаешь? Зеленые американские баксы. Я трахаюсь только за деньги, как настоящая шлюха, — в этих словах звучала неподдельная гордость.

Эриксон выпал в осадок. Он с трудом подбирал слова, глядя на стоящую перед ним обнаженную девушку. Настоящая шлюха!

— Двести баксов, — судорожная заминка, — но... дома, — как у всякого ретромана у Эриксона в коллекции были и древние доллары, и динары, и франки, и даже парочка советских монет.

— Верю на слово. Вернешь завтра. И еще кое-что, — Кэтти повернулась к нему спиной, нагнувшись над журнальным столиком, и стала что-то искать в сумочке. Это был лучший пейзаж, виденный Эриксоном в его долгой жизни. С ним не мог сравниться ни Гранд Каньон, так потрясший его в свое время, ни закат на берегу Тихого океана, ни даже панорама Ниагарского водопада, куда он ездил в детстве с родителями. Заглядевшись, Эриксон едва успел словить кинутую ему пачку... Что там внутри? Презервативы! Фантастика! Где она их взяла? В музее?!

Если до этого момента у Эриксона еще оставались какие-то сомнения, то теперь они начисто испарились. Он упал на колени перед растерявшейся Кэтти, протянул к ней руки с зажатыми в пальцах презервативами и дрожащим голосом произнес:

— К... Кэтрин, а поехали в Финляндию, на озеро Лаппаярви! И... выходи за меня замуж!

Анатолий ВОЛКОВ,
фото из архива автора

Байкеры 1960-гг. в Свердловске

Мототуристы на «ЯВЕ»

В 2009 году восьмидесятая годовщина производства всемирно известных мотоциклов «ЯВА» совпала со сто десятым годом выпуска первого мотоцикла в Чехии.

У уральских коллекционеров и реставраторов старых автомобилей и мотоциклов сохранилось много приятных воспоминаний об этой надежной, элегантной, простой в эксплуатации машине с маркой «ЯВА». Комитет ретро-машин Федерации автомобильного спорта Свердловской области решил широко отметить эти круглые даты. На всех парадах и выставках 2009 года будут демонстрироваться восстановленные или отлично сохранившиеся чехословацкие мопеды, мотороллеры и мотоциклы выпуска 50–80-х годов. В рамках традиционного международного слета мотоциклистов «Ирбит – столица мотоцикла» намечено провести

популярный в 70-х годах слет «Друзей ЯВЫ» в стиле ретро.

Продажа мотоциклов чешского производства «ЯВА» и «ЧЗ» в нашей стране началась в 1955 году. В Свердловске «ЯВЫ» продавались всего два раза: в конце 50-х в универсаме «Пассаж» и несколько машин в «Спорттоварах» на проспекте Ленина в 60-х. Поэтому уральцам приходилось привозить их из Москвы, Ленинграда, а также Риги и других столиц союзных республик СССР. Билет и провоз багажа из Москвы стоили дорого. И вот два юных свердловчанина Вадим Фадеев и Александр Гольдман в целях экономии и поиска приключений в 1961 году решили перегнать две новеньких «ЯВЫ-250» до Свердловска своим ходом.

Об этом транзитном перегоне можно было написать книгу. Отсутствовал атлас автомобильных дорог, был минимум указателей, местами царило полное без-

Анатолий Павлович Волков родился в Свердловске. Закончил полиграфическое училище. Работал фотографом в Хромофотографии, технологом фотопроцессов в типографии «Уральский рабочий». Первую «ЯВУ» приобрел в 1963 году. Совершил 11 путешествий 4–5 категорий сложности. Призер и победитель слетов и соревнований по мототуризму. Возглавлял клуб мототуристов (1968–1975). С 2004 г. — председатель комитета ретро-машин Федерации автомобильного спорта Свердловской области.

дорожье, и при этом у ребят не было никакого опыта вождения мотоцикла. Своими впечатлениями новоявленные мототуристы поделились с друзьями и практически стали инструкторами по туризму, так как другие владельцы «ЯВЫ» предпочитали любоваться пейзажами из окна железнодорожного вагона.

Вскоре у Фадеева и Гольдмана появились многочисленные подражатели. Проверенные, надежные и неприхотливые чешские мотоциклы позволяли мало подготовленным мотоциклистам совершать все более дальние и сложные путешествия. Для регистрации групп и получения «маршрутных книжек» любители стали обращаться в Свердловский городской клуб туристов. Автор этих строк в 1964 г. встретился с «организованными» туристами-мотоциклистами, путешествующими по «маршрутным книжкам», в очередной поездке — вдвоем с супругой по Украине и Молдавии на мотоцикле «ЯВА». Знакомство показало преимущество коллективного путешествия: есть кому покараулить мотоцикл, пока купаешься в море, и ночью в палатке в чистом поле спишь спокойнее. По возвращении из отпуска я стал активным членом Клуба автототуристов при областном Совете по туризму и экскурсиям (1967 г.), настолько активным, что меня на следующий год выбрали председателем и членом правления Центрального клуба автототуристов в Москве.

Инна Мигачева — мастер спорта по мототуризму

спортивными соревнованиями. В программу сборов входили конкурсы, обмен опытом путешествий, демонстрация различного оборудования собственного производства. Просто встречались друзья по общим интересам.

Опыт, накопившийся у свердловских любителей мотоциклов на региональных слетах, а также в многочисленных путешествиях по стране, вскоре дал результаты. Сборная команда мототуристов Свердловской области и команды первичных организаций (клубные), выступающие на мотоциклах «ЯВА», неоднократно становились победителями и призерами всесоюзных, республиканских соревнований и слетов мототуристов.

Свердловские «явисты» были участниками восьми слетов «Друзья ЯВЫ», проводимых журналом «За рулем» и чехословацким торговым объединением

1-ый областной слет автототуристов

В соседнем городе Челябинске местные «явисты», кроме путешествий, стали два раза в год проводить в живописных местах, на озерах, слеты моторизованных туристов. Мы пошли дальше. По согласованию с областным Советом по туризму и экскурсиям, слеты мототуристов стали проходить на туристических базах Свердловской области. Путевки на базы приобретали профсоюзные комитеты на предприятиях, где работали или учились участники. Все соревнования, устраиваемые в рамках слетов, проводились на дорожных мотоциклах со стандартными шинами. На большинстве машин были установлены багажники: команды должны были везти с собой сложенную палатку и дрова для костра. Соревнования подобного рода устраивались часто, что естественно повышало водительское мастерство участников. Слеты не ограничивались лишь

Свердловская команда-победительница II слета «Друзья ЯВЫ» в Кишиневе

«Мотоков». По условиям соревнований в них участвовали только союзные республики, города Москва и Ленинград. Представитель «Мотокова» Ян Бузек, ознакомившись с отчетами о путешествиях по маршрутам Свердловск—Шушенское—Владивосток (рук. И. Мигачева), Свердловск—оз. Байкал (рук. А. Волков), Свердловск—Средняя Азия (рук. И. Мигачева), Свердловск—Рига—Львов—Кишинев—Одесса—Казань (рук. Б. Филимонов) и о других походах на мотоциклах «ЯВА», допустил свердловчан к первому слету «Друзья ЯВЫ» в Одессе. На втором слете география участников значительно расширилась. Дружная команда Свердловского областного Совета по туризму и экскурсиям стала победителем на туристской «полосе препятствий» и получила приглашение посетить завод «ЯВА» лично от его директора Ольдржиха Станека.

Мотоциклистки на слете «Друзей ЯВЫ». 1972 г.

Желающих попасть на местные слеты мототуристов, где проходил отбор лучших в сборную команду, было много. Не требовалось никакой агитации, достаточно было приехать на «упакованной», обклеенной фирменными наклейками «ЯВЕ», в фирменной же майке и шапочке на ул. Пушкинскую, где вечерами собирались «явисты», дать о себе информацию — и появление новых мототалантов было гарантировано. В отличие от прибалтийских команд мотоциклистов, приезжающих на слеты «Друзья ЯВЫ» всегда одним составом, за команду свердловчан в разное время выступили двадцать шесть человек.

Годы пролетели быстро. Казалось бы, недавно были торжества по случаю выпуска миллионного мотоцикла

Дорога на озеро Байкал. 1970 г.

«ЯВА» для Советского Союза, 50-летний юбилей марки «ЯВА», а юным, отчаянным фанатам мотоцикла — уже под 70, и у завода-изготовителя очередная круглая дата. Но любовь к «ЯВЕ» не стареет! Ныне здравствующие ветераны-«явисты» создали своеобразный клуб «Старушка ЯВА», члены которого являются владельцами более тридцати машин «ЯВА» разных моделей и годов выпуска. Наибольший интерес представляет «ЯВА ПЕРАК», тайно разработанная конструкторами завода во время немецкой оккупации и сразу после войны (1946 г.) запущенная в производство. Есть у любителей этой марки и мопеды 50-х годов, и мотоцикл «ЯВА-500» для ледовых гонок. На таких машинах советские гонщики много раз становились чемпионами мира. Любители собирают все, что связано с чехословацкими мотоциклами: литературу, журналы, вымпелы, значки, нашивки, наклейки с символикой «ЯВЫ». Есть у собирателей фототека, дипломы и грамоты, накопительные справки, квалификационные книжки, подтверждающие успехи Свердловского клуба мототуристов — нет только места, где можно демонстрировать эти экспонаты.

Кстати сказать, активный член клуба «Старушка ЯВА» А. Половников только что побывал на предприятии «ЯВА» в г. Тынец над Сазавой. Ситуация с «ЯВОЙ» аналогична нашему знаменитому ирбитскому «Уралу»: есть интересные новые модели, но нет покупательского спроса.

В клубе «Старушка ЯВА». 2008 г.

Инна ГЛАДКОВА

иллюстрации подготовил Эдуард Гильман

Как Менделеев не ко двору пришелся

Память избирательна: и старожилы многое за-
памятовали, а новое поколение просто не знает эти
имена. Люди, о которых хочу рассказать, приезжали в
наш город, в наш край, в основном по своим профес-
сиональным делам. А знакомством с ними я обязана
своей профессии. Долго работала репортером радио
и телевизионных «Новостей», которые должны были
раньше газет сообщить в
утреннем или вечернем
эфире: что за гость или го-
сти прибыли к нам и чем
они интересны. Отсюда
встречи с космонавтами,
выдающимися учеными,
рабочими-«кулибинами»,
изобретателями, музыкан-
тами, художниками, арти-
стами, писателями нашей
страны и зарубежья. Таких
интервью за годы работы
на Государственном радио
и телевидении собралось
много. Этот авторский зву-
ковой и видеоархив, конечно
же в разрозненном виде,
должно быть, еще «жив» в
фондах бывшей СГТРК. Од-
нако доступа к нему у меня
теперь нет, да и жив ли он
на самом деле? Но все же
кое-что я сумела сберечь.
Это немногие аудиокассеты,
дневниковые записи того
или о том, что оставалось за
кадром: каких-то встреч, а также несколько дорогих
мне фотографий и автографов.

Но бывали, конечно, у нас весьма любопытные го-
сти и «до моей эры», о них, вчитываясь в архивные
документы других веков, я тоже хочу вспомнить.

Раньше (кто помнит советское время) как отмечали
приход Нового года? — Да, как и теперь — с пышными
елками, ледовыми городками, фейерверками... Толь-
ко гуляли скромнее: застолья и похмелья затягивались
не на две недели, а только на два-три дня...

Не был исключением и Новый 1985 год. Уже с 5-го
января столица Урала окунулась «в трудовые будни». И
совпало то начало года с приездом в наш город че-

ловека, популярность которого была без преувеличе-
ния звездной. Конечно же, слава на него «не с дуба
рухнула». Личность поистине легендарная: писатель,
журналист-международник, издатель, сценарист — и
это все о нем. Достаточно сказать, что он автор сце-
нариев телесериалов «ТАСС уполномочен заявить»,
«Огарева, 6», и бессмертной киноэпопеи «Семнад-
цать мгновений весны». Думаю,
многие узнали: в наш город прие-
хал сам Юлиан Семенов.

К тому сроку Союз писателей
РСФСР и производственное объе-
динение Уралмаш подвели итоги,
помнится, пятого традиционного
литературного конкурса на луч-
шее героико-приключенческое
произведение минувшего года. И
золотую памятную медаль имени
легендарного разведчика Нико-
лая Ивановича Кузнецова жюри
единогласно присудило Юлиану
Семенову — за цикл романов
под общим названием «Альтер-
натива», объединенных общим
героем разведчиком Исаевым-
Штирлицем. Кроме того, писа-
тель был удостоен еще одной
высокой награды — Комитета Гос-
безопасности СССР — как один
из создателей многосерийного
телефильма «ТАСС уполномочен
заявить».

Процедура награждения
проходила во Дворце культуры
завода при переполненном зале. Книг Юлиана Семенова, хотя они выходили многотысячными тиражами (были годы хорошего читательского бума), практически достать было невозможно. Эта встреча автора с читателями, зрителями, инженерами, рабочими, где некогда трудился и знаменитый советский разведчик Николай Кузнецов, осталась в легендах завода. Писателя завалили живыми цветами, хотя стояли жестокие морозы. Их он оставил у портрета Героя в комнате-музее — еще было в то время такое священное место в здании заводоуправления.

Приведу строки из интервью Юлиана Семенова журналисту телевидения и радио:

«Обе премии — имени Николая Кузнецова и премия Чекистов, мне, конечно, очень дороги. Потому что Кузнецов — это человек, про которого я много пытался рассказывать по телевидению, черты которого, конечно же, вошли в образ Штирлица. В общем-то, они вошли в какой-то мере и в образы Константинова и Славина в «ТАСС уполномочен заявить», то есть: высочайшая компетентность, доброта, уверенность в правоте своего дела. Вот эти компоненты и рождают, как вам сказать, определяющую черту человека «щита и меча».

Особенно хочу подчеркнуть, что мне очень приятно получить премию на Уралмаше, что это — премия рабочая, и мне это дорого. Одно дело, когда твою работу как «политические хроники» отметили чекисты — что бесконечно приятно, но когда к этому присоединяется и рабочий класс Уралмаша, это, я считаю, обязывает к продолжению поиска себя — я все еще пытаюсь себя искать в этом жанре. Мы еще не старые отнюдь!» — добавил он с хитрой улыбкой.

Видеоматериал о том событии от 5 января 1985 года сохранить не удалось, а вот аудиопленку с его голосом бережно храню, как и книгу Юлиана Семёнова с его автографом.

Дмитрий Иванович Менделеев прибыл к нам в июле 1899 года. На склоне лет он предпринял на Урал далеко не праздное путешествие. В Екатеринбурге бывал, конечно, и раньше, но поездками, так как родился в Тобольске — там жила его многочисленная родня. Но в этот раз, имея поручение министра финансов Сергея Юльевича Витте, Менделеев должен был произвести серьезную ревизию уральских заводов и дать ответ: почему они в глубоком кризисе?

В первый же день и час пребывания в нашем городе с великим ученым произошел на первый взгляд странный случай: его здесь как будто бы и не ждали. Приехав, прямо с железнодорожного вокзала поспешил, как и следовало, в резиденцию Главного начальника Уральских горных заводов Павла Петровича Боклевского (сегодня в этом здании на Набережной спецполиклиника). А дворецкий ему: «Их превосходительство сегодня на загородной даче!» Находилась она на противоположном берегу Исетского городского пруда, там, где построен стадион игровых видов спорта. Взглядом — рукой подать, но дорога шла в объезд. Менделеев вознице: «Поворачивай, братец, едем на дачу!» Но и там Боклевского почему-то не оказалось. А ведь он был осведомлен о приезде, знал, что не простого человека из Петербурга посылают к нему с инспекторской проверкой.

Имя Менделеева в то время было широко известно не только в России. Да и у нас любой гимназист уже знал хотя бы о Периодической таблице химических элементов. Но Менделеев был ученым широчайшего кругозора. Ему принадлежала идея получать из угля под землей горючий газ. Имеются труды и в области металлургии. Его интересовала пробле-

ма освоения Северного морского пути, он даже собственный проект ледокола предлагал. Seriously занимался вопросами поднятия, путем запруд, уровня Азовского моря. Ему принадлежит ноу-хау производства бездымного пороха, секрет которого в 1895 году российское правительство по глупости подарило американской фирме Дюпон. Ему приписывают и рецепт 40-градусной водки, хотя в его классической диссертации «Основы химии», как шутили друзья Менделеева, — не было «ни капли алкоголя»... В год приезда в Екатеринбург он возглавлял Государственную палату мер и весов.

Что в этом случае оставалось Менделееву? Подумать о ночлеге. На Покровском проспекте в Американской гостинице (ныне художественное училище имени Ивана Шадра) он снял номер и, не теряя времени, занялся работой. С 8 по 14 июля он и члены его научной экспедиции посетили ряд заводов, крупные горные карьеры, рудники. Они своими глазами видели, оценивали состояние дел в горнорудной промышленности некогда перспективного края. По итогам командировки Менделеев написал труд «Уральская горная промышленность». Его выводы были основаны не на личной неприязни к Главному начальнику Уральских горных заводов Боклевскому, а на объективных обстоятельствах. Главное — на недостаточном в те годы развитии шоссейных и первых железных дорог, которые должны бы подвозить к заводам руду и самым кратким путем вывозить готовую продукцию.

Почитаем из его доклада Николаю II раздел «Об угнетенном состоянии горнозаводской промышленности»:

«...там и развитие «гужевое»! Ухабистые проселки, изнурявшие лошадей крутыми взгорьями, превращались весной и осенью в непролазное месиво. Сведение приречных лесов привело к обмелению судоходных рек, в том числе и без того маловодной для сплава барж извилистой Чусовой...»

На этом можно было бы поставить точку, но осталась неразгаданной тайна: почему чиновник Боклевский не принял не просто ученого, а еще и очень высокого государственного чиновника? И это при том, что сам он, человек образованный, горный инженер, только заступая на важный государственный пост, уже понял многие причины кризиса «колыбели русской горной промышленности».

Потомок Боклевских в четвертом колене, уральский поэт Андрей Комлев, считает, что тому должны были быть весьма веские обстоятельства, возможно, семейного характера. И, правда — какая выгода Главному начальнику горных заводов, человеку деловому и образованному, прятаться во время ревизии, тогда как он должен был быть рядом и «выгодно сглаживать» в ходе высокого визита острые углы. Но произошло то, что произошло. К слову, на его карьере это не отразилось (ученый Менделеев был умен и незлопамятен). И Боклевский после этого еще 10 лет возглавлял Уральское горное управление.

Плюшкин. Художник П. Боклевский

И тут самое время рассказать о еще одной знаменитости Екатеринбурга и при этом вновь вспомнить имя Главного начальника Уральских заводов. Речь пойдет об отце Павла Петровича – Петре Михайло-

виче Боклевском. Этот скромного достатка рязанский помещик, весьма образованный, но не очень преуспевший по государственной службе, на склоне лет начал рисовать. И часто ездил – то в столичный Петербург к младшему сыну Константину, который стал крупным инженером-кораблестроителем, то в Екатеринбург к Павлу – старшему сыну. Садился с ним в бричку и отправлялся на дальние рудники, прииски, заводы. Петр Михайлович был талантливым рисовальщиком. Его наблюдательный глаз выхватывал из толпы колоритные лица, коими так богат многонациональный Урал. Альбомы его постоянно были полны любопытнейших портретных зарисовок. Вероятно, здесь родились многие его иллюстрации к романам, в частности, П.И. Мельникова-Печерского «В лесах»

Собакевич. Художник П. Боклевский

и «На горах». Петр Михайлович Боклевский вошел в дореволюционную российскую историю изобразительного искусства как талантливый график, создатель альбома остросюжетных литографий и рисунков к произведениям классиков XIX века. Назовем пьесы А.Н. Островского и, особо обожаемого художником, Николая Васильевича Гоголя. Цену этим сатирическим портретам знали многие известные коллекционеры, в их числе был даже «буревестник революции» Максим Горький. Сам художник так писал о своих персонажах: «Я помню их, я помню совершенно таких, я их встречал в то время, в массе, кругом. Это не карикатуры, нет, это живые люди. Теперь вы их не встретите, и вам они кажутся искусственными, но я их знал, я их видел, я жил среди них».

Ноздрев. Художник П. Боклевский

Лариса ЕЛТЫШЕВА,
фото предоставлено автором

Кожевенник Чуватов

Купеческий род Чуватовых появился на Кунгурской земле в XVIII веке. Первыми по ревизским сказкам упоминаются Трофим Гаврилович Чуватов (1691–?) с сыном Иваном (1712–?) и Сидор Петрович Чуватов (1709–?). Сыновья последнего занимались кожевенным ремеслом. Внук Иван Иванович Чуватов (1757–?) уже в начале XIX века имел небольшой кожевенный завод с двумя чанами в собственном деревянном доме на Фроловской улице в Успенском приходе. Орудовали двое рабочих, и в год выдывалось до 100 кож.

Племянник Ивана Ивановича – Никандр Васильевич Чуватов (1796–1839) жил в I части города в Успенском приходе на Фроловской улице в деревянном доме со службами, амбаром и конюшнями. В 1837 году он основал свой кожевенный завод, где не только выдывали кожи, но и впоследствии шили обувь. С женой Пелагеей Васильевной они воспитали сыновей Павла (1822–?) и Степана (1823–до 1878).

Повзрослев, Павел и Степан на усадьбе отца возвели еще один дом. После смерти отца они стали владельцами кожевенного завода. Павел Никандрович с женой Екатериной Степановной имели сына Алексея (1844–1902). В 1868 году заводом владели купец второй гильдии Степан Никандрович Чуватов и его племянник Алексей Павлович. После смерти Степана управлять заводом стал его племянник.

При Алексее Павловиче Чуватов началось расширение производства. Выдывали кожи и шили обувь. Мужскую и женскую, «простонародную» и приисковую – для Восточной Сибири. Торговлю и прием заказов вели

Алексей Павлович Чуватов

Павел Алексеевич Чуватов

в Кунгуре и в представительствах на Ирбитской, Нижегородской, Крестовоздвиженской ярмарках. За успехи, достигнутые в развитии кожевенного и обувного производства, фирма А.П. Чуватова не раз награждалась медалями на различных международных и российских выставках. В 1865-м на выставке в Москве была получена медаль «За трудолюбие и искусство». 1867-м – на выставке в Париже фирма удостоилась памятной медали. За участие в мануфактурной выставке в С.-Петербурге в 1870 г. Чуватова наградили именной медалью. Потом была медаль Императорского общества любителей естествознания Московского университета; Большая золотая – на международной выставке в Вене; большая золотая и Большая серебряная – в Москве в 1883 и 1891 годах.

Кожевенный завод и дома семьи Чуватовых располагались на Фроловской, Мало-Кожевенной и Заозерской улицах Кунгура. В 1877-м на Фроловской улице завершилось строительство двухэтажного каменного дома, куда и переехал купец вместе с семьей.

Алексей Павлович много делал на пользу городского общества. Он был директором общественного банка Фоминых, членом Пермской казенной палаты и Кунгурской санитарной комиссии, гласным Кунгурской городской Думы. Кожевенника избирали Почетным попечителем третьего городского начального народного училища женской гимназии и Кунгурского технического училища. В составе комиссии купцов и почетных граждан он ездил в Москву с ходатайством о финансовой помощи в строительстве моста через Сылву.

Реклама кожевенного завода Чуватова

С 1887 г. Чуватов служил старостой Скорбященской церкви. За заслуги по духовному ведомству и за пожертвования на храм Святейший Синод наградил его золотой медалью на Станиславской ленте — для ношения на шее.

В конце XIX в. дела Чуватова стали ухудшаться. В 1896-м во время пожара сильно пострадало одно из домовладений. Сгорели деревянные корпуса, оцениваемые в 3000 рублей. Сокращалось количество заказов на обувь. Фирма оказалась на грани банкротства. Возможно, и это повлияло на скоростижную смерть А.П. Чуватова 8 февраля 1902 г. во время поездки на Ирбитскую ярмарку. Тело было предано земле в ограде Скорбященской церкви. В панихиде участвовало все городское духовенство. Среди соболезнований, направленных в адрес семьи Алексея Павловича, была и телеграмма от епископа Пермского Петра. В 30-е годы XX века Скорбященский храм был разрушен, останки купца и его старшей дочери Ольги были перезахоронены младшей дочерью Екатериной Алексеевной Лисинской на кладбище Всесвятской церкви в Кунгуре.

После смерти купца предприятие унаследовали его сыновья Павел и Иннокентий. Производство на заводе стало сезонным. В полную нагрузку предприятие работало только с октября по июнь.

В 1919 году комплекс кожевенного завода был муниципализирован. Усадьбу со всеми постройками передали в аренду сельскохозяйственной кооперации. Здесь открылся небольшой кожзавод Кунгурского промкредсоюза. Через несколько лет здания передали колонии № 2. Во второй половине XX века часть бывших заводских построек была снесена для строительства пятиэтажных домов.

Из всей некогда большой семьи Чуватовых в 30-е годы XX века в Кунгуре жила Е.А. Лисинская с мужем и ее племянницы. Купеческий род Чуватовых продолжается.

ГОЛИЦЫНА Н.И., авт. воспоминаний, хозяйка лит. салона.

Содерж. лит. салон в 1810-х гг. Оставила воспоминаний о польском восстании 1830-1831 гг. Опубликованы в кн.: «Война женскими глазами: Русская и польская аристократика о польском восстании 1830-1831 года» М., 2005.

Аронсон, М., Рейсер, С., с.333.

ГОЛИЦЫНА Ольга Дмитриевна (урожд. княжна Голицына; 1893 — 1994)

Род. в Подольске Московской губ. Общ. деятель, благотворительница. Мать историка Г.В.Голицына. В 1918 эмигрировала в Японию. Затем обосновалась в Париже. Во время второй Мировой войны участвовала в Сопротивлении. В 1944 была арестована и отправлена в лагерь, по дороге бежала. Много лет оказывала помощь Русской консерватории в Париже, сотрудничала в Русской гимназии. Награждена золотой памятной медалью Версаля. Авт. (?) ром. «Анна». Париж, 1946. РЗФ.

ГОЛИЦЫНА Прасковья Андреевна (урожд. Шувалова; 1767 — 1828), писательница.

Дочь сенатора и статс-дамы. В 17 лет была взята ко двору. Была искусной танцовщицей, писала на франц. яз. стихи и прозу. Особую популярность получил ее ром. «Мелиза», дважды напечатанный без имени автора. По словам биографа, Г. пер. несколько глав «Евгения Онегина» на франц. яз., но перевод остался в рукописи. Была хозяйкой петерб. и загранич. салонов. В ее париж. салоне собиралось лучшее русское и франц. об-во. Здесь В. Скотт встретился с Ф. Купером. Дочь писателя С.А. Купер вспоминала, что Г. была «искусной сочинительницей записок, полных светского красноречия, но написанных чрезвычайно неразборчиво».

Слов. рус. писательниц; Черейский.

ГОЛИЦЫНА Софья Алексеевна (урожд. Корсакова; 1843 — 1858 ?), издательница.

Правнучка (по матери) духовника Петра 1, протоиерея Т.В.Надаржинского и наследница его значит. состояния. Жена харьковского губ. предводит. дворянства В.П. Голицына. Занималась литературой и живописью. Вместе с И.Е.Бецким основала и издавала альм. «Молодик» (1843-44). Покровительствовала писательнице М.С. Жуковой (см), посвятившей ей свои «Вечера на Карповке».

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГОЛИЦЫНА кн. Софья Петровна (урожд. Балк-Полева; во втором браке гр. Беннингер д Эрневиль; 1804 — 1889), поэтесса.

Авт. «Послания к князю П.И. Шаликову», кот. отвечал ей в «Собрании новых рус. стихотворений». СПб., 1824. Ч. 1.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГОЛИЦЫНА Татьяна Васильевна (урожд. Васильчикова; 1782 — 1841), авт. воспоминаний.

Сестра троих братьев-генералов, участников войн с наполеоновской Францией. Жена кн. Д.В. Голицына. Жила с мужем в имении Рождественно, любила цветы, занималась садом, построила оранжерею с диковинными растениями, была учредителем об-ва садоводства. Ее погребением в Москве был основан дом трудолюбия, учреждены сиротские училища. Авт. воспоминаний «Расказы бабушки». Л., 1989 ?

Венгеров. Источ.

ГОЛИЦЫНА Татьяна Ивановна (урожд. Стрешнева).

Слов. рус. писательниц.

Продолжение в следующем номере.

Юрий КЛЮШНИКОВ,
фото из библиотеки журналов «Уральского следопыта»

Туринская бумага

В фондах тобольского филиала Тюменского государственного архива (ТФТОГА) хранится любопытный документ – донесение туринского городиничего в Омск генерал-губернатору Западной Сибири князю П. Горчакову о том, что в 1850 г. «петербургский литератор господин Николай Алексеев Некрасов, за коим учрежден негласный полицейский надзор, приезжал в Туринск, как он известился, по делам журнала и посетил Туринскую писчебумажную фабрику».

Чем привлекла великого русского поэта, редактора-издателя «Современника» – лучшего прогрессивного журнала России 50–60-х годов XIX века – бумажная фабрика провинциальной «глубинки»?

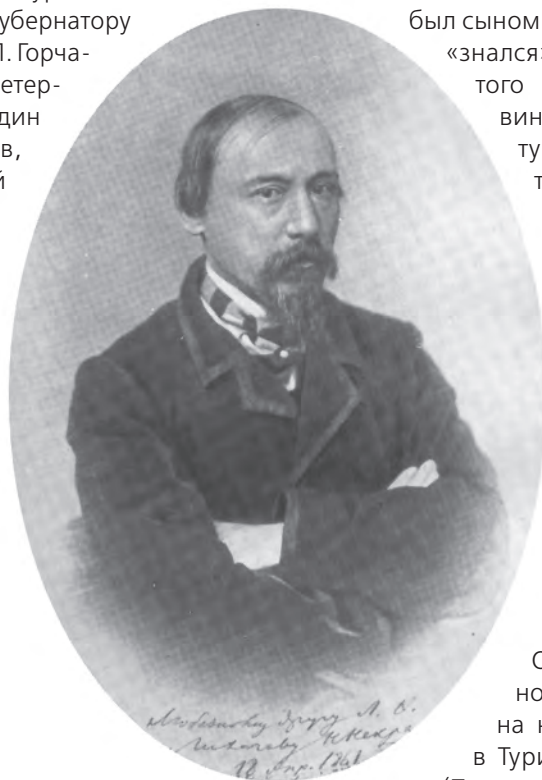
Первая на Урале

Основанная в 1760 году купцом Осипом Коноваловым на реке Таборинке в 6 верстах от уездного центра, Туринская бумажная фабрика – первоначально мануфактура – была первой на Урале. На протяжении столетия она находилась в центре прогрессивных литературных течений. Прежде всего, благодаря владельцам – людям передовых убеждений, друзьям литераторов, составляющих славу России. В XVIII веке ее продукция высоко ценилась, наряду с Россией, в Джунгарии, Китае, Монголии, куда ее привозили бухарцы тобольской торговой колонии.

В конце 80–90-х годов XVIII века предприятие перешло от разорившегося Коновалова к такому же неудачнику купцу Колмагорову, а от него к верхотурскому горнозаводчику М. Походяшину. После смерти хозяина фабрикой владел его сын Григорий – ближайший друг и идейный соратник выдающегося русского книгоиздателя-просветителя Н.И. Новикова. На туринской бумаге печатаются издания новиковской Типографической компании антикрепостнической направленности.

Затем появился новый владелец – пермский губернский прокурор, мастер масонской ложи Золотого ключа И. Панаев. Уроженец Туринска, он был сыном туринского воеводы, который «знался» с лучшими литераторами того времени – поэтами Г. Державиным, И. Дмитриевым, драматургом Я. Княжниным. Теперь туринская бумага идет на печатание части тиража первых урало-сибирских книжных изданий тобольских книгоиздателей Корнильевых. В 1791 г. туринский мещанин Панкратий Платонович Сумароков (внучатый племянник известного поэта и драматурга А. Сумарокова), дворянин и бывший корнет лейб-гвардии Преображенского полка, выполнил перевод английской повести «Училище любви». Она была самой первой печатной книгой на Урале. Напечатана на бумаге с водяным знаком в Туринской фабрике Походяшина (Туринск тогда входил в Тобольскую губернию).

В 1793 г. тот же Сумароков использует туринскую бумагу для издания в типографии Корнильевых журнала «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная» – тоже одного из первых уральских изданий подобного рода. На печатном оборудовании, закупленном еще М. Походяшиным, И. Панаев – сам талантливый писатель, открывший путь в литературу драматургу Д. Фонвизину, распространитель новиковских книг в Туринске, издает на фабрике собственные сочинения масонского толка. Документы фонда И. Панаева в Госархиве Пермской области (ГАПО) говорят о попытке сына туринского воеводы издать сочинения своего опального петербургского знакомого А. Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Речь шла о задуманной им поэме «Бова», оде «Вольность», «Слове о Ермаке», обзоре экономической, политической и культурной жизни Урала и Сибири, где «бунтовщик хуже Пугачева», по выражению императрицы Екатерины Второй, выступал за народную

Н.А. Некрасов

Туринск начала XIX в.

революцию. Внезапная смерть отца Панаева — туринского воеводы, оборвавшая финансовую поддержку издания, а также гонения на масонов и ужесточение цензуры остановили дело. Но проект был достаточно впечатляющ.

Очередной владелец фабрики — правнук туринского воеводы поэт и чиновник Владимир Панаев, знакомый ссыльного декабриста И. Пущина — снабжает Ивана Ивановича информацией о «многих старых приятелях и лицейских товарищах» дворянского революционера. Передает по просьбе ялutorовского декабриста И. Якушкина через посредничество Пущина с туринской фабрики писчую бумагу и бумагу для оклейки стен якушкинским приходским училищам, где учились дети беднейших сословий, в том числе крестьянские. Но, конечно, не только демократические традиции фабрики, близкие Некрасову, привели автора поэмы «Кому на Руси жить хорошо» в городок на Туре.

«Пришлось по уши въехать в хлопоты»

В 40-х годах XIX века владельцем туринской фабрики стал соиздатель «Современника» русский писатель и журналист Иван Иванович Панаев, писавший повести, критически изображавшие светскую жизнь, сатирические очерки. С тех пор и до смерти Панаева в 1862 году туринская фабрика являлась значительным материальным источником существования журнала, где, как мы знаем, печатались произведения Тургенева, Льва Толстого, Гончарова, Достоевского, Григоровича и др. С фабрики поступали средства и бумага для издания «Современника». Но нехватка денег все больше лихорадила журнал, особенно в условиях ужесточения цензурных гонений против революционно настроенных сотрудников и авторов журнала. А туринская фабрика приносила доходов все меньше и меньше.

Поскольку Панаев, по его собственному признанию, был не способен «вести хозяйственную

часть», Некрасов, весьма умелый коммерсант, решил сам, как он выразился, «энергически взяться за дело» — лично разобрататься с обстановкой на панаевской фабрике, имея на руках доверенность хозяина. По словам А. Панаевой, гражданской жены Некрасова, Николай Алексеевич говорил сотрудникам своего журнала: «Поездка моя была полезна для «Современника». Фабрика вступила в хорошее управление и обнаруживает себя в хорошем свете. Устранив беспорядочность по счетной ча-

сти, я устроил дело так, что оно отныне не зависит ни от каких случайностей или чьей-либо личной безалаберности, для чего пришлось по уши въехать в хлопоты. Зато теперь деньги из Туринска будут получаться для «Современника» регулярно, и немалые. Журнал будет печататься отлично, на отличной туринской бумаге. Не придется теперь прибегать ко всевозможным изворотам и ограничениям издержек, чтобы к концу года не пришлось плохо».

Обращаясь к И. С. Тургеневу, постоянному автору «Современника», с просьбой «прислать, что у Вас написано», Некрасов соблазнял создателя «Записок охотника», что его сочинения будут печататься в «Современнике» «на отличной туринской бумаге». Как видно из финансовых отчетов «Современника» за 1850 г., Некрасов действительно расширил производство писчебумажной фабрики. Во время поездки наметил, какое оборудование следует заменить на более производительное, что и было затем сделано. Отстранил от управления фабрикой родственницу И. Панаева как не способную энергично вести дела. Приискал в Туринске и назначил управляющим оборотистого, деятельного предпринимателя, посоветовавшись по кандидатуре с местными заводчиками.

Туринская поездка не ограничилась коммерческими интересами. Судя по донесению туринского градоправителя западносибирскому генерал-губернатору, Некрасов в Туринске осмотрел дома декабристов Ивашева и Басаргина, памятник на могиле Ивашева на городском кладбище, беседовал с местными жителями о их жизни, материальном положении. Особый интерес проявил к государственным преступникам, туринским дворянским ссыльно-поселенцам, осужденным по делу 14 декабря 1825 года. По словам А. Панаевой, хорошее впечатление у Некрасова осталось от встречи с А. Бригеном, членом Союза благоденствия и Северного общества декабристов. В архиве Н. Фонвизиной-Пущиной в Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук России хранится письмо (публикуется впервые), по-

меченное ноябрем 1850 г., где Бриген сообщал из Туринска в Тобольск тобольскому ссыльному «любезному Михаилу Александровичу Фонвизину»: «Мне доставило удовольствие беседовать с Некрасовым, который приезжал ненадолго по делам на Туринскую бумажную фабрику. Много полезно узнал от него о делах «Современника» и состоянии русской литературы. Я же признался ему, что за усердие мое к пользе службы и за правоту мою нажил себе только врагов и неблагоприятное положение генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова. Не довольствуясь таковою несправедливостью, курганский городничий отозвался обо мне в рапорте к начальнику губернии, что я человек беспокойный, занимающийся интригами (какими?), в коротких отношениях с людьми безнравственными (с кем?) и поведения нетрезвого (чистая ложь, что подтвердят все, знающие меня). Как человек честный, добрый и умный, Некрасов сочувственно отнесся к моему положению и поддержал мою решимость искать защиты в Петербурге».

По словам Бригена, Некрасова заинтересовал рассказ декабриста о пелымской ссылке знаменитого фельдмаршала Миниха, «мужа, который оказал столь великие и бессмертные услуги Отечеству», и фаворита императрицы Анны Иоанновны герцога Бирона. Николай Алексеевич предложил Бригену даже написать статью в «Современник» на эту тему на основе материалов, собранных декабристом за время своего предыдущего поселения в Пелыме.

«Друзей неведомых и нежных»

Еще раз Туринск напомнил о себе уже смертельно больному поэту в последние годы его жизни. Известный уральский краевед А. Брылин из г. Артемовского Свердловской области, занятый изысканиями по литературной карте Урала, сообщил мне такой факт: одним из подписавших телеграмму великому поэту 17 февраля 1877 г. из Ирбита был житель Туринска Ефремов. «Просим Вас сказать Некрасову, – говорилось в этой телеграмме на имя редактора журнала «Новое время» А. Суворина, публиковавшего в своем журнале некрасовские «Последние песни», – что его обутая широким лаптем муза мести и печали давно протоптала глубокую тропу в наши простые сердца, пусть он выздоравливает и доскажет нам, кому живется весело и вольготно на Руси и почему

умирают и собираются умирать наши лучшие надежды».

Ирбитская телеграмма вместе с другой – сибирской – настолько взволновала Николая Алексеевича, что он, по его собственному признанию в дневнике, «хотел сделать на это намек в стихотворении «Баюшки-баю» – и было там четыре стиха:

*И уж несет от дебрей снежных
На гроб твой лавры и венец
Друзей неведомых и нежных
Хранимый богом посланец.*

Та же ирбитская телеграмма, вместе с «сибирской», подтолкнула мысль поэта написать поэму о беглом в Сибири, о чем 4 марта 1877 г. он признался бывшему сотруднику «Современника», историку литературы профессору Петербургского университета А. Пыпину.

«Туринцем», подписавшим телеграмму из Ирбита вместе с прогрессивными деятелями Тюмени, Ишима, Омска, Томска, Иркутска, Нерчинска, Якутска, приехавшими на всероссийскую ирбитскую ярмарку, был Петр Александрович Ефремов (1830 – 1907) – библиограф и историк русской литературы, сотрудник «Современника» с 1857 г. и секретарь Литфонда. Как раз в ту пору он был командирован в Туринск на писчебумажную фабрику: местная бумага продолжала поступать на сей раз для издания журнала «Отечественные записки»,

П.А. Ефремов

арендованного Некрасовым у А. Краевского после закрытия «Современника». Ефремов по заданию Некрасова должен был договориться на месте о возможности увеличения поставок бумаги для «Отечественных записок» и по умеренной цене. Поскольку из-за тяжелой болезни Некрасов не мог сделать этого сам, а И. Панаева к той поре уже не было в живых.

Одновременно Ефремова просили написать для «Отечественных записок» статью о Ирбитской ярмарке. Вот почему «приезжий туринец», уладив дела на писчебумажной фабрике, оказался еще и в Ирбите. Познакомившись там с прогрессивно настроенными людьми из разных городов Сибири, Ефремов поведал им о неизлечимой болезни (рак прямой кишки) «гениальнейшего и благороднейшего из всех русских поэтов» (выражение Н. Чернышевского) и предложил поддержать душевные силы поэта ободряющей телеграммой. Согласие было полным.

В знак солидарности Ефремов поставил и свою подпись, назвавшись «Ефремовым из Туринска».

Картинка с выставки

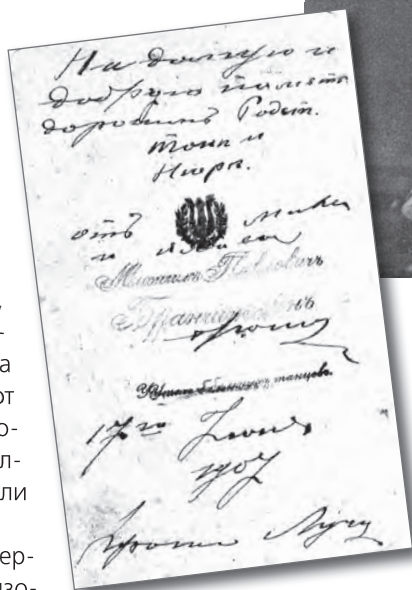
Несколько лет назад в музее изобразительных искусств Нижнего Тагила была устроена уникальная фотовыставка «И целый век в одном мгновении», о которой вспоминают и говорят до сих пор. Около 500 снимков крупного формата, с трудом уместившихся в немаленьком зале, составили впечатляющий рассказ о тагильчанах первой половины XX века. Пять сотен мгновений слились воедино, и посетители выставки смогли мысленно перенестись в незнакомое многим прошлое. Это трогало, молчаливые портреты наших предков тревожили души зрителей.

Организатор выставки, известный фотограф и краевед Иван Трофимович Коверда, проделал колоссальную работу, долгие годы по крупицам собирая материалы и восстанавливая пожелтевшие, выцветшие и потрепанные кадры. Найти старые фотографии — задача нелегкая. За годы войн и других бедствий, пережитых нашей страной, уничтожено огромное количество фотокарточек, негативов, альбомов.

К счастью, погибло не все. Иван Трофимович настойчиво вел поиск — в музеях, государственных и частных архивах, расспрашивал знакомых, просил показать пусть даже совсем ветхие фотокарточки — в руках опытного мастера они преображались. Несколько снимков он взял и у меня. Одна небольшая карточка-визитка (размер 7 на 12 см) особенно ему понравилась, была увеличена до почти метрового формата и помещена в зале на видное место. Да вот беда — я не знал, кто на ней изображен, поэтому после недолгих раздумий снимок назвали просто: «Парочка».

На обороте визитки есть чернильный оттиск штемпеля с изображением лиры и надписью: «Михаил Павлович Бранштейн», и отдельной строчкой: «Учитель балльных танцев». От руки написано: «На долгую и добрую память дорогим родст. Тоне и Нюре от Мики и Алисы. 17-го июня 1907».

Придуманное название неплохо подходило к лирической сцене, снятой в фотоателье сотню лет назад. И все же хочется узнать, кто же эта красивая грустная женщина, похожая на героинь повестей Лескова или драматических произведений Александра Николае-

вича Островского. Кто молодой человек с гармонью в руках рядом с ней, что за форма на нем?

Как снимок попал в семейный архив, мне неизвестно. Немногочисленные родственники ничего рассказать не смогли. Тоня — возможно, сестра моей бабушки Антонина Герасимовна Кожевникова. Остальные имена незнакомы.

Может быть, краеведы, читатели «Уральского следопыта» знают, где, в каком городе находилась школа балльных танцев Бранштейна (Бранштейна), и напишут в редакцию? Гармоника в руках темноглазого красавца — явно реквизит ателье, значит, по другим подобным снимкам с «гармонистами» реально установить фотографа и место съемки. Карточки обычно заказывают в нескольких экземплярах — стало быть, есть некоторые шансы, что изображение «парочки» хранится еще в чьем-нибудь альбоме.

Родонит — именитый уральский минерал

*Надо отдать природе справедливость,
что при созерцании ее возникают в душе
человека самые возвышенные, чистые,
светлые чувства, высокие помыслы.*

Солоухин В. А.
Цивилизация и пейзажи.

«Ископаемые вещества порождает природа, и они приносят роду человеческому многообразную и необходимую пользу, я уже не говорю об украшении жизни» (Агрикола, 1556).

Итак, мы приступаем к знакомству еще с одним почтенным минералом, который долго таила уральская земля.

Речь пойдет об уральском орлеце, первое упоминание о котором содержится в «Описи месторождений цветных камней по Уралу 1792 – 1797 гг.», хранящейся в Государственном архиве Свердловской области. В этом документе сообщается о находке, которая была сделана «при сосновом и березовом лесу на ровном месте» близ деревни Малой Седельниковой, расположенной в 27 верстах к югу от Екатеринбурга.

Никита Партин – житель названной деревни – заявил управляющему Екатеринбургской гранитной фабрики «шпат или орлец малинового цвета с черными железистыми прожилками и пятнами, изредка желтыми».

Камень сразу же привлек к себе внимание. Впервые орлецовые копи упоминаются в 1798 г. в «Первых основаниях минералогии» академика М.В. Севергина. А начиная с XIX в. название небольшой уральской деревеньки Малое Седельниково становится известным минералам всего мира.

Немного из минералогии: родонит – один из наиболее ценных уральских камней, традиционно используемый в качестве поделочного, наряду с малахитом и яшмой. Само название «родонит»

появилось только в 1819 г. – так немецкий минералог Янге назвал малиново-красный силикат марганца. На Урале же изначально родонитовую породу называли орлецом и только после 1837 г., когда Г. Розе определил в ней наличие родонита, стали употреблять новое название. Оно происходит от греческого слова «родон» – роза. Ныне выразительное, исконно уральское название «орлец» хотя и дожило до наших дней, но, к сожалению, применяется в обиходе очень редко, а жаль...

Помимо собственно родонита, на долю которого приходится не менее половины общего объема, в орлеце – родонитовой породе из различных месторождений Урала, мы находим более 30 различных, преимущественно марганцевых минералов: тейфройт, спессартин, родохрозит, сонолит, алабандин и др. Из немарганцевых назовем: кварц, пирит и др.

Сочетание различных минералов определяет своеобразную цветовую гамму орлеца – от розовых, малиновых, коричневых, желтых и черных тонов – и создает неповторимость рисунка в каждом образце. Особо следует отметить оксиды и гидроксиды марганца, которые придают родонитовой породе – орлецу – необыкновенный рисунок.

С момента открытия и вплоть до 1917 г. Малоседельниковское месторождение являлось собственностью императорской фамилии и поэтому все вопросы, связанные с его разработкой, находились в ведении Кабинета его императорского величества. Непосредственное же руководство работами на месторождении было возложено на дирекцию императорской Екатеринбургской гранитной фабрики. Здесь на протяже-

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

фото: В. Голькина

нии 150 лет добывали огромные цельные блоки этого камня. Мастерские извлекали бережно и как можно в больших кусках. Здесь же был добыт и самый крупный монолит родонита, вес которого достигал 2850 пудов, или 45,6 т (он был добыт в 1869 г.). Почти 20 лет он пролежал нетронутым, и только в 1888 г. было принято решение изготовить из него саркофаг императрицы Марии Александровны (1824–1880), жены императора Александра II. Предварительная, черновая обработка камня была проведена в Екатеринбурге, а окончательная доводка – в Петергофе. Рисунок саркофага выполнил архитектор А. Гунн. Окончательный вес каменного надгробия, под которым покоятся царские останки (установлен в Петропавловском соборе в 1906 г.), около 6,5 т (680 пудов). Размер 1,79 x 1,14 x 0,87 м.

В музейных фондах города на Неве можно найти еще много ценных вещей, сделанных русскими мастерами из родонита. В Эрмитаже находится знаменитая овальная ваза весом 120 пудов. Ее высота 85 сантиметров, диаметр – 185. Всемирно известны родонитовые торшеры высотой 280 см, украшающие парадную лестницу Эрмитажа.

Родонит необычайно популярен в камнерезном деле; из него изготовлены уникальные произведения искусства, хранящиеся в российских и зарубежных музеях, а также в частных коллекциях. В каждом из них сочетание родонита и сопутствующих ему минералов создает абсолютно неповторимый рисунок.

фото: В. Голькина

Так, уральские мастера изготовили великолепный памятник из родонита на могилу французского писателя Анри Барбюса, который был установлен в Париже на кладбище Пер-Лашез недалеко от стены Коммунаров.

Родонит использовался также при отделке колонн станции «Маяковская» Московского метро. Но кроме таких масштабных изделий, его применяют и в ювелирной работе. Богатая палитра оттенков родонита, от розового, вишневого до малинового, с переходом в буроватый, позволяет создавать настоящие ювелирные шедевры. При общей непрозрачности этот камень обладает приятным просвечиванием, которое придает ему глубину и особенную сочность тонов. А тонкие ветвящиеся черные прожилки образуют на розовом фоне сложные и красивые рисунки и узоры.

Количество черных прожилок может быть разным; когда их немного – они создают особый интересный рисунок, если же их будет очень много, то они испортят красоту камня.

Уральский орлец (родонит) связан с марганцевыми месторождениями, приуроченными к вулканогенно-осадочным породам. Основная часть родонитовых месторождений Среднего Урала (Малоседельниковское, Кургановское, Бородулинское и др.) локализованы в породах силурийского возраста.

Как писал А. Е. Ферсман еще в 1922 г.: «Ни одно месторождение мира не может соперничать с месторождением орлеца близ деревни Седельниково на Среднем Урале, откуда в течение более чем 150 лет получали огромные блоки этого камня». Но ничто не вечно под лунной...

К 1981 г. Малоседельниковское месторождение было практически выработано. В 1991 г. под предлогом рекультивации колхозных земель был засыпан

карьер Большой орлецовый копи, – «варварски уничтожен памятник горнопромышленной истории Урала, уникальный объект минералогических экскурсий». (Брусницын А. И., 2000).

В Уральском геологическом музее хранится прекрасная коллекция родонита из некоторых уральских месторождений и в их числе уникальная круглая глыба диаметром около метра (вес ее около 300 кг). Она отполирована, обладает красивым малиново-красным цветом с многочисленными черными прожилками. Это своеобразный минералогический памятник седельниковскому орлецу.

В центре Екатеринбурга, на самом людном месте ниже плотинки, на постаменте выставлена большая глыба родонита. Каждый может подойти к ней, посмотреть и потрогать. Она сохранена в первозданном виде. Это особая красота. История этого камня насчитывает десятки лет. Он добыт очень и очень давно. Подлинных документов, как утверждают, не сохранилось, но есть все основания полагать, что это случилось еще до революции. Камень долго хранился на задворках уральского завода, который располагался на плотинке. Лишь совсем недавно ему присвоили статус минералогического памятника. В настоящее время из живых моноблоков – этот самый крупный. Сейчас красоту этого по-настоящему уникального камня разглядеть очень трудно. Влюбленные всего города оставляют на нем свои признания, а гости Екатеринбурга – автографы и пожелания вернуться еще раз.

Уникальный камень, выставленный в центре города, можно рассматривать как своеобразный символ Екатеринбурга – символ города, которому еще при его зарождении пророчили великое будущее.

фото: В. Толькина

Михаил ФОНОТОВ,
фото Владимира САДЫРИНА

Костер на лугу

Нет, купальница нигде не купается. Она держится ближе к влаге, сырой луг — ее любимое место, но в воду не лезет. Всезнающий В. Даль подсказывает: купальница — это костер (купа) на ночевке, огонь в поле.

Цветок купальницы европейской — желтый шар. Абсолютно желтый, что необычно. «Классический» цветок таков: стебель-цветонос с цветоложем на конце, на цветоложе — чашечка, которая «по правилам» должна быть зеленой, в чашечке — венчик (именно он чаще всего окрашен в какой-то привлекательный цвет), в венчике — тычинки, среди тычинок — пестик. А у купальницы чашечка не зеленая, а желтая, как и венчик. Она, по сути, взяла на себя роль венчика, который спрятан внутри шара и как бы подавлен. Значит, чашечка может превратиться в венчик? Вроде бы. А венчик умеет преобразиться в тычинки? Вроде бы. А листья способны обернуться чашечкой? Вроде бы...

К сожалению, о происхождении растений мы наверняка ничего не знаем. Канва эволюции как будто очевидна: от простого к сложному. Наверное, все началось с одной клетки, которая жила в воде. С водоросли. Чтобы получился стебель, несколько клеток должны прилепиться друг к другу и вытянуться в нитку. Может быть, так оно и было. Возник стебель, или, как говорят ботаники, ось. А дальше? Как поя-

вились на стебле побеги, как раскрылись листья, как отросли корни, как распустились цветы? Кто это задумал и кто это сотворил?

Начав с живой точки (с клетки), природа протянула живую линию стебля, соткала живые эллипсы, треугольники и другие геометрические фигуры листьев, набрала живые диски и шары цветов... Она буквально «купалась» в геометрии.

Однако, собрав многие звенья эволюции, наука не может связать из них всю цепь. Переходные формы почему-то спрятаны.

Наконец, есть тайна тайн. Не в том главная тайна, как возникли растения, а в том, как возникла программа, по которой они развиваются. Мы так и не знаем, что чему предшествовало — яйцо курице или наоборот. За сотни миллионов лет растения неузнаваемо преобразились, усложнились, а одно и у примитивных водорослей, и у изощренной купальницы в сущности неизменно: две половые клетки (гаметы) сливаются в одну зиготу. Считается, что эволюция уводила половой процесс все дальше от воды: без нее невозможно оплодотворение.

От одной клетки до купальницы — чтобы пройти этот путь, природе потребовались миллионлетия, а мы хотим виртуально повторить его за какую-нибудь тысячу лет...

Национальный парк спорта и туризма «ТУРГОЯК»

ГОРНОЛЫЖНЫЙ
ЦЕНТР
СОЛНЕЧНАЯ
ДОЛИНА

ЛЕТНИЙ СПОРТИВНО-ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ «ШКОЛА ЮНОГО ТУРИСТА»

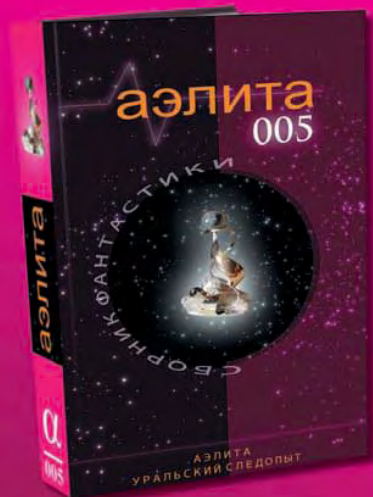
- 1 смена – 15.06 - 24.06
  - 2 смена – 25.06. - 04.07
  - 3 смена – 05.07 - 14.07
  - 4 смена – 15.07 - 24.07
  - 5 смена – 25.07. - 05.08
  - 6 смена – 06.08 - 15.08
  - 7 смена – 16.08 - 25.08
- Палаточный лагерь на берегу р. Сыростан
  - Учебно - тренировочные занятия (экипировка, скалолазание, ориентирование на местности и многое другое)
  - Ежедневная развлекательная программа
  - Экскурсионные программы (Ахматовские копи, о. Веры, музей Ильменского заповедника)
  - Вечер у костра
  - Новые друзья и великолепная природа

ПУТЕВКА НА 10 ДНЕЙ
7300 руб
АГЕНТСТВАМ 10%

г. Миасс, гора Известная, dolina@miass.ru, www.dolina.su

Заявки принимаются по тел.: (3513) 284-226,590-666. Представительство в г. Челябинск: 8 (351) 247-20-05

В издательстве «Уральский Следопыт» вышел в свет юбилейный пятый сборник фантастики — «Аэлита/005» (составитель — Борис Долинго, редактор раздела фантастики журнала «Уральский Следопыт»).

В сборник вошли произведения молодых писателей, проживающих в разных странах — России, Украине, Беларуси, Казахстане, США и Израиле. Всех их объединяет любовь к русскому языку, на котором они творят, и к одному из самых увлекательных жанров современной литературы — к фантастике.

Приобрести сборник можно в редакции журнала «Уральский Следопыт» по адресу:
г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13, тел.: 295-61-27 (-28).

УРАЛЬСКИЙ
спецопыт

uralstalker.ru

**ОТЕЦ ШТИРЛИЦА
НА УРАЛМАШЕ**

ЗАЛЕЖИ

УРАЛЬСКОЙ ПЛАТИНЫ

ПОДВОДНАЯ ОХОТА

НА НАРОДЕ

ГЛУБОЧАЙШАЯ ПЕЩЕРА

БАШКИРИИ

**ИЮНЬ
2009**

Дмитрий МИНИН,
фото из архива «Уральского следопыта»

Велосипед — это свобода

Велотриал — это спортивная дисциплина, преодоление препятствий на велосипеде, также как мототриал — на мотоцикле, а автотриал — на автомобиле. Здесь нет скорости, есть только препятствия, которые нужно хладнокровно преодолевать. Это могут быть узкие и высокие соединяющиеся конструкции, по которым нужно просто проехать, но все не так просто, ведь они расположены под разными углами. Как правило, на соревнованиях по велотриалу все препятствия делятся по секторам в зависимости от уровня сложности. В каждом секторе спортсмен может получить до 5 штрафных баллов. Кто преодолевает все препятствия

быстрее соперников и получает наименьшее количество штрафных баллов, тот и победитель. В триале используются специализированные велосипеды, часто на них нет седла, но это необязательная конструкция, отсутствие седла скорее дань моде. Когда мы только начинали триалить, все велосипеды были с седлами и многие просто откручивали их, а оставшееся отверстие заклеивали скотчем или забивали поролоном для мягкости, тогда, увидев это, производители стали выпускать велосипеды, у которых есть только рама. Такой велосипед не рассчитан ни на быструю езду, не на дальние дистанции, зато он легкий и у него очень

мощные тормоза, ведь главное в триале заблокировать колесо, а дальше — дело техники. Со стороны кажется, что прыгнуть на велосипеде легко, и вниз на самом деле несложно, тут важно не испугаться и технично приземлиться, а то, что вверх прыгнуть легко — это только кажется.

Когда я начал заниматься триалом, это было в 1996 году, никто из нас даже не знал, что это такое, просто мы посмотрели случайно попавшую к нам видеокассету, где американский райдер выполнял трюки, и остались в шоке от увиденного. Мы подумали: велосипеды-то одни и те же, просто мы не умеем так кататься,